

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
Кафедра источниковедения и специальных исторических дисциплин**

На правах рукописи

Яковлев Матвей Евгеньевич

**ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ
ИСТОРИКОВ (2014-2020 гг.)**

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук

Марина Станиславовна Бобкова

Москва, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	36
§ 1. Особенности диссертационного корпуса и его анализа	36
§ 2. Авторы работ диссертационного корпуса	44
§ 2.1. Гендерное соотношение	44
§ 2.2. Особенности выбираемых специальностей	47
§ 3. Тематика работ диссертационного корпуса	55
§ 3.1. Военная история	58
§ 3.2. История образования и историческая демография	69
§ 3.3. История религии и церкви	82
§ 3.4. Экономическая история	91
§ 3.5. Регионоведение	94
§ 3.6. Историческая биография	104
§ 3.7. История идеологии и пропаганды	107
§ 3.8. История науки	119
ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ	128
§ 1. Характеристика рассматриваемого корпуса	128
§ 2. Специализация диссертационных советов	135
§ 3. Ментальная карта исторической науки	138

§ 4. Антиковедение в докторских диссертациях	140
§ 5. Медиевистика в докторских диссертациях	152
§ 6. История Нового времени в докторских диссертациях	172
§ 7. История первой половины XX в. в докторских диссертациях	196
§ 8. История после 1945 г. в докторских диссертациях	220
§ 9. Методология как часть профессиональной культуры историка	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	246
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	254

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «диссертационная культура» впервые применено Н.Н. Алеврас в 2010 г.¹ Это понятие, в его краткой дефиниции, включает весь спектр явлений, связанных с движением соискателя к защите диссертации. Оно может быть применено к любому периоду истории исторической науки, начиная с опыта реализации «Предварительных правил народного просвещения» 1803 г., первого университетского устава 1804 г. и специального положения 1819 г., которое определяло условия получения ученых степеней»².

По мере роста числа исследований, посвященных анализу диссертаций как исторического источника, значение термина вышло за рамки сугубо процедуры. Мы определяем диссертационную культуру как совокупность организационно–нормативных процедур, осуществляемых научно–образовательными институциями традиций и профессиональной культуры историка, влияющую на структуру, тематику, теоретико–методологическую базу диссертации, и направленную на получение научно–исследовательского продукта, соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам профессиональной сертификации.

Современная российская историческая наука развивается на основе сложных и противоречивых тенденций, основанных как на особенностях отечественных научных школ со своими самобытными традициями, так и на усвоении опыта зарубежных исследователей. Такая синергия влечет за

---

¹ Алеврас Н.Н. Диссертационная культура российских историков второй половины XIX — начала XX в.: поиск национальных особенностей. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина. Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство, Нижний Новгород, 30 сентября – 02 октября 2010 года. Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории, Нижегородский госуниверситет, Нижегородский госпедуниверситет. Нижний Новгород: Институт всеобщей истории РАН, 2010. – С. 266–268. *Её же*. Диссертационная культура как историографический концепт. Уральский исторический вестник. 2014. – № 4(45). – С. 111–120

² Там же, с. 111–114.

собой как потенциальные возможности, так и риски для дисциплины в целом – в том числе в отношении пересмотра социальной роли историка, смысла истории как науки, методологии, направлений научных исследований.

Испытывает влияние происходящих перемен и система квалификации научных кадров, в том числе центральное звено данной системы – диссертационная культура. В начале 2000–х гг. защиты диссертаций всё чаще становились объектом критики со стороны ученых и общественных активистов. Звучали тезисы о кризисе профессии историка, о растворении генерируемых профессиональной корпорацией смыслов в море исторической публицистики и folk–history, о распространяющейся среди историков реабилитации устаревших методологических подходов.

Итогом накопившегося недовольства состоянием российской науки стала комплексная реформа системы научной аттестации 2013 г. При всей оправданной критике преобразований со стороны профессионального сообщества, были достигнуты определенные количественные результаты в отношении сокращения числа советов и проводимых защит диссертаций.

В 2018 г. происходит еще одна значимая переменна – наука в России объявлена национальным проектом, в рамках которого создан ряд федеральных программ. В 2020 г. анонсирован единый национальный проект «Наука и университеты», охватывающий период с 2021 по 2030 гг. 2021 г. также ознаменован рядом преобразований в науке – в частности, впервые с советских времен сменилась система научных специальностей, что отразило растущую многоплановость и разнофакторность исследований.

В то же время, успешное и продуктивное развитие дисциплины невозможно без понимания ее актуального состояния, в том числе особенностей системы научной квалификации и тематики квалификационных работ в период, предшествующий современному –

после реформ 2013 г., но до единого национального проекта «Наука и университеты» и реформы шифров научных специальностей.

Актуальность работы обусловлена развитием интереса профессионального сообщества к диссертациям как заслуживающему изучения историческому источнику. В то же время, интерес этот остается ограничен в основном развитием исторической науки на протяжении XIX-XX вв. Работы же, затрагивающие современное состояние диссертационной культуры российских историков, отсутствуют как в русскоязычном, так и в зарубежном научном пространстве.

Между тем, диссертационная культура является одной из важнейших частей науки вообще и исторической науки в частности, докторская диссертация, по выражению Н.Н. Алеврас, стала своего рода «эталонным научным исследованием»³ служащим подтверждением высшей научной квалификации соискателя и основанием для присуждения ему ученой степени. Одновременно, докторская диссертация закрепляет высокий статус соискателя в области профессиональных интересов. Как отмечал французский социолог Пьер Бурдьё: «Ничто не вносит большего вклада в усиление желаемых диспозиций, чем докторская диссертация»⁴ — эта фраза была написана совсем в другую эпоху, но едва ли утратила актуальность и особенно ярко звучит в отечественном контексте с учётом принятой в России двухчастной системы присуждения учёных степеней.

Со времён распада СССР, в диссертационной культуре современной России произошли существенные изменения. Культура эта сохранила основные формальные признаки, свойственные советским диссертациям,

---

³ *Алеврас Н.Н.* Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX – начало XX в.). Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. – С. 62.

⁴ *Бурдьё П.* Homo academicus. М.: Издательство ИЭП, 2018. – С. 187.

но в плане содержания несводима ни к советским, ни к дореволюционным, ни к средневековым образцам.

К тому же актуальность нашему труду придаёт безликий характер собираемой рядом социологических институций статистики, не характеризующей ни основные тематические направления, по которым защищаются работы, ни круг проблем, которых они касаются. Между тем анализ диссертационного корпуса, по нашему мнению, позволит представить основные проблемы, исследуемые российскими историками, и тем самым оценить актуальные тренды в сфере исторического знания.

Объектом исследования является российская историческая наука в период с 2014 по 2020 гг.

Предметом исследования являются диссертации на соискание степени доктора исторических наук, защищённые в России в 2014–2020 гг., как часть отечественной исторической науки.

Хронологические рамки исследования — 2014–2020 гг. Выбор обусловлен промежутком между двумя важными реформами российской науки. В 2013 г. процесс реформирования, включал, в том числе, сокращение на 37,1% числа диссертационных советов, взятие курса на повышение качества диссертаций, недопуск слабых работ к защите, ряд мер по предотвращению случаев мошенничества при защите диссертации, введение обязательной проверки работы на плагиат и ужесточение требований к экспертам. Реформа привела к падению числа защит на 40%.

В 2020 г. можно говорить о начале нового этапа для российской науки в целом – утверждён национальный проект «Наука и университеты», впервые с советских времен меняются шифры специальностей защиты, что отразило растущую многоплановость исследований.

Территориальные рамки исследования охватывают российские ВУЗы и НИИ, осуществляющие присуждение ученых степеней государственного образца через систему ВАК. Таким образом, наше

исследование не охватывает собственные ученые степени ряда российских ВУЗов.

Целью данного исследования является характеристика диссертационной культуры работ историков современной России.

Задачи:

1. Провести историко-статистическое исследование диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, защищённых в России в период 2014–2020 гг.

2. В рамках рассматриваемой источниковой базы проанализировать хронологические, географические, тематические и методологические черты работ для выделения основных исследовательских направлений современной российской историографии и основных используемых историками подходов.

3. Изучить и систематизировать актуальные тенденции в российской исторической науке, прослеживаемые, исходя из диссертационного корпуса.

Источниковая база:

Источниковая база работы условно делится на несколько групп – нормативно-правовые акты, документы ВАК, диссертации, авторефераты к ним, отзывы оппонентов и ведущих организаций, заключения диссертационных советов, а также справочно-информационные издания.

Основным источником являются диссертации на соискание степени доктора исторических наук, защищённые в России в период 2014–2020 гг. Данный корпус включает в себя 305 работ. Кроме того, в ряде случаев использовались авторефераты указанных диссертаций, отзывы оппонентов, отзывы ведущих организаций, заключения диссертационных советов. Диссертации и авторефераты к ним хранятся в отделе диссертаций РГБ и оцифрованы в виртуальных читальных залах, также их можно найти в библиотеках организаций, на базе которых создан

диссертационный совет. Отзывы оппонентов, отзывы ведущих организаций и заключения диссертационных советов находятся на сайте соответствующего диссертационного совета и хранятся в архивах организаций, на базе которых создан диссертационный совет.

Как источник, диссертация на соискание степени доктора исторических наук представляет собой печатный текст объемом в 200 и более страниц, написанный на русском языке и имеющий строго одного автора. Структура диссертаций не идентична, поскольку авторы сами определяют ее: в некоторых диссертациях три главы, в некоторых – пять или шесть, в одних повествование строится по хронологическому принципу, в других – по проблемному. Каждой диссертации присваивается определенная специальность защиты, определяющая тематические приоритеты, круг изданий для апробации исследования, возможные диссертационные советы для защиты. Также в обязательном порядке размещается в сети Интернет автореферат диссертации, содержащий в себе общую характеристику исследования и основное содержание работы. Один из экземпляров защищенной диссертации и ее автореферата передается в библиотеку организации, на базе которой был создан диссертационный совет, другой экземпляр – в Российскую государственную библиотеку, третий – в Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти. Полный текст диссертации размещается в сети Интернет на сайте диссертационного совета, где находится в открытом доступе не менее 12 месяцев со дня защиты.

При составлении статистики защит использовались приказы о присвоении степени доктора исторических наук ВАК РФ. При анализе полученных данных – ряд справочно-информационных и научно-исследовательских изданий по проблематике работы.

Также нами активно использовались нормативно–правовые акты, имеющие отношение к проблеме исследования, прежде всего «Положение о присуждении ученых степеней и званий»⁵.

Историография:

Основой историографии исследования являются работы, посвящённые диссертационной культуре. Реактуализация в современном академическом дискурсе диссертаций как заслуживающего анализа типа источников связана с российскими историками Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной, как написавшими ряд статей о диссертационной культуре XIX-середины XX вв.⁶, так и создавшими само понятие «диссертационная культура».

Система учёных степеней появилась в России по историческим меркам недавно – в 1803 г.⁷ Первое «Положение о произведении в ученые степени» в России относится только к 1819 г. Эта система была четырехступенчатой, степени отличались по большей части тем, какому чину в «Табели о рангах» соответствовали. Так, студент окончивший курс, но не пожелавший держать экзамен на степень кандидата, не требующую диссертации – только устный и письменный экзамен, мог поступить на службу XIV классом (Коллежский регистратор), выдержавший кандидатский экзамен – уже XII классом (Губернский секретарь). Диссертации возникали на двух высших ступенях – «Магистра» и «Доктора», позволяющих претендовать соответственно на IX (Титулярный советник) и VIII класс (Коллежский асессор)⁸.

---

⁵ «Положение о присуждении ученых степеней» [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (Дата обращения: 15.12.21)

⁶ Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина Диссертационная культура как российская научная традиция сообщества ученых-историков XIX — первой половины XX века: сложности рецепции и перехода // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М., 2022. С.293-322.

⁷ Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. – № 1(62). – С. 63.

⁸ Там же, С. 64.

В пределах же университетской среды существовало два типа преподавателей – профессор и адъюнкт, первая должность требовала степени доктора, а вторая – магистра. Обязательное наличие степени закреплено как квалификационное требование в 1835 г., до этого магистры лишь пользовались правом преимущественного зачисления на вакантные должности адъюнктов⁹.

Наконец, степень доктора давала право на потомственное дворянство – степень магистра давала право на дворянство личное. Степень кандидата первоначально предполагалась в качестве элемента подготовки учителей гимназий, позднее она будет давать почетное гражданство. А.Ю. Андреев видит в такой связи с «Табелью о рангах» учёных степеней главную причину отличия отечественной системы учебных степеней от европейской практики присвоения единственной степени «доктора» без каких-либо особых прав и чинов¹⁰.

Приблизженный к современному вид диссертация на соискание ученой степени приобретает на рубеже XIX-XX вв., до тех пор диссертация представляла собой небольшое реферативное произведение, напоминающее эссе, и служила заключительной частью письменного экзамена соискателя, предварительно ответившего на определенное число вопросов и прочитавшего на факультете определённое число публичных лекций¹¹.

Таким образом, на раннем этапе существования учёных степеней, диссертация наравне с публичными лекциями имела исключительно

---

⁹ Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. – № 1(62). С. 65.

¹⁰ Там же, С. 68.

¹¹ Алеврас Н.Н. Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX - начало XX в.) Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. – С. 59–62.

экзаменационный характер и сопутствовала скорее продвижению по социальной лестнице, чем служила «образцовым исследованием» как в позднейшие годы. Известный пример – А.С. Грибоедова, зачисленного в университет в возрасте 11 лет, а выдержавшего экзамен с присвоением степени кандидата в 13, ясно показывает, что система ещё пока только формировалась, а протекция и родовитость были куда важнее формальных экзаменов, которые могли и вовсе не проводиться¹². Случались на начальном этапе развития системы учёных степеней и курьёзные присвоения степени доктора, минуя все остальные, без экзаменов и даже вовсе заочно. В 1815 г. Московский университет вручил степень доктора сыну одного дворянина, причём соискатель не потрудился приехать из Петербурга. Настоящие ученые часто получали степени с интервалом в год или два – А.Ю. Андреев связывал это явление с государственной политикой на скорейшее формирование поколения русских профессоров, которое избавило бы страну от необходимости приглашать иностранцев для преподавания¹³. «Положение в производстве в ученые степени» 1819 г. установило минимальные промежутки между присуждением степеней и закрепило обязательное их последовательное получение, а также классификацию степеней по наукам – именно тогда впервые появилось сочетание «доктор исторических наук».

Н.Н. Алеврас считает, что только к середине XIX в. диссертация приобретает монографический характер и только к концу века становится своего рода «эталонным» научным исследованием, индикатором способностей и научного мастерства соискателя, а также проявлением представлений академического сообщества о принципах исторического исследования¹⁴.

---

¹² Там же, С. 70.

¹³ Там же, С. 66.

¹⁴ *Алеврас Н.Н.* Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX – начало XX в.). Актуальные проблемы источниковедения. Витебск, 2017. – С. 62.

Диссертаций по истории было немного, например, в 1811–1840 гг. в российских университетах защищены всего 20 диссертаций на соискание степени доктора или магистра истории, в 1841–1880 – 109, 1881–1917 – 153¹⁵.

Для сравнения – в Российской Федерации в 2014–2020 гг. были защищены 305 диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, что превосходит число диссертаций по истории, защищённых в Российской Империи с 1811 по 1917 гг.

Отметим также вклад в изучение диссертаций К.А. Ильиной – в частности, ее статьи о культуре рецензирования диссертаций¹⁶ и развитии академической экспертизы и цензуры диссертаций в императорской России¹⁷. Особенно интересен тезис К.А. Ильиной о неэффективности государственной цензуры диссертаций, иллюзорном характере и внутренней слабости мер, с помощью которых государство пыталось оградить ученое сообщество от вольнодумства¹⁸.

Также К.А. Ильина провела два весьма интересных разбора конкретных защит¹⁹, продемонстрировав траекторию академических карьер и адаптацию учёных к меняющимся университетским уставам.

---

¹⁵ Там же, С. 60.

¹⁶ *Ильина К.А.* Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX века. Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 36–49.

¹⁷ *Ильина К.А., Галиуллина Р.Х.* Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. – №4. – С. 15–24.

¹⁸ Там же, С. 23.

¹⁹ *Ильина К.А.* "Никто не может быть... профессором, не имея степени доктора": дискуссии о докторской диссертации Андрея Угянского. Труды Кольского научного центра РАН. 2021. – Т. 12. – № 4(21). – С. 73–80. Её же. *Ильина К.А.* Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А. И. Чивилева. Диалог со временем. 2016. – № 57. – С. 169–187.

Основы исследований диссертационной культуре советского периода заложили, как в в случае с диссертациями Российской империи, также представители «Челябинской школы». Н.В. Гришина раскрывает²⁰ перед нами широкую панораму отечественной науки 20–х гг. XX в. В 1918 г. ученые степени были отменены, ученые испытывали сильную дезориентацию и по инерции подавали в университетские советы просьбы о рассмотрении их диссертаций. Некоторые университеты на своё усмотрение и вовсе проводили единичные защиты. С 1921 г. Петроградский университет и с 1922 г. Московский начали на систематической основе проводить диспуты для «повышения квалификации», что формально не было запрещено – и всё же эти «незащиты» проходили, как правило, в узком кругу с минимальной документацией и остались в основном в воспоминаниях и мемуарах современников. Иногда проведение защиты необходимо было диссертанту для формального обоснования будущих претензий на определенные профессиональные позиции в эмиграции.

С 1925 г. началось формирование советской аспирантуры – аспирантские диссертации пока не давали ученую степень, но предоставляли право преподавания. В дальнейшем, после введения учёных степеней, аспирантские диспуты были засчитаны в качестве защит, и диссертанты получили ученую степень автоматически²¹.

Что примечательно – неформальные диспуты для «повышения квалификации» исчезли не сразу, например, в 1928 г. на такой диспут решился В.В. Струве, на тот момент уже признанный учёный, профессор,

---

²⁰ *Гришина Н.В.* "...Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке": контуры диссертационной системы в 1920-е гг. Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX — середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 88–98.

²¹ Там же, С. 96.

сотрудник Эрмитажа. Но эти диспуты, как и раньше, не имели квалификационной функции²².

О.В. Метель раскрывает²³ иную сторону диссертационной культуры 20-х XX в. Уже с 1918 г. в рамках Социалистической академии общественных наук возник институт членов–соревнователей, работавших под руководством академического состава для подготовки к получению звания профессора и занятию наукой. При этом стать членом–соревнователем мог любой человек, желающий изучать научный социализм и обладающий знаниями в этой области. На предмет выяснения данных условий проводился вступительный коллоквиум.

Члены–соревнователи избирались на два года, получали стипендию и каждые полгода отчитывались о научной деятельности. В 1918–1919 гг. таких членов–соревнователей было около двадцати.

В 1919 г. прошла реорганизация Социалистической академии – теперь она состояла из действительных членов и научных сотрудников. Последние были приписаны к определенному подразделению и, наряду с изучением отдельных предметов под руководством действительных членов, были обязаны участвовать в коллективных исследованиях подразделений. В 1924 г. Социалистическую академию переименовали в Коммунистическую, а её образовательной функцией стала подготовка кадров в области теории марксизма–ленинизма. Аспирантов же как таковых по большей части готовили институты РАНИОН (Российской ассоциации научно–исследовательских институтов общественных наук) и ИКП (Институт красной профессуры). В 1929 г. РАНИОН и ИКП

---

²² Там же, С. 96.

²³ *Метель О.В.* Организация системы подготовки научных кадров в Коммунистической академии (на примере общественных наук). Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 98–109.

объединяют с Коммунистической Академией – причём на аспирантов уже возлагались обязанности ведения работы над диссертацией, преподавания, несения партийной и общественной нагрузки, посещения семинаров по общим и специальным предметам, прохождению практику на заводе или в ином учреждении, участию в коллективных исследованиях, в военных занятиях... В результате, собственно, научная работа занимала меньшую часть времени аспиранта. Постоянные перегрузки приводили к массовым проблемам со здоровьем и постоянным срывам учебного плана.

А.М. Скворцов, разбирая²⁴ защиту докторской диссертации А.В. Мишулиным, высказал ряд тезисов и касательно советской диссертационной культуры 30–х гг. XX в. в целом. В 1934 г. возрождается и обновляется система учёных степеней, а вместе с ней порядок защиты диссертации, при сохранении возможности получения степени без защиты – по совокупности трудов, под которыми понимались учебные пособия, монографии и статьи.

Л.А. Козлова подсчитала, что в 1934–1936 гг. из 345 соискателей только 67 историков проходят процедуру защиты, а остальные получают степень «по совокупности»²⁵. А.М. Скворцов видит в этом исключительно проявление nepотизма и коррупции²⁶, но мы можем сказать, что, вероятно, такое положение было обусловлено указанным выше явлением неформальных диспутов – из 345 соискателей часть наверняка прошла такие в 20–е гг. На это указывают и данные самого А.М. Скворцова, подтверждающие, что с конца 30–х присвоение степени без защиты становится скорее редким исключением, а также, что герою его статьи, А.В. Мишулину, уже зачли защиту диссертации в 1930 г., и в 1935 г. это

---

²⁴ Скворцов А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным. Научный диалог. 2019. – № 2. – С. 296–310.

²⁵ Козлова Л.А. "Без защиты диссертации.": статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы. Социологический журнал. 2001. – № 2. – С. 145–158.

²⁶ Скворцов А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы. Научный диалог. 2019. – № 2. – С. 298.

решение стало основанием для получения степени кандидата наук без проведения повторного диспута²⁷.

На этот характер «беззащитных» соискателей указывает и А.А. Мировщикова²⁸, разбирая присуждение степени С.Я. Лурье – квалификационная комиссия при Академии Наук СССР получила задачу составить список тех, чьи заслуги позволяют присвоить им степень без защиты. С.Я. Лурье подавал прошение о защите диссертации ещё в 1922 г., но «по неизвестным причинам»²⁹ защиты проведено не было. Как бы то ни было, на момент присуждения степени доктора, Лурье был автором более 80 научных трудов и признанным специалистом в своей области.

На рубеже 20–х – 30–х гг. меняется и характер научной экспертизы – уменьшается роль научной дискуссии и научной критики, происходит стремительная формализация научной жизни. Н.В. Гришина относит к 1928 г. зарождение «шаблонно–сравнительного метода историографической оценки»³⁰ – наличие определенных терминов и марксистских цитат становится поводом для характеристики работы как правильной и идейной. Такой метод оценки наряду с описанными выше реформами Коммунистической Академии и РАНИОН возникает как реакция на фактическое неформальное возрождение дореволюционных форм работы с молодыми научными кадрами и стремительную «демарксизацию» аспирантов, не решаемую «простой чисткой». К 1928 г.

---

²⁷ Там же, С. 304–305.

²⁸ *Мировщикова А.А.* Докторская степень без защиты: случай С.Я. Лурье в 1934 г. Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 110–119.

²⁹ Здесь Мировщикова ошибается – на самом деле по вполне понятным причинам, связанным с отменой учёных степеней вообще (прим. М.Я.)

³⁰ *Гришина Н.В.* "Работа... не является марксистской...", или Формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина). Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. – № 3(3). – С.53.

относится тотальная проверка аспирантов «тройками» на отнесение их к марксистам.

Разбирая защиту Н.М. Дружинина, Н.В. Гришина приводит «Заключение квалификационной комиссии», содержащее пункт «Методологическая оценка диссертации и заключительного слова». Для Н.М. Дружинина защита с характеристикой «методологически эклектик и определённо немарксист» ещё оказалась возможна, хотя основной критике был подвергнут именно немарксистский характер работы. Однако, уже в 1929 г. такая характеристика из трёх заключительных пунктов «Предоставление диссертанту прав» дала лишь право на научно-исследовательскую работу в рамках коллективных задач научного учреждения, но не право на преподавание и самостоятельную научную работу³¹. В 1930 г. последовал арест. В 1933 г. Дружинин решается опубликовать свою работу, на сей раз серьёзно её переработав и «марксизировав» в духе новорожденного советского догматизма.

Нельзя не упомянуть также работу А.Л. Юрганова об историках эпохи сталинизма³². Автор критически оценил роль марксистско-ленинской методологии в развитии исторической науки в России, считая, что советские историки занимались тем, что пытались согласовать друг с другом буквально все мнения классиков марксизма. «Египетский плен идеологии» – бесспорно стилистически яркая характеристика, и таких стилистических находок в книге Юрганова много.

В.В. Сашанов, исследователь советской византистики, приводит в пример в качестве проблемы диссертационной культуры 30–х – 40–х гг. XX века речь, произнесенную на заседании ученого совета Института

---

³¹ Гришина Н.В. "Работа... не является марксистской...", или Формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина). Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. – № 3(3). – С. 51.

³² Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. Российский государственный гуманитарный университет. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 763 с.

Истории АН СССР Е.А. Косминским в 1946 г.³³ Е.А. Косминский считал, что формализация защиты свела на нет культуру академической дискуссии – диссертант уже не должен был доказать каждому из оппонентов свою правоту или признать свою неправоту, а, напротив, мог обойти некоторые вопросы. К тому же оппонент, в отличие от времён Российской империи, имел на подготовку отзыва уже не полгода, а порой крайне сжатые сроки. На том же заседании, Б.Д. Греков также сетовал на формализацию процесса защит, вплоть до того, что оппоненты часто пролистывали диссертации, а в отзыве делились лишь своими впечатлениями. Пожалуй, можно согласиться с В.В. Сашановым, считающим, что подобные выступления и прямое обращение к дореволюционному опыту было возможно только по причине «относительной свободы первых послевоенных лет»³⁴.

Но для нас выступления Косминского и Грекова ценны ещё и как факты профессиональной рефлексии исторического сообщества, существующей потребности в рецепции академического опыта имперского периода. Потребность эта, впрочем, оказалась неудовлетворенной – вплоть до наших дней сохраняется именно тот формальный порядок защиты, который так критиковали Косминский и Греков.

Послевоенная диссертационная культура обладает своими уникальными чертами, лучше всего подмеченными А.В. Хорошеновой³⁵.

---

³³ Сашанов В.В. "Так бывало в прежние времена...": Е.А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ АН СССР в 1946 г. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. – № 2. – С. 172–176.

³⁴ Сашанов В.В. "Так бывало в прежние времена...": Е.А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ АН СССР в 1946 г. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. – № 2. – С. 173.

³⁵ Хорошенова А.В. Исследования по истории СССР в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в.: тенденции и противоречия. *Вестник Томского государственного университета*. 2014. – № 388. – С. 155–160. Её же. Хорошенова А.В. Состояние профессорско-преподавательского состава вузов СССР после Великой отечественной войны. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. – № 4. – С. 561–570.

В 1945 г. в ВУЗах страны констатируется сильнейший кадровый недобор. Наркомпрос выпустил ряд приказов, например, освобождая студентов, преподавателей, научных сотрудников и лаборантов от призыва в армию, требуя от ВУЗов предоставить преподавателям все условия научной деятельности – командировки, межбиблиотечные каталоги и др. В 1946 г. серьёзно повышены оклады преподавателей ВУЗов, которые стали одними из самых больших в стране, были значительно подняты стипендии студентам и аспирантам. Аспиранты получали стипендию на уровне средней заработной платы в стране. Как итог, уже в послевоенное пятилетие из аспирантуры выпущено 16,3 тыс. человек³⁶.

В 1947 г. секретарю ЦК ВКП(Б) Г.М. Маленкову направлено письмо руководителей высшей школы с указанием на серьезнейший кадровый дефицит, в том числе – 517 специалистов по общественным наукам. В тот момент в стране работали 5 370 профессоров, 13 860 доцентов, 47 870 преподавателей без учёного звания – и только 10% от общего числа специалистов были молодыми учеными. При этом в стране только 4 112 от этих ученых получили степень доктора наук и 15 814 - степень кандидата наук³⁷.

Кадровый дефицит побудил принять меры. Последовало разрешение прикомандирования научных работников к ВУЗам и научным учреждениям для завершения работы над докторской диссертацией. В 1947 г. принято решение и об обязательном оформлении автореферата к каждой защищаемой диссертации. В 1948 г. введена одногодичная аспирантура для преподавателей ВУЗов и учителей школ, желающих защитить кандидатскую диссертацию. В 1949 г. проведена реформа аспирантуры – установлен отбор тем аспирантов, педагогическая практика и персональное распределение. Кроме того, становится возможным

---

³⁶ *Хорошенкова А.В.* Состояние профессорско-преподавательского состава вузов СССР после Великой отечественной войны. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. – № 4. – С. 564.

³⁷ Там же, С. 564.

соискательство – преподавателям ВУЗов разрешено прикрепляться к кафедрам для сдачи кандидатских экзаменов и защиты диссертации без отрыва от производства³⁸.

В 1950 г. в стране насчитывалось уже 5 000 докторов наук, а общее число преподавателей выросло на 15 000 человек – но, несмотря на позитивные подвижки, проблема кадрового дефицита оставалась³⁹.

На XIX съезде КПСС в 1952 г. указывалось, что 50% преподавателей даже не имеют ученой степени. Только 13 заведующих кафедрой на страну имели степень доктора наук⁴⁰. В МГУ было 3 кафедры марксизма–ленинизма – и всего 2 доктора наук. Как итог, мы видим постоянный рост числа аспирантов: в 1950 г. в стране было около 22 000 аспирантов, в 1955 – уже 29 500. А вот число аспирантов–историков заметно падает – в 1950 г. их было 2 607 человек, а в 1959 г. – уже 1 013⁴¹. В 1956 г. введено правило об апробации исследования – защита диссертации разрешена только после публикации её основных положений в виде статей или монографий. Также научным работникам разрешены шестимесячные творческие отпуска для завершения докторской диссертации. Ко всему, за 50–е гг. был на 70% увеличен набор в ВУЗы – с 349 тысяч человек до 593 тысяч⁴².

Разбирая диссертационную культуру второй половины XX в. на примере университетов Поволжья, А.В. Хорошенкова отмечает рост числа исследователей истории СССР. В 1947 г. в СССР защищены 111 работ по советской истории, но с 1950 г. ежегодно защищается не менее 250 работ⁴³. В 1954 г. появилось 530 новых кандидатов исторических наук, защищавшихся по истории СССР – для сравнения, за весь период 1945–

---

³⁸ Там же, С. 566.

³⁹ Там же, С. 565.

⁴⁰ Там же, С. 564.

⁴¹ Там же, С. 566.

⁴² Там же, С. 565.

⁴³ Хорошенкова А.В. Исследования по истории СССР в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в.: тенденции и противоречия. Вестник Томского государственного университета. 2014. – № 388. С. 155.

1951 г. включительно были защищены всего 702 кандидатские диссертации по истории СССР⁴⁴. Напротив, до 1951 г. по дооктябрьской истории были защищены 899 кандидатских диссертаций. Также в 1940–1952 гг. из 228 защищённых диссертаций на соискание степени доктора исторических наук только 20 касались советской истории. После проведения преобразований в 1953–1955 гг., только по истории советского периода защитили докторские диссертации 40 соискателей. Это существенный перелом в развитии советской науки – история СССР сделалась ведущей тематикой исследований.

Такой перелом, конечно, не возник случайно – речь о целенаправленной политике партии, направленной, с одной стороны, на стимулирование учёных к занятию историей СССР, а с другой – к написанию докторской диссертации⁴⁵.

Ещё один интересный тезис связан с установкой на развитие краеведения, по выражению А.В. Хорошеновой «объединившего всех исследователей региона»⁴⁶. С одной стороны, историки послевоенного поколения оказались перед необходимостью «осмысливать концептуальные изменения, появившиеся в советской науке в годы Оттепели»⁴⁷. С другой же стороны, по выражению А.В. Хорошеновой, «даже в этот наиболее благоприятный (1950–е гг. – *М.Я.*) период в высшей школе видны были источники её будущей деградации как общественного института: снижение общего уровня преподавательского состава после ухода старшего поколения, отсутствие серьезного и глубокого обсуждения общетеоретических вопросов. Наиболее очевидно это было в отношении уровня научной работы. Увеличение числа защит диссертаций

---

⁴⁴ Там же, С. 155.

⁴⁵ Там же, С. 156.

⁴⁶ Там же, С. 159.

⁴⁷ Там же, С. 159.

сопровождалось явным ухудшением их качества, особенно при защите докторских диссертаций»⁴⁸.

Диссертационная культура 90–х гг. прошлого столетия – тема пока малоизученная и ожидающая своих исследователей. Характеризуя основные тенденции первой половины 90–х, Е.Б. Заболотный указывает: «Среди представителей исторической науки официальную поддержку получали лишь те, кто придерживался либеральных взглядов, настаивал на применении цивилизационного подхода к истории, объяснял советскую историю с позиций теории тоталитаризма»⁴⁹.

Отчасти некоторые вопросы позволяет разрешить работа О.В. Воробьевой, связывающей именно с современным периодом ряд тенденций в исторической науке и диссертационной культуре. В частности, О.В. Воробьева связывает мультипарадигмальность современной исторической науки с различными типами рациональности.⁵⁰. Весьма полезным оказалось для нас исследование Л.Р. Хут⁵¹, в частности, содержащее в себе ценную информацию и о

---

⁴⁸ *Хорошенкова А.В.* Состояние профессорско-преподавательского состава вузов СССР после Великой отечественной войны. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. – № 4. – С. 563.

⁴⁹ *Заболотный Е.Б.* Историческая наука России в конце XX – начале XXI века: Учебное пособие для студентов специальности 020700 "История". Тюмень: Тюменский государственный университет, 2004. – 208 с. – ISBN 5-88081-386-X.

⁵⁰ *Воробьева О.В.* Стандарты профессиональной деятельности в российских диссертационных исследованиях по истории 1995-2015 гг. Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 года. Владивосток: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 200–205. Ее же. *Воробьева О.В.* Эпистемологические основания профессиональной деятельности в российских диссертационных исследованиях по истории 1995–2015. Омские научные чтения - 2018: Материалы Второй Всероссийской научной конференции, Омск, 10–15 декабря 2018 года Ответственный редактор Т.Ф. Ящук. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. – С. 462–464.

⁵¹ *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. Адыгейский государственный

диссертационной культуре соответствующих периодов. К примеру, Л.Р. Хут считает основной современной моделью построения исторического нарратива – нарратив, основанный на развитии процесса глобализации. Интересны также наблюдения автора относительно антиметодологизма части исторического сообщества – демонстративного отказа следовать какой-либо методологии⁵².

Нельзя не упомянуть вклад в исследование данной темы О.Б. Леонтьевой, написавшей ряд статей, посвящённых современной диссертационной культуре (1995 – 2015 гг.)⁵³ При этом использовалась методика «шагов» – то есть анализировались диссертации только за 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг. О.Б. Леонтьева отследила ряд «штампов» в диссертационной культуре до источника – например, крайне распространённая в методологических разделах сноска на «общенаучные методы» восходит к трудам И.Д. Ковальченко.

А.А. Пронин обобщил сумму диссертационных исследований по истории русской эмиграции за 1980 – 2005 гг.⁵⁴; Д.А. Огнев

университет, Московский государственный педагогический университет. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Прометей", 2010. – 702 с.

⁵² Там же, С. 40.

⁵³ *Леонтьева О.Б.* Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории. Историки в поисках новых перспектив. М.: ООО "Аквилон", 2019. – С. 159–205. Её же. *Леонтьева О.Б.* Методологические повороты рубежа XX–XXI вв. В практике современных диссертационных исследований по Отечественной истории. Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года. Научный редактор Н.А. Матвеева. Отв. редактор Т.П. Сухотерина. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 166–169. Её же. *Леонтьева О.Б.* Профессиональная рефлексия историка и канон научно-квалификационных исследований в современной Российской науке. Вестник Пермского университета. История. 2020. – № 3(50). – С. 67–75. Её же. *Леонтьева О.Б.* Современные исследовательские стратегии в отечественной историографии. Электронный научно-образовательный журнал "История". 2015. – № 9(42).

⁵⁴ *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980–2005 гг: Библиометрический анализ. Deutschland: LAP LAMBERT, 2011. – 480 с.

проанализировал диссертации по отечественной истории, защищённые в Томском государственном университете в 2012 – 2017 гг.⁵⁵

В начале столетия, статистика защит по истории собиралась и анализировалась В.И. Уколовой⁵⁶. Результат этой деятельности был отражен в ряде публикаций в журнале «Новая и новейшая история» и в перспективе составит бесценное подспорье для сравнительного исследования диссертаций разных эпох. Так, собранные В.И. Уколовой данные указывают на значительно большее число защит по всеобщей истории – только за 2000-й г. присуждено 26 степеней по специальности. Также заметен существенно меньший процент по сравнению с ситуацией 2014-2020 женщин-докторов наук. Что крайне примечательно, уже В.И. Уколова отмечает продолжающийся в науке до сих пор интерес к востоковедению и истории религии. Таким образом, во многом исследования В.И. Уколовой четверть века назад предвосхитили нашу работу и заложили основу применяемых нами подходов, став подлинным образцом работы с историко-статистическим материалом.

Нельзя не отметить также многолетнюю работу Г.А. Бордюгова во главе АИРО XXI⁵⁷, издавшего сборники статей за авторством крайне широкого числа исследователей – эти сборники посвящены актуальному состоянию исторической науки на момент издания и потому служат бесценным срезом по данной проблематике.

---

⁵⁵ *Огнев Д.А.* Тематика диссертаций по отечественной истории, защищённых в Томском государственном университете в 2012–2017 годах. Гуманитарный вектор. 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 178–186.

⁵⁶ *Уколова, В.И.* Тематика докторских диссертаций по всеобщей истории в 2000 и 2001 гг / В.И. Уколова // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 129-138. Ее же. *Уколова, В.И.* О тематике докторских диссертаций по всеобщей истории в 2002-2003 годах / В.И. Уколова // Новая и новейшая история. – 2005. – № 3. – С. 219-229.

⁵⁷ Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под редакцией *Г.А. Бордюгова*. М., АИРО-XX, 1996. Его же. Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя. Под редакцией *Г.А. Бордюгова*. М., АИРО-XX, 2003. – 560 с. Его же. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. Под редакцией *Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с. ISBN 978-5-91022-176-9. Его же. Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. Под редакцией *Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.

Современное сообщество историков меняется – особенно ярко это отражено в коллективной статье «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен», в 2011 г. приуроченная к двадцатилетию распада СССР⁵⁸. П.Ю. Уваров указывает, что с одной стороны в России наибольшая в мире доля историографов (историков науки), но с другой – их интерес в основном лежит в области изучения признанных классиков или зарубежной исторической науки, в то время как «анализа нашей современной историографической ситуации остро не хватает. В западных странах интроспекция, т.е. отслеживание состояния своей современной историографии, играет важную роль. У нас же о ней вспоминают чаще всего либо по какому-нибудь скандальному поводу, либо при написании заказных рецензий»⁵⁹. Трагедию молодого учёного рисует В.В. Тихонов – трагедию неопфита, который попав в историческую науку, сталкивается с «борьбой различных групп на влияние в профессиональном сообществе... (...). Всё бы ничего, но проблема в том, что старшие коллеги зачастую требуют, чтобы молодой учёный обязательно определился – с кем он. А тот не всегда понимает: почему нельзя с кем-то сотрудничать, обмениваться идеями, просто общаться и т.д. Даже суть конфликта ему далеко не всегда ясна. Приходилось неоднократно слышать рассказы о том, что молодого историка «топили» уже за то, что он имел несчастье быть когда-то чьим-то аспирантом или работать в том или ином учреждении»⁶⁰.

Н.Ю. Сухова проделала огромную работу по анализу богословских диссертаций, защищенных в Российской империи и СССР⁶¹. На примере

---

⁵⁸ Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. П.Ю. Уваров, И.И. Курилла, В.В. Тихонов [и др.] Российская история. 2013. – № 1. – С. 3–32.

⁵⁹ Там же, С. 4.

⁶⁰ Там же, С. 18.

⁶¹ Сухова, Н. Ю. Первые православные доктора богословия в России (1814–1869) / Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2009. – № 11. – С. 56–62. Ее же. "Положение о производстве в ученые степени" в российской духовной школе / Высшее образование в России. – 2010. – № 4. – С. 135–142. Ее же. Диссертационные диспуты как форма

конкретной дисциплины, Н.Ю. Сухова наглядно продемонстрировала, как анализ богословских диссертаций релевантно отражает масштабы научно-богословской деятельности и степень плодотворности, во многом предвосхитив часть подходов, используемых нами в нашем исследовании, и в том числе наглядно продемонстрировав, как общественно-политические и институциональные изменения ведут за собой изменения и в особенностях исследовательской деятельности соискателей.

М.В. Загидуллина выполнила⁶² анализ всех докторских диссертаций 1992–2009 гг. по специальности «журналистика» (10.01.10). Конечно, формат статьи на восемь страниц для анализа 98 диссертаций подразумевает обзорный характер исследования. Спорным нам представляется решение дать полный перечень 60 позиций соответствующих специальности областей исследования и, при этом, не опубликовать перечень изучаемых работ, что позволило бы читателю статьи проверить данные.

Статья Е.А. Попова «Современное состояние философской науки в диссертациях» содержит⁶³ интересную аргументацию специфики диссертаций как уникального источника, лучше всего помогающего отразить «палитру интересов» ученых на статистическом уровне. Е.А. Попов составил выборку за 2015–2018 гг. с фокусом на диссертации 2016–2017 гг.

научной работы в православных духовных академиях России в 1869–1884 гг / Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – № 3(36). – С. 21–35. Ее же. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. – 376 с. Ее же. Научно-богословская аттестация в период гонений 1920–1930-х гг. и присвоение ученой степени доктора богословия митрополиту Сергию (Страгородскому) / Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – № 3(32). – С. 99–115.

⁶² Загидуллина М.В. Тематический анализ докторских диссертаций по специальности 10.01.10 - журналистика (обзор диссертаций 1992–2009 годов). Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. – Т. 2. – № 6. – С. 83–90.

⁶³ Попов Е.А. Современное состояние философской науки в диссертациях. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. – № 5. – С. 136–145.

А.В. Мазаник опубликовала ряд работ по исторической урбанистике, в том числе статью на английском языке⁶⁴, где доказывает, что «история города» является бурно развивающимся направлением в российской науке, в том числе в диссертациях, а также указывает на причины такого развития – обострение ностальгии по прошедшим эпохам, распространение вестернизированных подходов к историческому исследованию, упадок идеологии в стране, популярность в России веберовской традиции и научной семиотики.

Примечателен обзор диссертаций по международным отношениям А.С. Крымской – исследование, во многом освободившее нас от необходимости подробно разбирать диссертации по международным отношениям (специальность 07.00.15). Особенно примечательны статистические данные по числу защит в советах, указывающие на наибольший авторитет диссертационных советов РУДН, МГИМО, НГУ, СПбГУ. Внимания заслуживает и разделение А.С. Крымской статистических данных по кандидатским и докторским диссертациям.⁶⁵ К достаточно неожиданным выводам в контексте развития российской исторической науки может привести анализ статистических данных по числу защит, приведенных А.С. Крымской – так, из приведенной статистики видно, что реформа ВАК 2013 г. не отразилась на числе защит по международным отношениям – некоторое падение было в 2014 г. (до 20), но потом число защит стало даже выше исторических максимумов за 20-летний период. Ранее таковым были 38 защит в 2007 г., за 2018 г. проведены уже 42 защиты. Уже в 2015 г. по международным отношениям защищены 32 диссертации, что превышает максимум 2005 г.

М. Суслов и И. Коткина в соавторстве опубликовали статью в сборнике «Россия как Цивилизация» где на примере диссертаций современных

---

⁶⁴ *A. Mazanik. Research in urban history: new research trends in doctoral dissertations in Russia since 2000. Cambridge University Press, 2015.*

⁶⁵ *A. Krymskaya. A Bibliometric Analysis of Dissertations on the History of International Relations (2000–2019). Scientific and Technical Information Processing, 2022.*

российских политиков связали распространение цивилизационного подхода в исторических исследованиях с зарождающейся идеологией «безопасничества» – ограждения российской самобытности от зарубежных влияний – и делают спорный вывод о том, что цивилизационный подход делает исторические исследования чем-то средним между наукой, политикой и журналистикой⁶⁶.

Таким образом, мы можем констатировать открытие современной отечественной исторической наукой диссертаций по историческим специальностям в качестве особой группы исторических источников, равно как и формирование методики работы с источниками такого типа. Особенно примечательно, что исследовательский интерес вызывают квалификационные работы, созданные на протяжении XIX–XXI вв., то есть всего существования в России системы научной аттестации в виде защиты диссертации. С годами число работ по данной тематике и исследователей, обращающихся к ней, растёт, однако, отсутствуют монографии, обобщающие информацию, уже собранную историками, изучающими диссертационную культуру Российской Империи, СССР и РФ.

Свой вклад в изучение российских историков и их диссертаций внесли Т. Сандерс и Д. Саундерс, английский и американский историки.

Т. Сандерс, автор ряда монографий, посвященных российским историкам⁶⁷, рассмотрел диссертационную культуру Российской империи,

---

⁶⁶ Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia. L.: Routledge, 2020/М. Suslov, I. Kotkina. Civilizational discourses in doctoral dissertations in post-Soviet Russia. P. 164–186.

⁶⁷ T. Sanders. Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State. L.: Routledge, 1997. 521 p. T. Sanders. The past in the service of the future: Russian historians and Russian society, 1880–1930. Thesis. Stanford University, 1989. 176 p. Его же. Т. Сандерс. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И. М. Савельевой. А. Н. Дмитриев и др.; отв. ред. А. Н. Дмитриев; Высш. шк. экономики-нац. исслед. ун-т, Ин-т гуманитарных ист.-

в том числе затронув такие темы как формирование Московской и Петербургской научных школ, политический подтекст диссертаций, роль публичного диспута в процессе защиты. Особенно Т. Сандерс отмечает изменение роли защиты диссертации от учебного мероприятия, направленного на обучение студентов культуре диспута, к полноценной «защите», центральную роль в которой приобрели профессора. Примечателен вывод Т. Сандерса о незавершенности формирования «национального мифа» в России, что Сандерс связывает с оппозиционным характером российской интеллектуальной культуры, к тому же тянувшей историографию в разные стороны – от радикальной ревизии прошлого марксистами и анархистами до усвоения западных концепций и попыток применить их к российским реалиям.

Д. Саундерс также фокусируется в своих исследованиях на российских историках XIX века⁶⁸, развитие мировоззрения которых понимает через призму столкновения «государственничества» и «популизма» в общественном сознании – в целом его работы весьма политизированы и далеки от научной точности, а сам Саундерс крайне склонен понимать все процессы через призму бинарных оппозиций – «реакция и реформы», «автократия и интеллигенция» – из-за чего результаты его работы порой спорны.

Зарубежные исследователи касаются и общих проблем подготовки молодых историков к защите на материале других стран⁶⁹. Особенно активна была в этом направлении наука в США и Великобритании начала

теоретических исслед. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 551 с. С. 161–193.

⁶⁸ *D. Saunders*. The Political Ideas of Russian Historians. *The Historical Journal*. Volume 27 Issue 3. 1984. Pp. 757-771. *D. Saunders*. Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia / *The Slavonic and East European Review* Vol. 60, No. 1 (Jan., 1982), pp. 44–62.

⁶⁹ *T. Bender*. The Education of Historians for Twenty-first Century. University of Illinois Press, 2004. B. McDowell. Historical Research. A Guide for Writers of Dissertations, Theses, Articles and Books. L, Routledge, 2002. C.M. Golde, G.E. Walker (editors). *Envisioning the Future of Doctoral Education: Preparing Stewards of the Discipline - Carnegie Essays on the Doctorate*. John Wiley & Sons, 2006.

XXI в. Предпринимаются и отдельные попытки работы с диссертациями как с источниками по истории исторической науки⁷⁰ – подобные исследования выпускались во множестве стран. Но стоит сказать, что все эти исследования носили частный, конкретный, прикладной характер и в отличие от опыта российской науки не становились основой для масштабного исследовательского направления.

Косвенно проблем диссертационной культуры также касается ряд исследователей–социологов, в частности, интересной нам представляется матрица взаимоотношений университетской иерархии и активного субъекта, предложенная П. Бурдые в монографии *Homo Academicus*⁷¹ – соотношение формальных и неформальных ограничений системы, выражающихся в ряде требований к соискателю, с совокупностью различных форм капитала, соискателем задеиствуемых – интеллектуального, культурного и др. Данная концепция помогла нам в формулировке ряда выводов работы.

Нельзя не отметить также, что в современной зарубежной науке активно идет дискуссия о сущности и формах академической культуры, включая диссертации как одно из звеньев. Учеными выдвигаются разнообразные идеи, от гипотезы, что университет и сопутствующие ему практики пережили себя, а «интеллектуалы» как явление утратили всякое влияние на

---

⁷⁰ K. Partti. Taking the Language of the Past Seriously. The Linguistic Turns in Finnish and Swedish History Dissertations, 1970–2010. JYVÄSKYLÄ 2020. E.A. Goedeken, J-P. V. M. Herubel. Dissertations in Military History, 1973-1988: A Survey and Analysis. The Journal of Military History. Vol. 56, No. 4 (Oct., 1992), pp. 651-657. M. Al-Douski. Historical Trends in Writing University Dissertations in History Dept. (Modern and Current History as a Model). Adab Al-Rafidayn, 39(54), pp. 377-398. J. M. Stawicki. Evolving Our Heroes: An Analysis of Founders and “Founding Fathers” in American History Dissertations. – Bowling Green State University, 2019. J. P. V. M. Hérubel Utilizing Journal Dissertation Listings for Bibliometric Analysis: French History Dissertations 1976–1990. Behavioral & Social Sciences Librarian. 2006. T. 25. №. 1. С. 123-134. R. L. Tinsley, H. Zohn Translation: American Doctoral Dissertations, 1970-1974 //The Modern Language Journal. 1977. T. 61. №. 3. С. 101-109.

⁷¹ Бурдые П. *Homo academicus*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 461 с.

общество⁷², до представлений об изменении функции университетов и интеллектуалов в современном мире⁷³ и даже идеи всестороннего кризиса образования и науки в XXI в.⁷⁴. Своего рода отголоском этой идущей дискуссии является обращение к сходной проблематике на отечественном материале и российских исследователей – со сходным тематическим наполнением⁷⁵.

В общем и целом, можно сказать, что диссертационная культура историков России признана как проблемное поле в работах отечественных, британских и американских исследователей как проблемное поле, но проводимый ими анализ, как правило, фокусируется на отечественной науке XIX–XX вв., не затрагивая современность. Примеры обращения к современным диссертациям немногочисленны или фрагментарны и носят обзорный характер. Тематика является актуальной, но обобщающих работ аналитического характера, посвященных диссертационной культуре современных российских историков, нет ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Таким образом, наше исследование призвано заполнить существующий пробел в научном знании.

Методология нашей диссертации представляет совокупность принципов, используемых в исторических исследованиях. Основным является принцип историзма, понимаемый как рассмотрение всех исторических процессов и явлений с учетом исторического контекста их

---

⁷² Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 304 с.

⁷³ Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 240 с.

⁷⁴ Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 224 с. Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.

⁷⁵ Груздинский А.О. Проектно-ориентированный университет. Профессиональная предпринимательская организация ВУЗа. Нижний Новгород, Издательство ННГУ, 2004. – 366 с. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе. М.А. Гусаковский, Л.А. Яценко, С.В. Костюкевич и др.; Под ред. М.А. Гусаковского. - Мн.: БГУ, 2004. – 279 с. Шафранов-Куцев Г.Ф. Университет в региональном сообществе. М.: Высш. шк., 2003. – 223 с.

протекания, а также во взаимосвязи, взаимовлиянии и непрерывной цепи хронологически детерминированных причинно–следственных связей⁷⁶.

Также в диссертации представлен историко–социологический метод, то есть стратегия объяснения индивидуального поведения, исходя из социальной реальности, являющейся в свою очередь плодом человеческих действий, предпринятых в прошлом⁷⁷.

Существенную помощь нам оказала также методология «новой исторической науки», школы «Анналов» в ее стремлении к междисциплинарности и широкому использованию в исследовательской деятельности методов смежных с историей дисциплин⁷⁸.

В диссертации активно использовались историко–статистический метод, необходимый при сборе и составлении статистики защит докторских диссертаций по истории, историко–типологический метод, позволяющий выявить общие и специфические черты в тематических группах диссертаций, и метод тематического анализа, используемый при выделении тематических групп. При этом мы опирались на методику историко-статистического анализа докторских диссертаций В.И. Уколовой, но дополнили число критериев анализа работ, затронув в том числе методологический аспект⁷⁹.

Существенную помощь нам оказала также традиция исследований диссертационной культуры, основы которой заложены Н.Н. Алеврас⁸⁰.

---

⁷⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. – 486 с. С. 146.

⁷⁷ Лахман Р. Что такое историческая социология? - М.: Издательский дом Дело, 2016. – 231 с. С. 29.

⁷⁸ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с. С. 240, 344.

⁷⁹ Уколова, В. И. Тематика докторских диссертаций по всеобщей истории в 2000 и 2001 гг / Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 129–138.

⁸⁰ Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практики подготовки и защит диссертаций. XIX-начало XX в.: коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной; – М.: Нестор-История, 2022. - 462 с.

В работе использовались общенаучные принципы в их понимании И.Д. Ковальченко – объективность и системность – а также ряд общенаучных методов – индукция, дедукция, анализ⁸¹.

Наше исследование является междисциплинарной работой, в которой также нашли своё проявление отдельные методы смежных дисциплин – прежде всего социологии и библиометрии.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

– Впервые в отечественной и зарубежной историографии проведено исследование исторической культуры современных российских ученых на материале диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, рассмотренных в качестве исторического источника.

– В научный оборот введен ряд новых источников, имеющих статистическую, аналитическую и научную значимость.

– Изучение полученных данных предоставит возможность составить картину тенденций развития современной российской исторической науки.

– На материале диссертаций на соискание степени доктора исторических наук изучены особенности методологической базы историков современной России и общие тенденции развития методологии исторической науки.

– Впервые диссертации российских историков проанализированы в контексте географических и хронологических векторов, основных проблем и выводов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов диссертации при осуществлении исследовательской деятельности и разработке учебных курсов, посвященных исторической науке в современной России, историографии, актуальным проблемам исторических исследований, социологии науки, методологии истории. Данная работа также может использоваться в более

---

⁸¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. – 486 с. С. 141-168.

широком контексте учеными, изучающими современную российскую интеллигенцию, научные и культурные дискурсы, а также общество современной России.

Апробация работы:

Диссертация обсуждена на заседании отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории Российской академии наук.

Предварительные результаты и основные выводы по проблемам диссертационного исследования представлялись автором в виде докладов на 9 конференциях регионального и всероссийского уровня.

Также результаты работы над диссертационным исследованием отражены в 6 научных статьях (общим объемом 8 а.л.), в том числе 3 в изданиях, индексируемых в системе ВАК (общим объемом 4 а.л.):

– Проблемы и перспективы методологической рефлексии (на примере трудов Х. Уайта, Ф. Броделя и П. Бурдьё), Электронный научно–образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12.

– Принцип историзма: к истории понятия / М. Е. Яковлев // Электронный научно–образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13.

– «Ментальная карта» современной российской исторической науки: страноведческие приоритеты в докторских диссертациях (2014–2020 гг.) Журнал «Локус: люди, общество, культуры, смыслы». – 2023. – Т.14. – № 2.

Структура:

Структура работы соответствует поставленным цели и задачам, и состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИСТОРИКО–СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

§ 1. ОСОБЕННОСТИ ДИССЕРТАЦИОННОГО КОРПУСА И ЕГО АНАЛИЗА

Система присуждения учёных степеней на основании защиты квалификационной работы, обобщающей предшествующую научно–исследовательскую деятельность соискателя — давняя университетская традиция, в настоящее время в том или ином виде распространённая во всем мире. Диссертация иллюстрирует целостность научного поиска соискателя, а также демонстрирует научную и общественную значимость его работы.

В виде, близком к современному, двухступенчатая система научных степеней в России утверждена постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 13 декабря 1934 г. «О подготовке научных и научно–педагогических работников»¹.

Данное постановление разделило ученую степень и ученое звание по следующим признакам:

«3. Ученые степени определяют квалификацию данного лица в области определенной научной дисциплины по объему знаний, степени самостоятельности его научной работы и ее научному значению.

4. Ученые звания определяют должностную научную функцию (педагогическую или научно–исследовательскую)»².

Порядок подготовки диссертационных исследований и порядок присвоения ученой степени определяются следующим образом:

«5. Для получения степени кандидата наук по той или иной научной дисциплине требуется успешное прохождение аспирантуры в течение

---

¹ Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» [Электронный ресурс] // URL: <https://istmat.org/node/39294> (Дата обращения: 15.12.21)

² Там же.

установленного срока (или сдача соответствующего испытания) и публичная защита кандидатской диссертации на избранную соискателем тему. *Диссертация должна обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации и способность к самостоятельному научному исследованию.*

6. Для получения ученой степени доктора необходимо: а) иметь ученую степень кандидата; б) публично защитить докторскую диссертацию на избранную соискателем тему. *Диссертация должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно–обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес»³.*

Данное разделение важно, поскольку иллюстрирует смысл, изначально заложенный в каждую из двух степеней. Степень кандидата наук выступает признанием знаний ученого в области своей дисциплины и специальности своей диссертации и подтверждает на государственном уровне его способность к исследовательской деятельности. Степень же доктора выступает в качестве признания на государственном уровне заслуг ученого перед наукой — то есть решения, обобщения или постановки проблем, имеющих научное значение.

В современном виде присуждение учёных степеней регулируется двумя важнейшими документами — Федеральным Законом от 23.08.1996 «О науке и государственной научно–технической политике» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 «О порядке присуждения учёных степеней». В вышеуказанном постановлении содержится, в частности, комплекс требований к диссертационным исследованиям. Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук «должна быть научно–квалификационной работой, в которой содержится

---

³ Там же.

решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны»⁴.

Диссертация же на соискание учёной степени доктора наук должна «быть научно–квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально–экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны»⁵.

Таким образом, анализ диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, предпринятый в нашей работе, с точки зрения основополагающих документов, является анализом не только формальных оснований для присуждения высшей в стране научной квалификации, но и научных достижений, внёсших значительный вклад в развитие страны или имеющих для такого развития существенное значение.

Не стоит забывать и то, что каждая защищённая диссертация — плод многолетней исследовательской работы. Согласно прилагаемому к вышеуказанному Постановлению «Положению о присуждении учёных степеней» — «В диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, — рекомендации по использованию научных

---

⁴ Положение о присуждении ученых степеней, п.9.» [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (Дата обращения: 15.12.21)

⁵ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842 "О порядке присуждения ученых степеней". [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (Дата обращения: 15.12.21)

выводов»⁶ – следовательно, каждая диссертация является в рамках своей тематики или области знания также своего рода научной программой, основой для исследовательской деятельности учёных, работающих в рамках сходной тематики или области знания. Следовательно, предпринятый нами анализ позволит оценить актуальные тренды отечественной исторической науки, чему способствует принятая номенклатура специальностей ВАК, задающая основы для тематического разделения диссертационного корпуса.

Каждая специальность имеет название и кодовый номер из шести цифр, где первые две обозначают наименование науки, следующие за ними – направленность в рамках науки, а последние – узкую тематику.

Присуждение степени доктора исторических наук осуществлялось до 2021 г. по следующим специальностям:

07.00.02	Отечественная история
07.00.03	Всеобщая история
07.00.06	Археология
07.00.07	Этнография, этнология и антропология
07.00.09	Историография, источниковедение и методы исторического исследования
07.00.10	История науки и техники
07.00.15	История международных отношений и внешней политики

Также в некоторых случаях степень доктора исторических наук присуждается по специальностям, не содержащим части, обозначающей код названия науки, соответствующий «истории» – то есть шифру «07». В перечень таких «исключительных» специальностей входят:

03.03.02	Антропология
17.00.09	Теория и история искусства
24.00.01	Теория и история культуры

⁶ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842 "О порядке присуждения ученых степеней". [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (Дата обращения: 15.12.21)

24.00.03	Музееведение, консервация и реставрация историко–культурных объектов
05.25.02	Документалистика, документоведение, архивоведение
05.25.03	Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение

Таковы особенности диссертаций на соискание степени доктора исторических наук как источника относительно нормативно–правовой базы, сопровождающей диссертационную культуру.

Всего за период 2014–2020 гг. в России защищены 305 диссертаций на соискание степени доктора исторических наук. Много это или мало? В 2019 г. по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в России было 348 тыс. исследователей, из которых около 100 тыс. получили учёную степень и только 24,8 тыс. из них получили степень доктора наук⁷.

От общего числа исследователей только 9% (31.2 тыс. человек) работают в сферах общественных и гуманитарных наук⁸.

Если принять эти цифры — то 305 защитившихся в 2014–2020 гг. докторов исторических наук составили бы:

- около 0,09 % от общего числа исследователей.
- около 0,3% от числа исследователей, имеющих учёную степень.
- около 1% от общего числа учёных гуманитарных и общественных дисциплин.
- около 1,2% от общего числа докторов наук в России.

Всего в России в 2018 г. по данным Росстата было 766 ВУЗов, имеющих государственную аккредитацию, включая частные, но без учёта филиалов⁹. Если принять эту цифру, то получится, что при равномерном трудоустройстве примерно 41% ВУЗов получают в свой преподавательский состав доктора исторических наук, защитившегося в период 2014–2020 гг.

⁷ Наука России в 10 цифрах: как изменилась отечественная академия за 10 лет [Электронный ресурс] // URL: <https://iq.hse.ru/news/440848258.html> (Дата обращения: 24.11.2021).

⁸ Там же.

⁹ Россия в цифрах. 2018: Крат.стат.сб./Росстат- М., Р76 2018. – 522 с. С. 141.

Имеет смысл соотнести 305 докторов исторических наук с общим числом НИИ. Всего их 1618 — на 2019 г., но эта сумма включает в себя и институты, занимающиеся разработками в области технических наук¹⁰ — а значит, при равномерном распределении только 19% научно-исследовательских институтов России смогли бы получить в штат доктора исторических наук, защитившегося в период 2014–2020 гг.

Если сложить ВУЗы и НИИ, то получим 2340. Правда, для чистоты эксперимента, поскольку цифры брались из разных исследований, мы прибавили к 766 ВУЗам в 2018 г. не 1618 НИИ 2019 г., а число НИИ в 2018 г. равное 1574¹¹. На фоне этой суммы процент будет выглядеть скромнее — только около 13% НИИ и ВУЗов при равномерном трудоустройстве смогли бы получить в штат доктора исторических наук, защитившегося в 2014–2020 гг. Из этого следует, что каждый подобный специалист уникален и обладает высокой ценностью для исторической науки и науки в целом.

С учётом того, что средний возраст докторов наук, по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, равен шестидесяти четырём годам¹², вероятно 305 защитившихся в указанный период учёных составляют существенную долю от общего числа докторов исторических наук в России. Например, мы уже приводили выше общее число докторов наук и общее число учёных-гуманитариев и общественников. Поскольку история является наукой общественной, возьмём цифру в 19,5 тысяч человек, то есть число учёных, занимающихся общественными науками, и применим к ней пропорцию докторов наук относительно общего числа исследователей (7,1%). В этом случае мы получим гипотетическую цифру в 1385 докторов

---

¹⁰ Индикаторы науки: 2021: статистический сборник. Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 352 с. С. 34.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Там же, С. 53.

общественных наук. 305 докторов исторических наук составили бы примерно 22% этой гипотетической цифры.

Реальная доля докторов исторических наук, защитившихся в 2014–2020 гг. относительно числа докторов исторических наук в России, несомненно, была бы выше, ведь гипотетическая цифра в 1385 человек включала в себя, например, политологов и социологов. К сожалению, в данном вопросе у нас отсутствуют точные цифры, так что подобные расчеты неизбежно носят лишь характер предположения. Но интересные данные получились бы при сравнении гипотетического числа докторов общественных наук в 1385 человек с числом ВУЗов и НИИ в 2018 г. (2340) — получилось бы, что только около 60% связанных с наукой организаций были бы обеспечены докторами общественных наук. Да, многие из организаций специализируются на технических и естественных науках, но и при исключении политологов и социологов итоговое число специалистов уменьшилось бы, так что можно сказать, что каждый доктор исторических наук, несомненно, представляет собой в масштабах страны уникального и востребованного специалиста.

Это подтверждает и сравнение количества рассматриваемых нами работ с общим числом диссертационных советов (2732 на 2020 г.) — как в случае с реальной цифрой известных нам защит докторских диссертаций по истории, так и в случае с гипотетическим числом докторов наук по всем общественным наукам, число специалистов будет заметно меньше общего числа диссертационных советов, хотя, конечно, не все диссертационные советы могут проводить защиты по интересующим нас специальностям.

По годам в пределах хронологических рамок исследования защиты диссертаций распределились следующим образом:

Год	Число работ
2014	36
2015	50

2016	46
2017	52
2018	49
2019	30
2020	42

То есть в среднем, каждый год в России появляются 44 новых доктора исторических наук. Колебания количества защит хаотичны и, вероятно, имеют случайный характер. К примеру, пандемия не помешала диссертационным советам выйти по числу защит на уровень выше, чем в 2014 и 2019 гг. Стоит отметить, что наши данные позволяют подтвердить эффективность реформы ВАК, в числе задач которой было сокращение числа диссертационных советов, а значит и количества защит. Так, по данным В.И. Уколовой, в начале двухтысячных работ защищалось намного больше, в среднем 52 в год¹³:

Год	Число работ
2000	62
2001	53
2002	52
2003	41

Таким образом, в РФ произошло падение числа защит докторских по сравнению с началом века примерно на 15%. В хронологические рамки исследования не входит 2021 г., но из научного интереса и для оценки влияния последующих волн пандемии, мы подсчитали число присуждённых за 2021 г. степеней докторов исторических наук — оно оказалось равно всего 19 соискателям. Таким образом, третья и последующие волны пандемии повлияли на работу диссертационных советов куда сильнее первых двух волн, хотя стоит сделать поправку и на то, что к концу написания данной работы ещё не все степени за 2021 г.

---

¹³ Уколова, В. И. Тематика докторских диссертаций по всеобщей истории в 2000 и 2001 гг // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 129–138. Ее же. О тематике докторских диссертаций по всеобщей истории в 2002–2003 годах // Новая и новейшая история. – 2005. – № 3. – С. 219–229.

были присуждены. Тем не менее, 19 соискателей, чьи работы относятся к 2021 г., выходят за хронологические рамки данной работы, так что подробно их мы рассматривать не будем.

§ 2. АВТОРЫ РАБОТ ДИССЕРТАЦИОННОГО КОРПУСА

Данная часть нашего исследования посвящена личностям авторов — их полу и специальности защиты. В исследовании ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, посвящённом социологии науки и уже упоминавшемся нами ранее, «доктора наук» предстают на 73% мужчинами, средний возраст которых составляет 64 года¹⁴. Крайне интересно сверить эти общие цифры с полученными нами данными по докторам исторических наук 2014–2020 гг.

§ 2.1. ГЕНДЕРНОЕ СООТНОШЕНИЕ

Гендерная проблематика давно является одной из важных частей как исторической науки, так и общественных наук в целом¹⁵. Применительно к нашему корпусу гендерная ситуация выглядит следующим образом. Из 305 исторических диссертаций 118 написаны женщинами и 187 — мужчинами, что в процентном отношении составляет соответственно 39% и 61%. Данные цифры полностью совпали с данными ИСИЭЗ по общественным наукам в целом, однако, разошёлся с гендерным соотношением докторов наук по всем дисциплинам — согласно исследованию ИСИЭЗ это соотношение равно 73% и 27%. Таким образом, в исторической науке

---

¹⁴ Наука России в 10 цифрах: как изменилась отечественная академия за 10 лет [Электронный ресурс] // URL: <https://iq.hse.ru/news/440848258.html> (Дата обращения: 24.11.2021).

¹⁵ Ретина, Л.П. От "истории женщин" к социокультурной истории: гендерные исследования и новая картина европейского прошлого (обзор). Культура и общество в средние века - раннее новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований: сборник аналитических и реферативных обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1998. – С. 171–209.

последних лет женщины–доктора наук представлены существенно чаще, чем были представлены в прочих дисциплинах в 2019 г.

По годам соискательницами степени выступали:

Год	Число работ, защищенных женщинами/число работ за год безотносительно пола автора	Процент работ, написанных за год женщинами
2014	15/36	41.5%
2015	21/50	42%
2016	21/46	45%
2017	19/52	36.5%
2018	15/49	30.5%
2019	12/30	40%
2020	14/42	33%

Таким образом, процент женщин–соискательниц степени доктора исторических наук вырос после 2014 г., но в целом с годами скорее падает. Рекордные показатели по «женским» защитам были достигнуты в 2015–2016 гг. и с тех пор стабильно уменьшаются, в 2019–2020 гг. защитилось даже меньше женщин, чем в 2014 г. При этом процент женских защит меняется существенно — рекордные показатели составили 45% в 2016 г.¹⁶ и антирекордные 30,5% в 2018 г. — амплитуда почти в пятнадцать процентов.

Теперь посмотрим на число и процент «мужских» защит:

Год	Число работ, защищенных мужчинами/число работ за год безотносительно пола автора	Процент работ, защищенных мужчинами
2014	21/36	58.5%
2015	29/50	58%
2016	25/46	55%
2017	33/52	63.5%
2018	34/49	69.5%

¹⁶ Когда женщины практически сравнились с мужчинами в процентном отношении – прим. наше.

2019	18/30	60%
2020	28/42	67%

В случае с мужчинами количество защит стабильно выше, чем у женщин, однако, колебание по амплитуде практически полностью совпадает – те же 14.5% между 55% и 69.5%. Но если у женщин общее количество защищённых в год диссертаций отличается на 9 единиц (12 и 21 — минимальный и максимальный показатель), у мужчин же амплитуда почти вдвое больше и составляет 16 единиц (18–34). То есть, на первый взгляд разница в процентах в основном зависит от того, больше или меньше диссертаций представляют на защиту мужчины — и стабильное падение процента женских защит в большей степени объясняется не тем, что женщины стали защищаться реже, а тем, что мужчины стали защищаться чаще с 2017 г.

Однако, это предположение не подтверждается, если мы взглянем на общее число мужских защит — оно даже несколько упало в 2019–2020 гг. по сравнению с 2017–2018 гг., наиболее эффективными по количеству защитившихся в целом — а процент практически не изменился.

Так что, мы вынуждены признать, что женщины с 2014 г. стали защищаться реже, а их общая доля за четыре года ни разу не пересекла рубеж в сорок процентов, приблизившись к этому лишь в 2019 г. — при наименьшем количественном присутствии.

Для проверки данной гипотезы мы сверились с имеющимися, неполными, а потому не вошедшими в основной корпус работы, цифрами за 2021 г. — 7 женщин и 12 мужчин — 37% и 63% соответственно. Процент оказался практически идентичен 2017 г.

Почему женщин в науке становится меньше? В уже упомянутом нами исследовании, ИСИЭЗ указывает на стабильное падение числа женщин–

исследователей¹⁷, а молодые исследовательницы в основном выбирают специальности, связанные с образованием и педагогикой, так что возможно данная тенденция затронула и историческую науку — но на настоящий момент у нас нет данных для проверки такой гипотезы, хотя, как мы увидим далее, проблемы образования и правда волнуют историков–женщин.

Подводя некий итог, можно сказать, что гендерный вопрос в отечественной исторической науке среди учёных высшей квалификации решён скорее в пользу мужчин. Однако, стоит отметить, что даже 39% женщин–докторов наук это более, чем треть — то есть, на трёх мужчин, получающих высшую в исторической науке квалификацию, ту же квалификацию получают и две женщины. Более того, доля женщин–докторов исторических наук в среднем выше, чем доля женщин–докторов наук по стране в целом, то есть женщин среди историков высшей квалификации больше, чем среди учёных высшей квалификации вообще.

§ 2.2. ОСОБЕННОСТИ ВЫБИРАЕМЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Лидером по числу работ является специальность защиты 07.00.02 — Отечественная история. Из 305 диссертаций рассмотренного корпуса общая доля исследований по отечественной истории составила 63% или 193 работы.

По годам ситуация:

Год	Число защит по специальности 07.00.02/число защит вообще	Процент защит по специальности 07.00.02
2014	26/36	72%
2015	33/50	66%

---

¹⁷ Наука России в 10 цифрах: как изменилась отечественная академия за 10 лет [Электронный ресурс] // URL: <https://iq.hse.ru/news/440848258.html> (Дата обращения: 24.11.2021).

2016	26/46	56.5%
2017	31/52	59.5%
2018	31/49	63%
2019	17/30	57%
2020	29/42	69%

Возникает своеобразная парабола. Доля диссертаций по отечественной истории всегда составляет большую часть корпуса, но в пределах года может как упасть до минимального значения — 56.5%, так и подняться до максимального — 72%. При этом количественно амплитуду 26–33 ломает только один аномальный год — 2019, когда было защищено всего 17 работ, и этот же год стал минимальным по общему числу представленных к защите работ. В среднем, с учетом аномального года, ежегодно в России защищают 28 работ по специальности 02, что в соотношении со средней ежегодной цифрой в 44 защиты даст нам всё те же 63%.

Специальность защиты 07.00.03 (Всеобщая история) существенно уступает по числу работ специальности 07.00.02 (Отечественная история) — на её долю пришлось лишь 38 диссертаций, или 13% от общего корпуса.

По годам они распределились следующим образом:

Год	Число защит по специальности 07.00.03/ число защит вообще	Процент защит по специальности 07.00.03.
2014	4/36	11%
2015	3/50	6%
2016	7/46	15%
2017	9/52	17%
2018	10/49	20%
2019	0/30	0%
2020	6/42	14%

Как мы можем увидеть, всеобщая история в диссертационных советах переживает взлеты и падения. Сам факт, что на сто диссертаций по

истории России лишь тринадцать защищаются по всеобщей истории — причём процент во многом «сделали» аномальные 2017–2018 гг. — указывает на известное снижение численности в исследованиях, посвящённых мировой истории.

С высокой долей вероятности, такие «скачущие» цифры указывают нам на крайне малое число специалистов в рамках данной специальности, или малое число специалистов, способных выйти на защиту докторской диссертации. Особенно, в этом отношении показателен 2019 г., когда по данной специальности не защитился никто. Ситуации 2014–2015 гг., на первый взгляд, также не внушают доверия — однако, в их случае, как и в случае последующего «расцвета», будет ещё один фактор, связанный с фактически «дублирующей» специальностью 15 (Международные отношения), по которой фактически долгое время защищались многие диссертации, равно подходящие и шифру 03.

На общую долю диссертаций по международным отношениям пришлось 9 работ, или 3% нашего общего корпуса. Интересно распределение по годам:

Год	Число защит по специальности 07.00.15/ число защит за год (все исторические специальности)	Процент защит по специальности 07.00.15
2014	2/36	5%
2015	3/50	6%
2016	4/46	9%
2017	0/52	0%
2018	0/49	0%
2019	0/30	0%
2020	0/42	0%

Как мы видим, отчасти небольшие цифры для всеобщей истории в 2014–2015 гг. связаны с существованием дублирующей темы, уводящей на себя определенный процент подходящих под оба шифра исследований. Рекордный для всеобщей истории как по общему числу защищённых

работ, так и по проценту от защищённых в год диссертаций – 2018 г. стал вторым из четырёх лет, когда специальность защиты «международные отношения» оказалась не востребована. На тот момент нулевой процент защит соискателей–международников можно было объяснить тем, что они предпочли защититься по другой специальности. Но 2019 г. стал продолжением «кризиса» защит по международным отношениям — и кризисным для всеобщей истории. И хотя в 2020 г. процент защит по всеобщей истории уже не является нулевым — по сравнению с 2017–2018 гг. намечается общее снижение числа защит. По состоянию на начало 2022 г. и за 2021 г. были защищены лишь четыре диссертации по специальности 03 и 0 диссертаций по специальности 15.

Специальность защиты 07.00.06 (Археология) представлена 17 диссертациями и составляет 5% от общего корпуса.

Год	Работы, защищенные за год по специальности 07.00.06/число работ, защищенных за год (все исторические специальности)	Процент работ по специальности 07.00.06
2014	1/36	3%
2015	2/50	4%
2016	2/46	4%
2017	3/52	6%
2018	1/49	2%
2019	5/30	17%
2020	3/42	7%

Как мы видим, доля археологов хоть и не слишком велика, зато для данной специальности характерна стабильная подготовка специалистов для получения высшей научной квалификации — у археологов ни один год не остался «нулевым», что указывает на эффективность и постоянство научной работы и воспроизводство научных кадров в рамках данной специальности.

Специальность защиты 07.00.07 (Этнология) представлена в рамках корпуса 14 диссертациями и составляет 4.5% от общей суммы работ.

Год	Работы, защищенные за год по специальности 07.00.07/число работ, защищённых за год (все исторические специальности)	Процент работ по специальности 07.00.07
2014	0/36	0%
2015	0/50	0%
2016	3/46	6.5%
2017	5/52	10%
2018	3/49	6%
2019	3/30	10%
2020	0/42	0%

Здесь ситуация отчасти напоминает происходящее по специальности «Международные отношения» — налицо скачкообразность. Этнология, антропология и этнография в рамках исторической науки представлена либо на 6% (или 6.5%), либо на 10%, либо не представлена вовсе. Цифры хаотичны, что вероятно связано с тем, что у этнологов, антропологов и этнографов есть ещё и смежные специальности защиты — 03.03.02 (Антропология), 24.00.01 (Теория культуры), 09.00.13 (Философия и история религии, философская антропология, философия культуры), 10.01.09 (Фольклористика), 22.00.06 (Социология культуры), 23.00.05 (Политическая регионалистика и этнополитика). Так что наши цифры в данной области свидетельствуют лишь о том, что 14 антропологов, этнологов и этнографов получили за свои изыскания степени доктора исторических наук — но никак не об общем качестве подготовки специалистов высшей категории в области антропологии, этнологии и этнографии в России в 2014–2020 гг.

Специальность защиты 07.00.09 (Историография, источниковедение и методы исторического исследования) представлена 14 работами, или 4.5% общей суммы, — диссертаций больше, чем по международным

отношениям, ровно столько же, сколько у этнологов, но меньше, чем, например, у археологов.

Год	Работы, защищенные за год по специальности 07.00.09/число работ, защищённых за год (все исторические специальности)	Процент работ по специальности 07.00.09
2014	2/36	5%
2015	4/50	8%
2016	1/46	2%
2017	1/52	2%
2018	2/49	4%
2019	0/30	0%
2020	4/42	9.5%

Если исключить «аномалию 2019» Историография — скорее стабильная специальность по числу ежегодно защищаемых работ.

Наконец, остаётся специальность 07.00.10 — История науки и техники. Данная специальность представлена 7 диссертациями, что составляет всего 2% от нашего корпуса.

По годам ситуация в высшей степени нестабильная:

Год	Число работ, защищенных по специальности 07.00.10
2014	1
2015	1
2016	1
2017	0
2018	1
2019	3
2020	0

История науки и техники — специальность сама по себе достаточно специфическая. Количество смежных специальностей, к которым можно отнести защищённые по ней диссертации — наивысшее, ведь практически

каждая работа по истории науки и техники ограничена хронологическими и географическими рамками и в иных обстоятельствах может быть защищена по специальности 02, 03, 06, 07 или 09. Так что, единственное, о чем нам говорят цифры в данном случае — что данная специальность не является «престижной», раз соискатели не стремятся защищаться именно по ней, предпочитая формально быть, например, специалистами по истории России — а не истории техники.

Оставшиеся диссертации проходят по шифрам, которые мы в параграфе 1 выделили как «исключительные» — многие из них уникальны в своём роде и потому их рассмотрение со статистической точки зрения бесперспективно.

Но имеет смысл разобрать подробно возникающую из раза в раз в большинстве наших подсчетов по специальностям аномалию.

2019 г. — аномальный во всех отношениях. Это единственный «нулевой» год для трёх специальностей одновременно — всеобщей истории, международных отношений и историографии. При этом 2019 г. аномально наиболее продуктивен для специальностей, обычно представленных в меньшей степени — археологии и, как мы увидим ниже по тексту, истории науки и техники. Ещё и наименьшее число защит по отечественной истории и наименьшее число защит вообще. Очень удобным на первый взгляд обоснованием стало бы начало пандемии, но мы помним, что сам вирус пришёл в Россию в конце декабря 2019 г., а ограничительные меры начались и вовсе зимой 2020 г., так что обосновать аномальные показатели проведения защит с должной доказательной базой представляется на данном этапе исследования невозможным.

Также имеет смысл провести расчёт, сколько в среднем специалистов по каждой специальности защищаются каждый год (значения округлены):

Специальность	Среднее число ежегодно защищаемых работ по специальности
---------------	--

07.00.02	27
07.00.03	6
07.00.06	2
07.00.07	2
07.00.09	2
07.00.10	1
07.00.15	1

Но опять же, средние значения в данном случае лукавы, поскольку репрезентативны только при попытке сделать прогноз по специальностям, но не в соотношении друг с другом. Например, при попытке сравнить среднее ежегодное число защит по отечественной истории (27) и среднее ежегодное число защит по всем остальным специальностям (14), мы бы получили процентное отношение 57 и 43, почти равное. Средние значения не учитывают аномалии, число работ по Отечественной истории среднего значения не достигает только в 3 из 7 лет, причем два из этих трёх раз — символически, на уровне 26/27. Прочие же специальности далеко не всегда достигают даже своих минималистических средних значений, равных 1 или 2 работам в год. Таким образом, при попытке смоделировать будущее число защит мы можем предположить, что специальность «Отечественная история» будет стабильно «перевыполнять» рассчитанную на основании среднего числа защит «квоту», а прочие специальности, напротив, стабильно с ней «не справляться», время от времени преподнося «нулевые» годы.

Какие выводы мы можем сделать, исходя из проведённого анализа?

— Прежде всего, в отечественной исторической науке среди специалистов высшей квалификации существует неравномерность в выборе специальностей в сторону отечественной истории — даже при округлении в меньшую сторону на 6 диссертаций по специальности 02 придётся всего 4 диссертации, защищённые по всем остальным специальностям. На тематическом уровне перекося будет ещё выше — ведь многие диссертации с формальной точки зрения числящиеся, как

посвящённые международным отношениям, истории науки и техники, историографии, источниковедению, этнологии, антропологии, этнографии и даже археологии, в действительности географически и хронологически соответствуют диссертациям по отечественной истории.

— В то же самое время система специальностей, очевидно, имеет скорее аналитическое, чем прикладное назначение — наличие «нулевых» годов свидетельствует об отсутствии какой-либо квоты на подготовку специалистов высшей квалификации в определённых областях и выборе тематики исследования историками исходя из внутренней логики академической традиции. Более того, скачки в общем числе защит (30–52 — на 22 единицы) свидетельствуют о слабовыраженности государственной политики, касающейся ежегодной подготовки докторов исторических наук в целом — в особенности, по сравнению с советским периодом.

— В системе исторических специальностей налицо наличие двух основных специальностей (02 и 03), по отношению к которым все остальные имеют вспомогательное значение.

§ 3. ТЕМАТИКА РАБОТ ДИССЕРТАЦИОННОГО КОРПУСА

Данная часть нашего исследования посвящена тематике изучаемых диссертаций. Мы выделяем следующие тематические группы для анализа:

— Военная история.

Дисциплина классической исторической науки, изучающая такие практики существования человеческого общества, как ведение войн, строительство и развитие вооружённых сил. Военная история, кроме изучения конкретных войн и военных событий, анализирует их цели и причины, итоги и значение, исследует историю строительства вооружённых сил и комплектования армий, их оснащение, принципы

выделения видов и родов войск, полководческое искусство и историю военной мысли, форму и тактику военных действий¹⁸.

— История педагогики.

Область науки, изучающая историческое развитие образовательной практики и педагогического знания в их единстве, а также во взаимосвязи с современными проблемами образования и педагогических наук¹⁹.

— Историческая демография.

Научная дисциплина, объектом исследования которой является историческая динамика народонаселения как фактор развития человечества. (...) Историческая демография рассматривает исторические типы воспроизводства населения в широком социокультурном контексте. В изучении демографического поведения людей в контексте конкретного культурно–исторического типа (брачные и репродуктивные отношения, воспитание и обучение детей, возрастные статусы и модели поведения, миграции и т. д.) историческая демография является одним из аспектов культурно–исторической антропологии и гендерной истории²⁰.

— Религиоведение.

Наука, объектом изучения которой является религия. (...) Ныне предметом Р. являются закономерности возникновения, развития и функционирования религии, ее многообразные феномены, как они представали в истории общества, взаимосвязь и взаимовлияние религии и других областей культуры. Оно изучает религию на уровне общества, групп и личности²¹.

— Экономическая история.

Экономическая история есть такое же специальное направление исторической науки, как и история политическая, культурная,

---

¹⁸ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. *Отв. ред. А.О. Чубарьян.* М., 2014. С. 49.

¹⁹ Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 110–112.

²⁰ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2014. С. 85.

²¹ Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, 2007, С.474–475.

литературная; это — история экономических явлений, находящаяся в теснейшей связи, с одной стороны, с исторической школой в политической экономии, с другой — с социальной историей²².

— Регионоведение.

1) территориальный масштаб развертывания истории (К. И. Зубков);

2) местная история (Т. А. Булыгина). Региональная история – интердисциплинарная отрасль исторического знания, предметом которого выступают геопространственные сегменты исторической реальности. Наличие региональной дифференциации общества и сегментации его жизненного геопространства делает региональную историю необходимым условием измерения исторического бытия²³.

— Историческая биография.

Жизнь человека, исследуемая и описываемая в научной, художественной и справочной литературе²⁴.

— Политическая история.

Дисциплина классической исторической науки, изучающая прошлое структур власти в обществе, формы политической организации человеческого общества, известные как «государство». Политическая история изучает институциональную организацию государства, отдельными направлениями дисциплины являются дипломатическая история и история международных отношений²⁵.

— История науки.

Изложение в хронологической последовательности динамики научных изменений (зарождение науки в целом и различных областей научного знания, открытие новых эмпирических явлений, фактов, законов,

---

²² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Том XL, СПб, 1904. – 487 с. С. 256.

²³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2014. С. 429.

²⁴ Большая Российская энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://bigenc.ru/sociology/text/1866775?> (Дата обращения: 31.01.22).

²⁵ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2014. С.151.

объясняющих их гипотез и теоретических моделей, практических приложений, социокультурного значения)²⁶.

Все эти тематические группы представлены в рассматриваемом диссертационном корпусе в разной степени, но как нам представляются, отражают разные стороны процессов и перемен, происходящих в российской исторической науке.

§ 3.1. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

История человечества по большей части – история войн – и не удивительно, что данная проблематика не утратила своей актуальности, особенно для России. Как пишет А.Б. Асташов: «Какова роль войны в формировании самого субъекта последующих грандиозных социальных и политических изменений в России является одной из важнейших проблем исследования»²⁷. Большинство военных историков используют общественно–политический тип обоснования актуальности своих исследований, причем ставят в центр как общие трудности российского государства: «Серьезного внимания заслуживают продовольственные стратегии государства в периоды тяжелых испытаний (войн, интервенций, революций и т.п.), от которых во многом зависят перспективы сохранения суверенитета и безопасности. Без опоры на такой опыт система государственного управления перестает быть адекватной целям и задачам национального развития. Для России, которая на протяжении своей истории неоднократно сталкивалась с проблемами дефицита продовольствия и массовым голодом, этот вопрос имеет особое

---

²⁶ Там же, С.151.

²⁷ *Асташов А.Б.* Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914-февраль 1917 гг: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. – 363 с. С.6.

значение»²⁸ — так и конкретные ситуации вроде перевооружения вооруженных сил – «Во-вторых, реализующийся в настоящее время план реформы Вооруженных Сил Российской Федерации ставит главной целью обеспечение безопасности страны, приведение армии и ее офицерского корпуса в соответствие со степенью подлинной военной опасности, новыми политическими и социальными реалиями. Разработка государственной политики в сфере военного образования предусматривает обобщение и осмысление имеющегося исторического опыта обеспечения высокого уровня технической, тактической и командной подготовки артиллерийских и инженерных кадров, способных поддерживать в боеготовом состоянии и умело эксплуатировать соответствующее вооружение и технику, для его распространения на современные процессы перевооружения и модернизации Вооруженных Сил РФ»²⁹.

Теме военной истории соответствуют 44 диссертации из 305 (15%). Из этих 44 диссертаций только 5 написаны женщинами, которые составляют 11% от числа военных историков или 4% от числа всех исследовательниц–женщин — из чего можно сделать вывод, что военная тематика для женщин в целом малоинтересна. Однако, сугубо в количественном отношении 5 «женских» диссертаций по военной истории — это не намного меньше, чем, например, общее число диссертаций по международным отношениям (9). Общее же число диссертаций по военной истории превосходит, например, общее число работ по специальности 03.

Год	Число защищенных диссертаций по военной истории
-----	---

²⁸ *Оськин М.В.* Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917). специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. – 670 с.

²⁹ *Долидович О.М.* Продовольственный вопрос в Восточной Сибири в период Первой мировой войны (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Красноярск, 2020. – 551 с.

2014	8
2015	4
2016	5
2017	5
2018	11
2019	6
2020	5

В среднем в год по военной истории защищается 6 диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, посвящённых вопросам военной истории.

Наибольшую в количественном отношении долю от общего числа защит исследования по военной истории составили в 2018 г. — 11/49 или 22%, наименьшую же в 2015 г. - 4/50 или 8%. Однако, тематическая группа вполне стабильна, что, вероятно, связано с исторически высокой ролью армии в истории и культуре России.

Существует закономерность, связанная с военной историей — по большей части в фокусе внимания исследователей оказалась «техническая» сторона военной организации, а также политика, проводимая в период военных действий. Например, вопросам развития вооружённых сил, посвящены 15 диссертаций, политике и пропаганде в период войны — 10. Боевые действия в чистом виде находятся в фокусе только 13 диссертаций. Оставшиеся 5 диссертаций посвящены международным отношениям в годы Второй Мировой войны, немецкому антигитлеровскому Сопротивлению и военной эмиграции.

Интересны исследователям конфликтами оказались мировые войны — Вторую мировую существенно затрагивают авторы 13 диссертаций, Первую мировую — 7.

В целом, заметны следующие важные тематические векторы изучения военной истории:

- военно-морской флот (6 диссертаций);
- артиллерия и ПВО (4 диссертации);

- авиация (2 диссертации);
- офицерский корпус РИА (2 диссертации).

Военно–морской флот со времен Петра Великого остается важным символом могущества России, потому едва ли следует удивляться интересу исследователей к этой проблематике. Наиболее ранний период охватывает диссертация В.Д. Овчинникова «Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота» – это масштабная по замыслу работа, посвященная, с одной стороны, попыткам понять, как именно система военно–морского образования Царской России смогла воспитать военного гения. В частности, разбираются система обучения, личности исторических персонажей, повлиявших на молодого Ушакова и прочитанные им книги по тактике военно–морского сражения. Также предпринята попытка с точки зрения новейших представлений о военно–морской тактике XIX века разобрать, что именно значимого сделал адмирал Ушаков для военно–морского флота – в частности, его меры по приданию флоту четкой организации не только в походе, но и на берегу, установление сохранившегося до наших дней требования, чтобы половину экипажа каждого корабля составляли старослужащие матросы и правила набора матросов сверх комплекта, разработку уникальной методики военно–морской подготовки корабельных экипажей, введение обязательных патрульных действий флота, введение военно–морских госпиталей. Отдельно отмечается, что на 2/3 финансирование всех этих мер проводилось из собственных средств адмирала или по согласованному займу у наиболее обеспеченных офицеров по инициативе Ушакова. Оценивается и тактическая новинка Ф.Ф. Ушакова – вывод части кораблей из линии для их сосредоточения на направлении главного удара и тактика

охвата «головы» колонны. Присутствуют «уроки истории»³⁰, а также рекомендации и предложения органам государственной власти³¹.

Д.Ю. Козлов в работе «Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917 гг.)» прослеживает длительную подготовку флота к войне с Германией, начиная с 1906 г., и доказывает пассивный характер действий флота по этим планам. В то же время отсутствие у немецкого флота планов прорываться в Финский залив привело к началу активных действий российского флота – минно–заградительным и патрульным операциям, а также подводной войне. Несмотря на то, что немцы были вынуждены ввести систему конвоев, оттянув часть флота на выполнение этой задачи, Балтийскому флоту не удалось прорвать ни одной коммуникационной линии противника. Отдельно рассматриваются нецелесообразные действия А.В. Колчака, при уникальных операциях по перехвату конвоев атака направлена была на сторожевые корабли, а не транспорты со стратегическим сырьем. За всю войну Балтийским флотом было уничтожено 56 судов, из них больше половины – подводными лодками. Действия Черноморского флота также в основном сводились к патрулированию, минированию и бомбардировке портов, но были более успешны – отдельно рассматривается операция по минированию прибосфорской акватории. В результате действий Черноморского флота турецкая угольная промышленность была фактически парализована икратно сократила объёмы производства, турки потеряли 47% от всего своего флота (71 транспортное судно), в том числе все имеющиеся

---

³⁰ *Овчинников В.Д.* Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02; М., 2018. – 527 с. С. 312.

³¹ Там же, С. 313.

угольные транспорты, в Османской Империи начался дефицит топлива, морская торговля встала³².

Интересно, что в диссертациях по военной истории часто хронологические рамки задаются рассматриваемой технической проблемой, а не рамками конкретных политических событий. Так, диссертация В.М. Прямыцына «Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.)» охватывает и историю Российской Империи и историю СССР. Автором доказывается, что интенсивный поиск инноваций в гидрометеорологической отрасли всегда инициировался в рамках подготовки к войнам (с 1912 г. – при царском режиме, с 1935 г. – при советском) и особенно активизировался в ходе войн, прослежен ход технической и организационной эволюции отрасли с первого штормового предупреждения флоту (1876 г.) до победы над Японией. Отдельный интерес представляет перечень рекомендаций ВС РФ по развитию отрасли с учетом исторического опыта – яркое проявление «прикладного» характера диссертаций по военной истории³³.

Сходным образом С.В. Федулов в работе «Исторический опыт военно–технического сотрудничества Российской империи и СССР с зарубежными странами в интересах Военно–морского флота (1890 – 1950-е гг.)», анализируя систему построения импортных заказов ВМФ Российской Империи и СССР, завершает диссертацию рекомендациями МО РФ по построению импортных заказов в мирное и военное время³⁴. В.Г. Кикнадзе

---

³² Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917 гг.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02 М., 2015. – 524 с. С. 453–467.

³³ Прямыцын В.Н. Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2020. – 532 с. С. 460–491.

³⁴ Федулов С.В. Исторический опыт военно-технического сотрудничества Российской империи и СССР с зарубежными странами в интересах Военно-морского флота (1890–

в работе «Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно–Морского Флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки» также не ограничивается простым историческим экскурсом, а заканчивает работу рекомендациями по эффективному ведению радиоразведки современным российским ВМФ³⁵.

Даже в диссертации П.В. Петрова «Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной Войны: 1935 – весна 1941 гг.», где отсутствуют прямые рекомендации МО РФ, основное внимание уделяется вопросам боевой подготовки флота и довоенного оперативного планирования. Анализируются как существенные успехи СССР в области создания береговой инфраструктуры и постройки новых судов, так и сложности в насыщении флота техническими новинками. Рассматриваются также сложности подготовки личного состава – классовый подход к набору в военные ВУЗы привел к резкому снижению интеллектуального уровня офицеров, военные училища в основном ликвидировали базовую неграмотность – значительная часть командиров испытывала сложности с решением арифметических задач и грамотным составлением приказов, не знала военной истории и основ географии, не разбиралась в тактике. Безграмотность командиров привела к ситуации полной безынициативности и постоянного ожидания приказов со стороны вышестоящего начальства – склонность к распорядительной, а не тактической деятельности. Даже на учениях, попав в сложную ситуацию, командиры терялись, бездействовали и запрашивали указания. Боевая подготовка при внешней интенсивности велась формально. Недопустимо высок был уровень аварийности, даже в спокойную погоду. П.В. Петров рассматривает также систему оперативного планирования – крайне

1950-е гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2019, – 508 с. С. 344–382.

³⁵ Кикнадзе В.Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно–Морского Флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 432 с. С. 356–386.

громоздкую и носящую формальный характер. Результатом работы такой системы становились заведомо невыполнимые планы, в которые командование флота не имело право вносить существенные изменения, поскольку основной задачей такого документа было создание удобной для высшего руководства армии и флота отчетности. В частности, все планы ориентировались исключительно на благоприятную оперативно–тактическую обстановку. Все эти факторы приводят к крайне неудачному для Балтийского флота началу войны³⁶.

Таким образом, в диссертациях, посвященных военно–морскому флоту ярко, даже если невысказанно, выражена «практическая» направленность – часто затрагивающая сугубо технические или организационно–тактические аспекты, это во многом диссертации для военных.

Сходная тенденция прослеживается в работах, посвященных авиации – речь о работах В.И. Подтрепного («Развитие отечественного самолетостроения в условиях "холодной войны" (1946–1959 гг.): на материалах серийных заводов Европейской части СССР») и О.Н. Астраханцева («История становления и развития системы подготовки военных авиационных кадров в Сибири (1910–1991 гг.)»).

В.И. Подтрепный последовательно доказывает, что авиационная промышленность СССР фактически постоянно работала в режиме военного времени – даже в мирное время «гонка вооружений» и постоянное совершенствование самолетов, и рост времени сборки технически совершенных моделей приводили к постоянной необходимости работать сверхурочно. Грамотно была организована подготовка и переподготовка кадров, направленная на постоянное освоение новых достижений науки и техники, что позволило справиться с кадровыми трудностями 1950–х гг. В то же время наличествовал ряд

---

³⁶ *Петров П.В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной Войны: 1935 – весна 1941 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2014. – 683 с. С. 622–639.

проблем, связанных с борьбой группировок внутри Министерства авиационной промышленности за серийные заводы, которая вели к зачастую непоследовательным решениям. Однако В.И. Подтрепный сделал вывод о том, что отрасль выполняла свои задачи и прямо рекомендует государству обратиться к советскому опыту³⁷.

О.Н. Астраханцев на примере сибирского военно–образовательного комплекса указывает на трудности с подготовкой советских летчиков в 30–е гг.: недостаток учебных самолетов и квалифицированных кадров, преподавательский состав авиашкол состоял из вчерашних выпускников авиашкол, часто имеющих серьезные трудности с общим образованием, методическое обеспечение никак не было связано с реальностью и состояло из «идеальных» программ, в то время как по факту советские летчики к моменту попадания на фронт имели «налёт» в десятки раз меньше выпускников авиашкол Англии и Германии. Положительно оценивается воспитательная работа – при всех сложностях с подготовкой, в ходе Великой Отечественной войны выпускники авиашкол героически сражались за Родину. В 1950–е гг. индустрия делает качественный и количественный рывок, в 1960–е в рамках ДСНВ, сменившийся бездумными сокращениями³⁸.

Определенное созвучие находится в тематике работ В.А. Бобкова («История артиллерийского производства России в середине XVII – конце XIX вв.») и В.Н. Бенда («Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в.»).

---

³⁷ *Подтрепный Е.И.* Развитие отечественного самолетостроения в условиях «Холодной войны» (1946–1959 гг.) (на материалах серийных заводов Европейской части СССР): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Иваново, 2014. – 391 с. С. 357–363.

³⁸ *Астраханцев О.Н.* История становления и развития системы подготовки военных авиационных кадров в Сибири (1910–1991 гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2019. – 638 с. С. 541–558.

В.А. Бобков доказывает, что до середины XVII века при в целом успешном развитии артиллерийского производства артиллерия не была фактически частью регулярных соединений полевой армии, а местные мастерские производили орудия фактически «как хотели», без какой-либо унификации. Только Пётр I в ходе проведения развернутой модернизации армии ввел унификацию орудий и выстроил цельную систему оружейного производства и ремонта. Развитие артиллерийского производства носило характер скачков. Петровская программа модернизации приняла законченный облик только в годы правления Александра I со становлением системы подготовки артиллерийских кадров. Отмена крепостного права и частичное введение вольного труда привели к кризису в отрасли, поскольку вся система производства вооружения основывалась, по В.А. Бобкову, на феодальном базисе³⁹.

В.Н. Бенда на ту же проблему смотрит иначе – становление системы подготовки артиллерийских кадров он датирует второй четвертью XVIII века, а завершение развития этой системы концом XVIII века. Характеризуются как значительные российские изобретения в области артиллерийского производства, например, станок Нартова, так и программы перевооружения, в частности, проведенная П.И. Шуваловым в царствование императрицы Елизаветы, и последующая политика Екатерины II, приведшей к скачкообразному росту числа орудий с 468 в 1762 г. до 3612 в 1768 г.⁴⁰

Особую группу работ составляют диссертации по истории офицерского корпуса Российской императорской армии – «Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII –

---

³⁹ *Бобков В.А.* История артиллерийского производства России в середине XVII – конце XIX вв.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2018. – 489 с. С. 355–365.

⁴⁰ *Бенда В.Н.* Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в. (на материалах Санкт-Петербурга и Москвы): диссертация ... доктора Исторических наук: 07.00.10. 2019. – 570 с. С. 412–428.

начало XX в.)» А.Н. Гребенкина и «Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно–политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.» Г.С. Чувардина.

А.Н. Гребенкин указывает на важность для становления постпетровской военной организации России развитой системы военного образования. Несмотря на то, что через эту систему до 1860–х гг. проходило лишь около трети офицеров, она оказывала большое влияние на формирование русской армии. В то же время, А.Н. Гребенкин делает вывод и о существенном негативном влиянии на качество подготовки офицеров ряда неофициальных военно-учебных традиций⁴¹.

Г.С. Чувардин также особое внимание уделяет военному образованию, указывая на весьма примерное представление офицеров Генерального Штаба о силах вероятного противника и особенностях современной войны. Значительная часть офицеров вплоть до командующих фронтах в Первую Мировую войну действовали по наитию. Отдельно рассматривается роль великого князя Владимира Александровича в превращении гвардии из образцовых боевых частей в армию «мирного времени», офицеры которой не собирались воевать в принципе. Анализируется и курьезная ситуация, после Русско–японской войны группа боевых офицеров на должностях командиров гвардейских бригад пыталась влиять на реформирование армии, но их рвение было задушено инертным военным начальством, движимым желанием «не совершить ошибку», а по факту – ничего не делать. Характеризуется явление старения старшего офицерства, цепляющегося за свои посты, в результате чего их собственный боевой опыт устаревал, а опыт молодых офицеров ограничивался командованием ротой или батальоном. Делается вывод о наличии процесса перехода военной элиты к «мирной жизни» светских обывателей и становлении

---

⁴¹ *Гребенкин А.Н.* Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса: 2-я половина XVII – начало XX в.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2017. – 578 с. С. 502–508.

категории «сытости» как центральной для генералитета – в результате чего именно военное руководство страны обратилось в главную преграду развития армии и общества⁴².

Как мы уже отмечали выше, диссертации по военной истории во многом написаны для военных, а не для историков. Если собрать их вместе, получилось бы отличное пособие по развитию вооруженных сил России. К большому сожалению, мы не можем сказать, насколько эти работы читаются (или не читаются) представителями вооруженных сил и, в частности, военного ведомства, и играют ли какую-то роль в укреплении обороноспособности государства.

§ 3.2. ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Процесс реформирования отечественной системы образования непрерывно сопровождает историю последних двадцати лет — и никогда проводимые реформы не оказывались бесспорными.

Дважды, в 2016⁴³ и в 2021⁴⁴ гг. ВЦИОМ проводил опросы, касающиеся российского образования.

На вопрос «Как бы Вы оценили состояние нашей системы образования?»

Отличным в 2016 г. образование сочли всего 3% респондентов, в 2021 — 4%.

Хорошим — 30% и 27% соответственно.

---

⁴² *Чувардин Г.С.* Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. — 656 с. С. 591–602.

⁴³ Опрос ВЦИОМ «Система образования в России (1991–2016)» Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sistema-obrazovaniya-v-rossii-1991-2016>] (Дата обращения: 31.01.2023).

⁴⁴ Опрос ВЦИОМ «Образование в России: востребованность, доступность, качество». Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo>] (Дата обращения: 31.01.2023).

Посредственным — 41% и 42%

Плохим — 16% и 13%

Очень плохим — 4% и 9%.

Стоит отметить, что результаты опроса, если учесть признанную авторами погрешность в 2.5%, практически идентичны. За пределы погрешности выходят только падение числа респондентов, считающих российское образование хорошим, падение числа считающих его плохим, и резкий рост количества людей, по мнению которых в российском образовании всё очень плохо.

По версии⁴⁵ ФОМ на 2020 г., 20% респондентов считают отечественное высшее образование хорошим, 45% удовлетворительным и 22% — плохим (погрешность — 3.6%).

Такие результаты ярко показывают раскол в российском обществе, существующий по вопросам эффективности системы образования. И неудивительно, что этот «больной нерв» общества интересует, в том числе авторов диссертационных исследований — данная тематическая группа получила одной из самых больших — в неё вошли 50 диссертаций (16% корпуса).

П.А. Меркулов пишет: «Акцент на значении и месте молодежи в современном мире важен и в силу того, что длительное время руководство государства фактически не обращало на нее должного внимания. И это в истории нашей страны, увы, проблема не вчерашняя. (...) В наши дни стратегия общества должна быть основана на точном понимании того, каким оно видит молодое поколение в перспективе своего развития. При этом главная цель молодежной политики состоит не только в создании необходимых для полноценного развития молодежи социальных условий, системы ее социальной защиты, системы стимулов к ее саморазвитию и

---

⁴⁵ Опрос ФОМ «О качестве российского высшего образования» Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436>] (Дата обращения: 31.01.2023).

самореализации, но и в запуске процесса «омолодеживания» общества в целом»⁴⁶.

При этом особый интерес исследователей вызывают перспективы использования исторического опыта образовательной политики. Как справедливо отмечает А.В. Блинов: «В контексте современного реформирования системы образования необходимо обратить внимание на отечественный опыт, имевший место в имперский период (...) В опыте предшествующего периода необходимо видеть рациональное зерно, не критиковать, а искать варианты преемственности»⁴⁷.

Стоит отметить, что согласно ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», под образованием понимается «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно–нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»⁴⁸.

На основании данного определения в категорию диссертаций, посвящённых образованию, мы включили не только работы, касающиеся школы или ВУЗа, но также вопросы молодёжной политики и организации средств массовой информации в том случае, если они имеют отношение к

---

⁴⁶ Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодёжной политики в России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014. – 646 с. С. 5.

² Блинов А.В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2019. – 685 с. С. 6.

⁴⁸ Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012. С. 2, п. 1.

влиянию на информированность или ценностные установки масс, ведь, особенно по отношению к историческому прошлому, неправильно отделять образование от просвещения. Близка к истории образования также проблема исторической демографии. «Демографическая проблема — один из важнейших глобальных «вызовов» современности. Особенно актуально ее изучение в России, где не преодолен еще демографический кризис конца XX – начала XXI вв. Исследование исторического аспекта этого явления помогает выявить его исторические корни и разработать научно обоснованную демографическую политику»⁴⁹, — пишет С.И. Сивцева в своей диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Действительно, вопрос о народонаселении регулярно обсуждается в медиа, правительством принимается ряд программ, направленных на увеличение рождаемости и поддержку института семьи.

Как справедливо отмечает Е.Н. Афанасова: «Создание и реализация федеральных и региональных программ в настоящее время имеет серьезную социально–экономическую и общественно–политическую значимость. Однако, несмотря на активное осуществление государственных мероприятий по отношению к женщинам и детям, наблюдается ряд нерешенных проблем. В частности, нормативно–правовая база социальной политики в отношении материнства и детства требует дальнейшего совершенствования. (...) Поскольку сохраняется актуальность совершенствования государственной социальной политики в отношении материнства и детства и механизмов ее реализации, то возрастает востребованность осмысления опыта, накопленного в предыдущие периоды»⁵⁰.

---

⁴⁹ Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Москва, 2014. – 606 с. С. 5.

⁵⁰ Афанасова Е.Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири): специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Улан-Удэ, 2020. – 551 с. С. 6.

Во многом, рассматриваемая группа работ интересна тем, что по ней мы можем судить о влиянии гендерного фактора на историческую науку.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на погодичное число защит диссертаций, касающихся вопросов образования и просвещения в сравнении с числом женщин–соискателей, вошедших в число авторов данных работ:

Год	Число работ по истории образования и семьи	Число работ по истории образования и семьи, написанных женщинами	Число работ по истории образования и семьи, написанных мужчинами
2014	6	3	3
2015	11	6	5
2016	9	5	4
2017	9	5	4
2018	7	2	5
2019	3	1	2
2020	5	2	3

Как мы видим, в 2014–2017 гг. – женщины нередко составляли больше половины всех авторов работ по данной тематике. По мере того, как снижается число женщин–исследовательниц тема уходит на второй план в диссертационных исследованиях, что заметно, если мы посмотрим на число диссертаций, написанных в рамках данной тематической группы мужчинами — разброс в количестве мужских работ не превышает три единицы, в то время как у женщин амплитуда составляет целых пять единиц. Это свидетельствует нам о том, что разница в общей сумме работ ежегодно достигается в большей степени именно за счёт «женских» работ. Для мужчин же данный блок хоть и является стабильно важным, однако, только в лучшие годы может сравниться по совокупности мужских работ с худшими результатами военной истории.

В общем–то, вывод достаточно ожидаемый — мужчины в науке тяготеют скорее к вопросам военной истории, а женщины к вопросам истории образования и просвещения. Кстати, это подтверждает или хотя бы не опровергает и упоминавшийся ранее вывод ИСИЭЗ о том, что в последние годы женщины–исследовательницы чаще всего выбирают педагогические тематики — мы можем сказать, что при написании «докторских» женщины, по крайней мере в 24 из 118 случаев (20%), за последние семь лет выбирали именно затрагивающие вопросы образования темы.

Прежде всего, авторов интересуют, конечно, вопросы организации деятельности образовательных учреждений. Таковы, например работы:

«Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект (на материалах сибирского научно–образовательного комплекса)», «Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918 – 1941 гг.: сравнительно–исторический анализ», «Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX вв.)», «Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX в.», «Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации», «Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: воспитание учащихся».

В данной сфере большинство авторов предпочитают обращаться не к советскому опыту, а к опыту организации образования в Российской Империи. При этом практически все авторы отмечают возможность использования данного опыта для модернизации современной системы образования, но вот отношение к этому опыту далеко от панегирического. Так, Е.А. Калинина делает особый акцент на связи развития образования не с властными директивами, а с социальным заказом — так, в регионах с

преобладанием государственных крестьян долгое время отсутствовал запрос даже на начальную школу, а потому многие формально созданные образовательные учреждения существовали только на бумаге. Решила проблему только кадровая потребность Министерства государственных имуществ в писарях и землемерах. Эффективность реформ часто зависела от эффективного взаимодействия власти с Церковью и прогрессивно настроенными образованными помещиками⁵¹.

Сходным образом, С.Ю. Иерусалимская указывает на помощь властям со стороны многих дворян, открывающих частные школы, а позднее — со стороны Земств. Большую роль в развитии образования по С.Ю. Иерусалимской сыграло массовое открытие с 1850-х гг. воскресных и церковно-приходских школ⁵². Таким образом, тезис о необходимости общественной поддержки образованию и «инициативы снизу» для успешного проведения преобразований переходит из работы в работу.

В.С. Сулимов также затрагивает вопрос о роли церкви в школах Российской Империи, но приходит к противоположным выводам — по его мнению, из-за применения устаревших назидательных методов и часто казенного отношения законоучителей к своей деятельности учащиеся скорее отходили от Церкви и монархических взглядов⁵³.

Интересует авторов, конечно, и советский опыт организации образовательного процесса. Так, К.Ф. Лиджеева рассматривает влияние советской системы образования на рост национального самосознания народов юга России и создание национальной интеллигенции. В то же время проводимые реформы образования вели к интеграции данных

---

⁵¹ *Калинина Е.А.* Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2018. – 730 с.

⁵² *Иерусалимская С.Ю.* Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2015. – 585 с.

⁵³ *Сулимов В.С.* Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Барнаул, 2015. – 563 с.

народов в общесоветские модернизационные процессы, что положительно сказывалось на их жизни⁵⁴.

Сходным образом и Д.В. Хамина в проблематике высшего исторического образования в СССР в Сибири привлекает, прежде всего, его соответствие региональной специфике, так, исследователь отстаивает тезис, что тематика исторических работ в советское время определялась, прежде всего особенностями социально–экономического развития региона, национальным составом населения и его культурными особенностями. В качестве методологической базы при этом использовалась теория «внутренней колонизации». Перемены 20–х и 30–х гг. Д.В. Хамина считает «катастрофическими», направления научного поиска в этот период определяются центром, а пути для такого поиска блокируются. Но и применительно к периоду «оттепели» Д.В. Хамина называет сибирский научный комплекс «экзотическим филиалом ближней периферии мирового научно–исторического центра». В 1970–х–1980–х гг. происходит регионализация сибирского научного комплекса, которую Д.В. Хамина оценивает почти исключительно положительно⁵⁵.

Таким образом, исследования образовательных институтов СССР в большей степени, чем исследования Российской Империи, имеют обзорный, и в меньшей степени подчеркиваемый авторами практический характер.

Также авторов волнуют проблемы молодёжной политики как таковой, например, «Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.)», «Молодёжная политика СССР и её реализация на советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922–июнь 1941 гг.)», «Молодежная политика советского

---

⁵⁴ Хамина Д.В. Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект: на материалах сибирского научно-образовательного комплекса: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2019. – 720 с.

⁵⁵ Там же, С. 27.

государства и ее реализация в Восточной Сибири (середина 1950-х–1991 гг.)».

Первое же, что бросается в глаза — если в вопросах функционирования образовательных учреждений имперский опыт превалирует как источник информации для диссертантов над советским, то в вопросах молодёжной политики ситуация диаметрально противоположная, авторов интересует исключительно советский опыт.

Наиболее обширная по хронологическим рамкам работа принадлежит П.А. Меркулову, который единственный затрагивает в диссертации вопросы дореволюционной молодёжной политики и почти исключительно в обзорном виде. Одним из основных тезисов П.А. Меркулова является утверждение, что в самые разные периоды российской истории неотъемлемым компонентом молодёжной политики было подавление, запрещение, а порой и уничтожение молодежных организаций. По мнению П.А. Меркулова ряд молодёжных движений носит откровенно деструктивный характер, и недостаточно усердная борьба с ними несёт угрозу существованию общества⁵⁶.

Н.Н. Билим отмечает, что победа в Великой Отечественной войне и успешное послевоенное восстановление в значительной степени стали следствием успешной молодёжной политики Советской России в 20-е–30-е гг. прошедшего столетия. Эта политика сформировала новый тип ценностей и в значительной степени приблизилась к идеалу — созданию нового человека⁵⁷.

Т.М. Королева, характеризуя позднесоветскую молодежную политику, отмечает колоссальные и совершенно утраченные сегодня успехи советского государства по переводу ценностных установок молодежи из

---

⁵⁶ Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодёжной политики в России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 646 с.

⁵⁷ Билим Н.Н. Молодёжная политика СССР и её реализация на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 г. – июнь 1941 г.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Астрахань, 2015. – 439 с.

сферы досуга в сферу позитивной трудовой деятельности и творчества. В то же время исследовательница отмечает, что в условиях дефицита рабочей силы советская власть часто латала за счёт молодежи экономические прорехи — при этом молодых энтузиастов ждали неудовлетворительные жилищные условия, плохое социально–культурное обеспечение и снабжение промышленным и продовольственными товарами, а в конечном счете и отсутствие перспектив, что и определяло высокую «текучку» на стройках народного хозяйства⁵⁸.

В то же время нельзя не отметить, что диссертации, посвящённые советской молодёжной политике, преимущественно характеризуют ее как успешную и рекомендуют обращаться к опыту проведения этой политики.

Интересуют авторов также вопросы воспитания детей, данной проблеме посвящены работы: «Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX–начало XX вв)», «Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт–Петербурга)», «Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX – начале XX веков: историко–антропологический и социокультурный аспекты», «Благотворительность и призрение в повседневной жизни российского общества в XVIII – XIX вв».

З.И. Хасбулатова — первая чеченка, получившая степень доктора исторических наук, собрала богатый этнографический материал, на котором и сформулировала целостную картину обучения и воспитания ребёнка в рамках чеченской семьи, ярко и подробно показав, как от рождения ребёнка до достижения им зрелости осуществлялась целостная воспитательная стратегия, направленная на приобщение к традициям народа, принятым в нем этическим нормам, семейному делу. Особенно

---

⁵⁸ Королева Т.М. Молодежная политика Советского государства и ее реализация в Восточной Сибири: середина 1950-х –1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Братск, 2015. – 432 с.

отмечается роль таких факторов как личный пример и элементы трудового воспитания, а также тщательный подбор игр для детей, в том числе формирующих в сознании ребёнка определенную модель социального поведения⁵⁹.

В отличие от З.И. Хасбулатовой рассматривающей пример положительной социализации, И.В. Синова ставит в центр своей работы примеры отрицательной социализации — сложную ситуацию с детьми городского населения в поздней Российской Империи. И.В. Синова подробнейшим образом показывает, как в ходе урбанизации и вследствие массового обнищания городского населения, семья и школа уступают в борьбе за сердца детей и умы «улице». Доверчивость, внушаемость и беспомощность детей сталкивались с жестокостью со стороны ремесленников, в мастерские которых массово отдавали детей, чтобы у тех была возможность обучившись ремеслу прокормить себя. Многие не выдерживали ужасных условий эксплуатации — сбегали в банды, совершали самоубийство или рано начинали употреблять алкоголь, приобщаясь к деструктивному образу жизни⁶⁰.

Н.А. Мицюк рассматривает тот же период, что и И.В. Синова, но останавливается не на детях рабочих, а на потомстве элиты — дворян. В частности, Н.А. Мицюк защищает тезис о том, что дворянки выбирали определенную стратегию материнства, преимущественно исходя из характера полученного образования и собственной идеологической позиции. Либерализация дворянок вела к снижению рождаемости, повышению брачного возраста и возраста первой беременности, введению практик абортов и отказа от грудного вскармливания. Автор

---

⁵⁹ *Хасбулатова З.И.* Традиционная культура воспитания детей у чеченцев: XIX — начало XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2015. — 426 с.

⁶⁰ *Синова И.В.* Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2014. — 442 с.

отождествляет такие перемены с модернизацией общества, феминизацией и постепенным «освобождением» женщин⁶¹.

Диссертация Н.А. Гаврилиной в целом посвящена не педагогике, а благотворительности. Однако, затрагиваются вопросы призрения в отношении детей–сирот. Но вот насколько это призрение оказывалось действенным и меняло жизнь детей–сирот к лучшему, всецело зависело от наличия в той или иной области частных благотворителей. Соотношение государственной благотворительности к частной исследовательница определяет в соотношении 25% к 75%⁶².

Как можно видеть, большая часть диссертаций, посвящённых воспитанию, также имеет в основном описательный характер, характеризуя конкретно–исторические проблемы прошлого, а не предлагая на исторической основе практический социальный опыт для настоящего. В то же время отдельные примеры могут выступать, как руководство к действию или, наоборот, как предостережение.

Встречается и ряд частных вопросов, имеющих отношение к роли в образовании Русской церкви и других общественных организаций: «Русская Православная Церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно–образовательного пространства российской провинции 1861–1917 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья)», «Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985–2012 годы», «История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательная форма культуры (вторая половина XIX – начало XXI веков)».

---

⁶¹ Мицюк Н.А. Материнство у дворянок Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-антропологический и социокультурный аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2016. – 768 с.

⁶² Гаврилина Н.А. Благотворительность и призрение в повседневной жизни российского общества в XVIII–XIX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2015. – 466 с.

О.А. Монякова характеризует образовательную ситуацию второй половины XIX века, как глубокую рознь двух культур, вызванную отсутствием единого культурно–образовательного пространства. В ходе образовательных реформ столкнулись две силы, способствующие организации образовательной политики в России — Русская Православная Церковь и Земства. Между ними имело место как сотрудничество с низкой степенью прямых контактов, так и конфронтация по вопросам целеполагания образования, что исследовательница считает следствием вмешательства государства в образовательный процесс. О.А. Монякова также считает, что такое столкновение во многом определило образовательную ситуацию, сложившуюся в Императорской России в период революций⁶³.

Е.А. Полякова актуализирует понимание музея как выразителя социальных ожиданий в отношении будущих перемен. Независимо от О.А. Моняковой, Е.А. Полякова тоже приходит к выводу о разделении таких ожиданий у организаторов светских и церковных музеев во второй половине XIX века. При этом, если в развитии светских музеев господствовала тенденция к идеологизации, церковные музеи стремились прежде всего к памятникоохранительству. Е.А. Полякова предлагает собственную программу адаптации церковных музеев с целью их утверждения в качестве образовательной формы культуры. Программа сводится к осовремениванию церковно–музейного пространства путём объединения их в сеть и создания общих ресурсных центров⁶⁴.

В центре исследования О.В. Пигоревой — процесс клерикализации образования в современной России, которую автор объясняет

---

⁶³ Монякова О.А. Русская Православная церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно–образовательного пространства российской провинции в 1861–1917 гг. на материалах губерний Верхнего Поволжья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иваново, 2014. – 481 с.

⁶⁴ Полякова Е.А. История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательной формы культуры: вторая половина XIX – начало XXI века: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.03. Томск, 2015. – 613 с.

потребностью учителей в нравственном императиве учебно–воспитательной работы⁶⁵.

Как мы видим, глобальный тренд на оживление интереса к истории Русской Церкви проявляется и здесь, причём применительно к разным историческим эпохам — от Императорской России до современности.

В общем, можно сделать вывод, что история образования является для исследователей живой и разносторонней проблематикой. При этом, преимущественно исследователей волнует организация образовательных учреждений в Императорской России и вопросы сотрудничества власти с Русской Церковью в области образования. Советский опыт в области организации образовательных учреждений или сотрудничества с Церковью, как правило, интерпретируется как негативный, однако, исследователей интересуют вопросы организации советской молодёжной политики, как правило, интерпретируемой как успешная. В то же время о какой–то центральной повестке в области семьи и семейного воспитания говорить нельзя — присутствует крайняя поляризации тематики работ от примеров конструирования общества на основе традиционных ценностей до примеров влияния либеральных ценностей на поведение матерей, от проблем жестокого отношения к детям до методов организации помощи сиротам. Однако, число и широкий тематический охват работ подтверждают актуальность данной проблематики в современной России.

§ 3.3. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

Что точно стало одним из трендов науки XXI века — так это резкое возвращение в науку после краха СССР проблем истории религии и религиозных общин. Причины такого всплеска исследовательского

---

⁶⁵ *Пигорева О.В.* Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985–2012 годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2016. – 552 с.

интереса к данной тематике, исследователи понимают по-разному. Так, Е.Н. Цимбаева относит их к потребности в идеологической консолидации общества⁶⁶, М.А. Симонова — к реактуализации вопроса организации церковно-государственных отношений⁶⁷, а В.П. Литвинов — к необходимости конфессионального примирения и разоблачения мифов о религиозном гнете в отношении малых народов⁶⁸.

Всего в рассматриваемом нами корпусе содержится 42 диссертации по истории религии — 14% от общей суммы. При этом некоторые диссертации попали в несколько категорий, поскольку посвящены взаимоотношениям конфессий, отсюда общая сумма выше 42:

- 22 диссертации о православии;
- 21 — об исламе;
- 11 — о неправославных христианских конфессиях;
- 6 — о буддизме.

Стоит отметить, что, если исключить диссертации о межконфессиональных связях православия в отдельную категорию, то ислам занял бы уверенно лидирующие позиции, православие часто изучается вместе с «чем-то ещё», что делает спорной безусловную атрибуцию диссертаций, даже при превалировании посвящённых православия вопросов в тексте работы, например:

Цимбаева Екатерина Николаевна — 26.12.14 — Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века — 02.

или

---

⁶⁶ *Цимбаева Е.Н.* Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014. – 440 с. С. 16.

⁶⁷ *Симонова М.А.* Социальная, образовательная и миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в контексте взаимодействия с государством и обществом (1943-2013 гг.) специальность 07.00.02 "Отечественная история" : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М, 2015. – 330 с. С. 6.

⁶⁸ *Литвинов В.П.* Исторический опыт российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман средней Азии (1865–1917 гг.): специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Елец, 2019. – 461 с. С. 5.

Пигорева Ольга Владимировна — 17.02.17 — Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985–2012 г. — 02.

Подобно двум предыдущим, «история религии» является гендерно нейтральной темой, 16/42 диссертаций созданы женщинами, в процентном отношении доля женщин–религиоведов⁶⁹ составляет 38%, то есть превышает треть.

Обобщая выводы предыдущих параграфов, не будем забывать, что женщин–докторов наук в 2014–2020 гг. защитилось всего 118 человек. 16 диссертаций составляют 13,5% всех женских работ, то есть, по меньшей мере, каждая десятая женщина–доктор наук — религиовед.

Интересно, что доля мужчин–религиоведов среди докторов наук 2014–2020 гг., относительно всех мужских защит, в процентном отношении практически совпадает с долей женщин–религиоведов относительно всех защит женских — она составляет 14%.

Именно на основании того, что в рамках каждого пола религией занимается примерно один и тот же процент учёных, мы делаем вывод о гендерной нейтральности темы — говоря о докторам исторических наук, имеем мы дело с мужчинами или женщинами, каждый десятый будет профессионально заниматься вопросами истории религии.

Несомненно, огромный вклад в актуальность темы внёс поиск религиозной идентичности, как исламскими народами России, так и православным большинством — однако, общий охват диссертаций свидетельствует об интересе не только к основным конфессиям, представленным на территории России (по данным ВЦИОМ на 2022 г. православными являются 68% населения, атеистами и колеблющимися в

---

⁶⁹ Стоит отметить, что использование нами термина «религиоведение»/«религиовед», «теологический» и др. применительно к историкам религии носит условный характер. В науке существует серьёзная дискуссия о том, где именно пролегает граница между теологией, религиоведением и историей религии, и идет стремительная кристаллизация каждой из этих дисциплин. Тем не менее, данная дискуссия выходит за рамки проблем нашего исследования. (прим. М.Я.)

вере — 16%, мусульманами — 6%, на прочие религии приходится меньший процент⁷⁰) — но и явными религиозными меньшинствами. Есть диссертации посвящённые католикам и протестантам России, старообрядцам, буддистам — в статистическом отношении население, исповедующего эти религии не так велико, так что 17 диссертаций (5.5%) посвящённых жизни, вере, вероучению, церковному устройству или культуре религиозных меньшинств, можно признать вполне существенной долей, характеризующей стабильный интерес к этой проблематике, хоть и уступающий, например, исламу, которому посвящены 7% от общего корпуса, что составляет один из самых высоких показателей.

Большая часть из 42 диссертаций, которые можно назвать «религиоведческими», не являются теологическими, а образованы именно по такому принципу.

Однако, помимо таких «общественных» работ, встречаются и построенные вокруг конкретных религиозных практик и обрядов, а также мировоззрения верующих. Так, работа Н.П. Шок посвящена влиянию раннего христианства на римскую медицину, И.Е. Андронов рассматривает межконфессиональную полемику в Европе XVI века, А.А. Романова изучает почитание святых и чудотворных икон в России XVII века, В.А. Орловский посвятил свой труд практике канонизации в современной России...

Что интересно — почти все диссертации подобного рода посвящены христианству. Только одну работу из относящихся к исламу можно отнести к мусульманскому богословию — «Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI вв.» за авторством А.К. Идиатуллова. В остальном же стоит признать, что, если для христиан историк выступает как возможный источник знания о

---

⁷⁰ Опрос ВЦИОМ «Великий пост 2022». Электронный ресурс. Режим доступа: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2022] (Дата обращения: 20.03.22).

собственной вере, то у мусульман — он как такой источник видимо не рассматривается — даже упомянутая нами единственная диссертация вероятно контркультурна по отношению к большинству мусульман России, поскольку посвящена элементам язычества в мировоззрении суннитов Поволжья.

Большинство посвящённых православию диссертаций сосредоточены на проблеме исторической роли Церкви, например — «Русская Православная Церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII – XIX вв.», «Социальная, образовательная и миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в контексте взаимодействия с государством и обществом (1943–2013 гг.)», «Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX вв.)». Здесь мы должны задать себе вопрос, насколько современная история церкви является преемницей советской истории церкви, построенной на научном атеизме, а значит критике религии. Текст диссертаций показывает, что деятельность Церкви, как правило, авторами оценивается сугубо положительно. Приведём несколько примеров.

Г.М. Капалин — «Православные духовные миссии были призваны не только заботиться об удовлетворении духовных потребностей русского населения, но и нести коренным жителям базовые ценности русской цивилизации. К ним, в первую очередь, относились система миропонимания, традиции и нравственные нормы восточного христианства, а также основанные на них гражданские качества, такие как патриотизм и верность православному монарху»⁷¹.

М.А. Симонова — «Необходимо отметить, что история исследуемой проблемы связана с многовековой деятельностью Русской Православной

---

⁷¹ Капалин Г.М. Русская Православная Церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв.: по материалам Аляски: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М; 2014. – 476 с. С. 5.

Церкви, которая являлась, как известно, образцом социального служения своему государству»⁷².

И.И. Юрганова— «На протяжении столетий православие выступало в качестве идеологической основы российского общества и, занимая значимую нишу в общественно–политической системе, способствовало формированию и укреплению многонационального государства»⁷³.

Как мы видим, авторы особенно акцентируют факт не столько существования духовной функции религии — помощи в спасении души — сколько функции светской. Особенная роль уделяется роли церкви в воспитании патриотизма и уникальной связи между Русской Православной Церковью и государством.

Существуют и диссертации, изучающие духовенство как социальную группу — «Городское духовенство России XVIII в. (историко–генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии)», «Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX вв.», «Материальное обеспечение приходского духовенства центрально–черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века)».

В первую очередь исследователей интересует внутренняя дифференциация духовенства Императорской России — так, в центре работы А.В. Матисона лежит процесс оформления полузамкнутого статуса духовного сословия к концу XVIII века, А.В. Мангилёва останавливается на процессе формирования сословного самосознания клириков и росте их общественной активности, оба автора отмечают процесс постепенного распространения образованности среди духовенства, чем в начале XVIII

---

⁷² *Симонова М.А.* Социальная, образовательная и миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в контексте взаимодействия с государством и обществом (1943–2013 гг.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М, 2015. – 330 с. С. 15.

⁷³ *Юрганова И.И.* Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX вв.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2017. –460 с. С. 3.

века могла похвастаться лишь треть клира. С.А. Иконников же акцентирует внимание читателей на элементах внутренней неорганизованности жизни духовенства — в частности на не вполне ясные правила распределения доходов, приводящие часть священства к обнищанию, с которым власти боролись путём раздачи земли, но и такие раздачи приводили к отвлечению сельского клира от непосредственных обязанностей и конфликтам с паствой. Таким образом, можно сказать, что если изучение Церкви в целом в отечественном академическом дискурсе тесно связано с вопросом об исторических судьбах России — тезис об уникальной роли Церкви в судьбе Отечества переходит из исследования в исследование — то изучение духовенства российскими историками мало отличается от исследования любой другой социальной группы. В фокусе внимания оказываются генеалогия, уровень образования, социальное положение.

Сами авторы подобных «историко–социологических» исследований обосновывают актуальность своего труда, как правило, через констатацию возрастающей роли Русской Православной Церкви в жизни страны и очевидную необходимость поиска оптимальных путей взаимодействия между клиром и обществом.

При этом, как и в случае с исследованиями Церкви, ни одна из диссертаций не содержит разоблачительного пафоса, свойственного трудам советской эпохи. В некоторых работах, как например у А.В. Мангилёвой, даже прямо отмечается необходимость борьбы с пропагандистскими мифами о духовенстве, распространившимися в условиях отсутствия научных исследований по теме и напрямую мешающих диалогу Церкви и общества⁷⁴.

---

⁷⁴ Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015. – 535 с. С. 6.

Если в отношении христианства в фокусе исследователей оказывается Церковь как организация и социальная группа, то исследования, посвящённые исламу, редко затрагивают служителей культа — в фокусе внимания их авторов либо община верующих, либо организация неких культовых практик.

Примерами работ первого типа можно назвать следующие труды: «Мусульмане Поволжья в советский период отечественной истории: на материалах Нижегородской, Самарской, Ульяновской областей», «Социально–экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии (конец XVIII – начало XX вв.)».

Примерами работ второго типа можно назвать следующие труды: «Эволюция системы внешних сношений духовных управлений мусульман России: сравнительно–исторический анализ (конец XVIII в. – начало XXI в.)», «Исторический опыт Российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман Средней Азии (1865–1917 гг.)».

Буквально первые же слова диссертации Ю.Н. Гусевой посвящены «воспитательной» значимости ее исследования на фоне назревшей необходимости возрождения исламской религиозной традиции⁷⁵. Более того, за этим тезисом следует утверждение особой роли ислама в эволюции российской цивилизации⁷⁶ — почти зеркально повторенное применительно к другой религии высказывание об «особой роли», уже отмеченное нами выше, когда речь шла о работах, посвящённых христианству. Далее в тексте Ю.Н. Гусева ещё сильнее развивает эту мысль, выделяя в числе ценностных императивов Российской цивилизации

---

⁷⁵ Гусева Ю.Н. Мусульмане Поволжья в советский период отечественной истории: на материалах Нижегородской, Самарской, Ульяновской областей.: Диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М.: 2014. – 443 с. С. 5.

⁷⁶ Там же, С. 5.

— «служение», «государя», «государство», «патриотизм»⁷⁷, что созвучно с приведённой выше цитатой из Г.М. Капалина.

Такое совпадение видится нам не случайным — в то время как для централизованного российского православия неким «носителем» веры предстаёт Русская Православная Церковь, ислам является более децентрализованной и менее институализированной религией, роль носителя исторической судьбы конфессии в глазах верующих выполняет сама умма. Однако российские христиане и мусульмане переживают одну и ту же травму, нанесённую действиями советской власти, и один и тот же процесс поиска исторической судьбы. И ответы на одни и те же вопросы бывают диаметрально разными — так, М.М. Имашева понимает развитие мусульманского предпринимательства через «необходимость единения мусульманского, тюркско–татарского мира»⁷⁸. С децентрализацией ислама связана и тематика работ второго типа — Р.А. Силантьев прямо пишет о возможности использования другими государствами исламского фактора для дестабилизации ситуации в стране⁷⁹ в случае, если внешние взаимоотношения муфтиятов не будут должным образом гармонизированы. В частности отмечается, что ни одно из радикальных экстремистских течений не возникло в пределах российской уммы, однако, ее закрытость и действия советской власти, направленные на подавление религии, привели к ухудшению внутренней организации общины и, как следствие, повышению ее уязвимости к влиянию извне. Сходным образом, В.П. Литвинов отмечает позитивную роль в построении взаимоотношений между уммой и государственной властью, усилий дипломатических

---

⁷⁷ Там же, С. 10.

⁷⁸ *Имашева М.М.* Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии: конец XVIII – начало XX вв.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Грозный, 2016. – 638 с. С. 17.

⁷⁹ *Силантьев Р.А.* Эволюция системы внешних сношений духовных управлений мусульман России: сравнительно-исторический анализ (конец XVIII в. – начало XXI в.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.15. М., 2014. – 254 с. С. 6.

представительств России по защите паломников–мусульман и их имущества за рубежом⁸⁰.

Почему исследования религии стали так актуальны? Несомненно, в данном случае одной из основ является самоидентификация религиозных общин, вышедших из-под семидесятилетнего гнета, известная сложность в проведении таких исследований в советскую эпоху и соответственно вакуум в вопросе изученности темы. Травма, нанесённая верующим советской властью, переходит из работы в работу, в текстах исследований явно заметен поиск, как Русской Православной Церковью, так и мусульманской уммой путей к здоровому диалогу с государственной властью и обществом.

Таким образом, констатированный нами тренд — не столько тренд к изучению религии как таковой, сколько стремление к поиску путей, на которых верующие будут чувствовать себя в безопасности. Большинство авторов, как изучающих православие, так и изучающих ислам, отмечают современный период истории России как положительный для изучаемой религии. И это тоже важно — изучение религии лишено протестных коннотаций.

§ 3.4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В нашей стране ещё с советских времён существует традиция изучения экономической истории, потому неудивительно, что в данную тематическую группу вошли 46 диссертаций (15%). Преимущественно это диссертации по истории сельского хозяйства и промышленности, хотя можно встретить работы, посвящённые конкретным экономическим

---

⁸⁰ *Литвинов В.П.* Исторический опыт Российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман Средней Азии (1865–1917 гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2019. – 461 с.

проблемам — налогообложению, продовольственному снабжению, предпринимательству...

Д.С. Орлов прямо объясняет свой интерес к аграрной проблематике: «Аграрный вопрос в России до сих пор не решен, что актуализирует необходимость изучения исторического опыта реформирования аграрных отношений. На современном этапе отечественной историографии произошла актуализация исследований по истории аграрного сектора экономики страны и ее отдельных регионов во второй половине 1960–х – первой половине 1980–х гг. На этот период приходится пик развития советского сельского хозяйства со всеми его достоинствами и недостатками. Сложности с продовольственным снабжением городов, которые явственно проявились в начале 1980–х гг., стали одной из основных причин произошедшей смены общественно–политического строя в СССР в начале 1990–х гг.»⁸¹.

Сходной стратегии объяснения актуальности темы придерживается и А.В. Келлер: «Актуальность темы исследования определяется все большей востребованностью понимания исторической связи между ремесленной мастерской и сегодняшними малыми и средними предприятиями (МСП), играющими решающую роль в развороте современной российской экономики...»⁸².

Но встречаются и другие стратегии объяснения, кроме общественно–политической. Так, Е.В. Комлева видит в своем исследовании, посвященном купечеству, реактуализацию исторической памяти о временах, когда крупный капитал служил целям развития Российского государства: «Купцы, часто не отдавая себе в этом отчет и часто это не

---

⁸¹ Орлов Д.С. Аграрная политика государства и сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2019. – 448 с. С. 3.

⁸² Келлер А.В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2018. – 658 с. С. 3.

формулируя, преследовали не исключительно узко прагматические интересы, но и более высокие цели — вовлечение новых земель и населяющих их народов в сферу влияния и в общую хозяйственную, социальную и духовную жизнь страны. По крайней мере, объективно их деятельность имела именно такой результат. Принимая во внимание остро стоящую перед сегодняшней Россией задачу по обеспечению стабильного развития восточных регионов, исторический опыт в этом отношении, в том числе накопленный сибирскими купцами, можно считать «ценным национальным достоянием», представляющим «большой интерес не только в научном, но и общественно–образовательном плане»⁸³.

Стоит также отметить, что большинство экономических работ одновременно попали в следующую тематическую группу — «Регионоведение», интерес к экономике регионов стабильно велик.

А вот число работ по общероссийской экономике конкретного периода, не говоря уже об экономике зарубежных стран, крайне невелико — всего 20.

И это подводит нас к одной из главных характеристик рассматриваемого диссертационного корпуса, а возможно и диссертационной культуры в современной России в целом — регионоведческому буму в науке.

---

⁸³ *Комлева Е.В.* Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения Северной Азии (конец XVIII–XIX век) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2020. – 647 с. С. 6.

§ 3.5. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТРЕНД ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Пожалуй, ни один тренд современной исторической науки не получил такого же распространения как регионоведение⁸⁴. Причины опять же разные, например, часть исследователей обращаются к регионоведческим исследованиям по методологическим соображениям, считая только их подлинно научными в современных условиях: «В условиях перемен, начавшихся в конце 1980–х гг., стала всё более очевидной необходимость преодоления устаревших подходов, всемерного расширения источниковой базы и применения новых методов изучения данной проблемы, а это возможно на данный момент только в рамках региональных или даже локальных исследований, обеспечивающих наибольшую научную глубину и высокую степень конкретизации»⁸⁵.

Встречаются и общественно–политические стратегии объяснения, так, С.С. Лазарян считает, что незнание специфики кавказского региона приводит к систематически неправильной государственной политике в его отношении⁸⁶. М.М. Плотникова же ставит в центр своего исследования проблему взаимоотношений центра и регионов, а также вопрос о региональных особенностях управленческих структур⁸⁷.

Еще одно простое объяснение этому носит чисто технический характер — доступность источников, особенно для исследователей в региональных

---

⁸⁴ Здесь и далее понятие «регионоведение» понимается в определении Т.А. Бульгиной, приведенном в начале § 3. (прим М.Я.)

⁸⁵ *Рянский Р.Л.* Развитие помещичьего хозяйства Черноземного центра в первой половине XIX века. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Курск, 2016. – 664 с. С. 4.

⁸⁶ *Лазарян С.С.* Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова 1844–1854 годы. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владикавказ, 2015. – 1055 с. С. 5.

⁸⁷ *Плотникова М.М.* Городские думы Восточной Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: практика городского самоуправления и бюджетная политика городов. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Иркутск, 2019. – 620 с. С. 4–6.

научных центрах, в сочетании с локальным патриотизмом и интересом к истории родного края побуждает историков заниматься данной проблематикой. Местные архивы часто содержат сверхподробную информацию по частным вопросам, что упрощает верификацию, а ведь диссертация до сих пор была и остаётся, по выражению Н.Н. Алеврас, «эталонным научным исследованием»⁸⁸, подтверждающим квалификацию учёного. В случае с докторской диссертацией — наивысшую квалификацию. Теоретик региональной истории современной России С.И. Маловичко также пишет, что «актуальная социокультурная ситуация представляется ныне как ситуация постмодерна»⁸⁹ и, ссылаясь на Кита Дженкинса, заявляет, что любая репрезентация прошлого историками всегда является «неудачной репрезентацией». «Локальная история», — продолжает Маловичко, — «позволяет создать коллективную биографию локальной общности любого уровня от семьи до страны». И далее: «Истории отдельных стран, написанные на основе методов новой локальной истории, позволяют преодолеть унификаторство, опирающееся на типичность. Исследования в рамках новой локальной истории признают многообразие региональной специфики, которое и составляет национальное целое»⁹⁰.

В этом же контексте мы понимаем тезис И.И. Куриллы о «регионализации истории» как «появлении немосковских нарративов российской истории»⁹¹. Нельзя отрицать и целенаправленную политику

---

⁸⁸ *Алеврас Н.Н.* Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX – начало XX в.). Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. – С. 62.

⁸⁹ *Маловичко С.И.* Современная историческая наука и изучение локальной истории. Новая Локальная История. Выпуск 1. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003. – С. 6–22.

⁹⁰ Там же, С. 6–22.

⁹¹ Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. *П.Ю. Уваров, И.И. Курилла, В.В. Тихонов [и др.]* Российская история. 2013. – № 1. – С. 13.

местных властей, направленную на поощрение исследований истории родного края.

Таким образом, в локальной истории изначально содержатся два звена — с одной стороны высокая способность к верификации за счёт доступности и полноты местных архивов, с другой же врожденная «анархичность» по отношению к концептам национальной истории и макроистории, ведь всякая локальная история есть в первую очередь восприятие локального исторического опыта.

Данная тематическая группа является абсолютным лидером по числу вошедших в неё работ — 104 диссертации (34%), причём мы сознательно не включали в эту сумму диссертации по археологии, ограниченные «естественным» путём местами раскопок, и всемирной истории.

Потому несколько корректнее было бы сравнить блок «Регионоведение» не с общим числом диссертаций, а, например, с суммой диссертаций по специальностям 02 и 07 равной 208 работам — эти две специальности составляют «базу» регионоведов. В этом случае мы бы получили несколько иную долю, равную 50%, — и весьма созвучную, например, проценту регионоведческих исследований среди исследований по экономической истории. Многие специалисты по отечественной истории предпочитают изучать не Отечество в целом, а конкретный регион, и это на самом деле одна из главных черт исторической диссертационной культуры, по крайней мере, в части, касающейся защиты докторских диссертаций — массовое стремление исследователей предельно сузить тему до материалов конкретного корпуса источников. Работать с одним городом или губернией намного проще, чем делать выводы в масштабах страны, к тому же, регион часто может быть родным для историка, естественно заинтересованным историческими судьбами родного края.

Тенденция к регионоведческому подходу сталкивается с широкой проблематикой научных исследований, что порождает как бы двухчастные

названия работ, например, «Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона)» или «Становление и развитие советской региональной партийно–государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа)». В этих названиях мы видим один и тот же принцип — формулировка проблемы общероссийского или всесоюзного масштаба, после чего пояснение, подсказывающее читателю, что речь идёт скорее об изучении региональной практики.

Кстати, диссертации были защищены соответственно в диссоветах Кубанского государственного университета и Северо–Кавказского федерального университета.

Ещё один яркий пример «краеведческого» маркера в названии — «Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города (на материале Перми конца XIX – начала XX века)»

Это название интересно, поскольку сужает тематику работы шесть раз.

Сначала прочитав первую часть названия, читатель узнает, что работа посвящена «кино» — очень широкой, имеющей общекультурную значимость, теме. Потом кино окажется «немым» (первая конкретизация) и, далее, «ранним немым» (вторая конкретизация).

«...и трансляция ценностей модерна...» — третья конкретизация темы. Оказывается, работа посвящена уже не собственно немому кино, а его аксиологии.

«...в жизнь российского губернского города...» — четвертая конкретизация. Оказывается, работа посвящена уже не аксиологии немого кино, а её восприятию в российской провинции имперского периода.

«...на материале Перми...» — пятая конкретизация. Оказывается, работа посвящена истории Перми.

«...конца XIX–начала XX века» — шестая конкретизация, на сей раз хронологическая.

Мы так подробно разобрали эту цепочку, чтобы проиллюстрировать принцип — последующие части названия оказываются важнее предшествующих. Именно они раскрывают источниковую базу (далее цитата из послужившей примером работы): «Архивные источники представлены материалами Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного архива Пермского края (ГАПК), Государственного центрального музея кино (ГЦМК), кабинета отечественного кино и фильмотеки Всероссийского государственного института кинематографии (ВГИК), Пермского краеведческого музея, Пермкино и Пермской синематеки. Опубликованные и неопубликованные письменные источники включают актовую и делопроизводственную документацию, эго-источники. Значительный материал публицистического, информационного, рекламного характера содержит периодика начала XX века».

Что же раскрывает нам первая часть? Прежде всего — систему основополагающих понятий и теоретический базис исследователя, новизну аналитического подхода и взгляда на источниковую базу. К примеру (далее цитата): «Научная новизна исследования состоит в самом ракурсе исследования, объединяющем в одном проблемном поле историю кинематографа, культуры модерна и российской провинции. Ранний кинематограф изучен как результат культурной модернизации и объект восприятия зрителем» — по большому счёту именно краткое изложение авторской характеристики новизны подходов своей работы и содержится в первой части названия.

В разной степени, но этот принцип универсален — «взаимоотношения власти с крестьянством и казачеством» или «становление партийно-государственной номенклатуры» столь же явно отсылают нас к основным понятиям работ, в заглавие которых вынесены, что не мешает самим работам иметь ярко выраженный регионоведческий характер.

Иногда краеведческий и узкотематический характер работы подчеркивается в названии, примерами могут служить диссертации: «Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991)» или «Музыкальная культура Поволжья в конце 1930–х – первой половине 1940–х гг.».

Здесь названия тоже следуют принципу «основное понятие — регион», но не содержат «проблему общенационального масштаба». Читатель сразу понимает, что работа посвящена физкультуре в Западной Сибири или музыкальной культуре Поволжья. Будь название построено по рассмотренному выше усложнённому принципу, вероятно, мы бы читали работу с названием «Становление и развитие системы физической культуры в СССР 1920–1991 гг. (на материалах Западной Сибири)» — при полном сохранении содержания акцент бы сменился, но регионоведческий характер работы всё равно был бы вполне читаем.

Развитие регионоведения свидетельствует об интересе к истории родного края — причём этот интерес налагается на определенные аспекты поиска региональной идентичности. В случае с приведёнными выше работами о Перми и Поволжье — истоков культурной идентичности соответственно пермяков и населения Поволжья, в случае работы о физкультуре в Западной Сибири — истоков своеобразия региональных традиций образования. К сожалению, констатировать, используя терминологию А.С. Лаппо–Данилевского, номотетический или идеографический характер каждой работы на данном этапе исследования не представляется возможным.

Как бы то ни было, средний показатель по краеведческим работам составляет 15 работ в год.

Какие регионы вызывают наибольший интерес исследователей? Из 135 регионоведческих диссертаций:

— 41 посвящена Сибири и Дальнему Востоку.

— 30 Поволжью.

— 27 Югу России.

— 18 Центру.

— 10 Уралу

— 9 Русскому Северу.

Внутри каждого из вышеназванных блоков существует константа — особенно привлекают исследователей национальные меньшинства России. Обычно их рассматривают отдельно друг от друга — существуют диссертации, посвящённые бурятам, якутам, селькупам, нагайбакам, киргизам, калмыкам, мордве, чеченцам, украинцам, западносибирским полякам, ингушам, адыгам, ненцам, обским уграм, кабардинцам, балкарцам, татарам–кряшенам, коми, башкирам, обратам, народам Дагестана.

Но иногда народы группируются по территориальному или религиозному признаку — «Исторический опыт национально–государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг.», «Мусульмане Поволжья в советский период отечественной истории: на материалах Нижегородской, Самарской, Ульяновской областей», «Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918 – 1941 гг.: сравнительно–исторический анализ», «Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI вв».

Как можно заметить, чаще всего «сводятся» воедино мусульманские народы. Более того, наше перечисление народов, оказавшихся в фокусе диссертаций, интересно ещё и тем, что несколько важных этносов в нем отсутствуют. Например, в названиях работ отсутствуют две наиболее многочисленные национальности России — русские и татары. Как правило именно татары или в основном татары скрываются за эвфемизмами вроде «сунниты Поволжья». Единственная работа, которую можно отнести к русскому большинству, принадлежит Барановой Светлане Измайловне и называется «Московский изразец в пространстве русской культуры конца

XV–XVII века». Слово «русский» в основном встречается в сочетании «Русская Православная Церковь», один раз встречаются «Русское государство» и «Русская армия» и ещё один раз — «Русский анархизм».

Если для малых народов их прямое наименование служит созданию идентичности, то отсутствие прямого наименования русских и татар эту идентичность размывает, растворяет в более абстрактных «мусульманах Поволжья» или «населении Центральной России».

Работы сужаются не только в пространственном, но и в тематическом плане, по уровню предмета и хронологическому охвату исследования — «Музыкальная культура Поволжья в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг.», «История развития архитектуры Кыргызстана (конец XIX – начало XX вв.)», «Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока)», «Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 гг.)», «Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.)» — вот лишь несколько наиболее ярких названий диссертаций, иллюстрирующих это сужение. Ещё раз акцентируем внимание — докторская является вершиной научного пути учёного, плодом многолетних исследований темы. А значит сейчас в России есть как минимум один специалист по поволжской песне в 1931–1945, киргизской архитектуре в 1891–1910, исторической памяти в Западной Сибири в 1919–1941, баптистам России в 1917–1922 и советской физкультуре. Мы позволим себе смелую гипотезу о том, что такая специализация весьма затрудняет выход на какие-либо исторические обобщения, на познание логики исторического процесса, они есть торжество, следуя типологии А.С. Лаппо–Данилевского, идеографического начала в историографии, познание уникального ради его уникальности.

Доминирование «маленьких историй» (повторимся — 135/305, 44% от общего числа работ, или 135/193 — 70% к числу диссертаций по отечественной истории) ярко показывает, что кризис исторического

объяснения, произошедший после падения советской марксистско-ленинской методологии, так и не был разрешён в полной мере.

Следующий вопрос, который мы должны задать себе в связи со всем вышесказанным — привёл ли расцвет «маленьких» историй к отмиранию "больших"? Были ли совершенно уничтожены и вытеснены масштабные исследовательские объекты истории структур? Безусловно, нет.

Здесь стоит отметить специфику диссертаций по всеобщей истории, историографии и международным отношениям — их объекты исследований куда чаще обладают значительной географической и хронологической протяженностью. Пожалуй самый яркий пример такой растянутости: «Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв.», «Национальная история в Британской традиции историописания эпохи Просвещения», «Эволюция внешней политики и дипломатии Перу (1821–2013 гг.)», «Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.», «Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии», «Новгородское летописание XI – середины XIV вв. как социокультурное явление», «Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы», «Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII вв.», «Королевский двор Франции в эпоху Возрождения».

Даже при узости изначального объекта, хронология его изучения может включать века.

Значительный географический или хронологический масштаб объекта заметен в диссертациях по древней истории, для которых из-за ограниченной источниковой базы часто бывает проблематично сузить хронологический охват объекта до десятилетия или даже века — «Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н.э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно-

территориального деления.», «Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3–я четверть I в. до н. э. – 3–я четверть IV в. н. э.)», «Святой Онуфрий Великий в агиографической традиции : IV – XIV вв.», «Политическая история ранней Парфии».

Всеобщая история и история международных отношений остаются убежищем «большого» перед доминированием «малого». Подобный подход сохраняется и в работах по отечественной истории, пусть и в куда меньшем масштабе.

Например — «Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв.», «Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века», «Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX вв.», «Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV – XVII вв.»

Обратим внимание на особенность наименования макроисторических работ по отечественной истории их авторами. Каждое такое наименование уже содержит в себе основную стратегию исторического объяснения в масштабах страны — историю России предлагается понимать через призму «европеизации», «поисков межконфессионального единства», «фронтальной модернизации», «инкорпорации тюркской знати». Стержневое понятие уже содержит в себе одно из оснований методологии исследования.

В качестве вывода сказать, что современная отечественная историческая наука уже научилась уверенно говорить о малых народах, религиозных общинах и целых регионах, куда хуже говорит о государствах в целом и совсем редко касается наднациональных вопросов вроде цивилизационных столкновений, геополитики, международного пиратства и международного исламизма. На данный момент «маленькие истории» в академическом дискурсе всецело доминируют.

§ 3.6. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Ещё в первой половине XIX века Томас Карлейль мог, без страха быть осмеянным, утверждать, что история как таковая — это прежде всего история великих людей и их деяний⁹². В настоящее же время вопросы биографии в широком смысле слова, не как продукта, но как процесса, занимают в науке, по крайней мере, в рамках рассматриваемого нами корпуса, явно второстепенное значение. В период 2014–2020 гг. только 13 диссертаций имеют ярко выраженную привязку к конкретной личности или небольшой группе людей (4%). Но крайне интересно то, что сами авторы этих 13 работ, как правило, обосновывают интерес к данному типу исследования методологическими новациями, разворачивающими историческую науку «к человеку» или, по крайней мере, следующими современным тенденциям. К примеру, С.Г. Кцоева заявляет: «История взяла курс на смену позитивистской исследовательской парадигмы: от повествования о событиях и процессах к интегральной науке о человеке, имеющей междисциплинарный характер»⁹³. Причем, этот методологический пафос иногда налагается и на общественно–политическую стратегию объяснения, как в случае с И.В. Корниловой: «Персонализация» историко–познавательного процесса является отличительной чертой современных исторических исследований. Достижения в области исторической науки второй половины XIX — начала XX в. продолжают влиять на развитие современной исторической мысли, а изучение жизни и деятельности историков минувших столетий помогает лучше понять и адекватно оценить современную историографическую действительность. Значимость исследования

---

⁹² Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М, Эксмо, 2008. – 864 с. С. 7.

⁹³ Кцоева С.Г. Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Яспера. специальность 07.00.03. «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владикавказ, 2017. – 880 с. С. 5.

персонифицированного характера заключается не только в изучении исторического опыта, но и в его преумножении, в дальнейшем развитии духовных ценностей современного российского общества»⁹⁴.

Бывают, впрочем, и более сдержанные суждения относительно роли биографических исследований в исторической науке. Так, О.Н. Мухин констатирует кризис жанра исторической биографии, считающегося в исторической науке «низким» и фактически вынесенного в сферу научно–популярной литературы: «При этом представляется очевидным, что целый ряд направлений в исторических исследованиях попросту не могут развиваться далее без их последовательной междисциплинарной переориентации. И в первую очередь сказанное относится к жанру исторической биографики, в отношении которого в России существует определенная проблема: несмотря на то, что он достаточно активно развивается, и в его рамках работают признанные специалисты, он явно или неявно считается, так сказать, «низким», наподобие детектива в литературе или мелодрамы в кино. Есть публикации в формате сборников статей, в том числе академического уровня, однако монографические исследования, посвященные «великим личностям», за редким исключением носят научно–популярный характер.»⁹⁵

По специальностям «Биографии» распределились следующим образом:

Специальность	Число работ биографического характера
07.00.02	7
07.00.03	3

⁹⁴ Корнилова И.В. Кудрявцев В.Ф.: опыт аналитической биографии исследователя российской провинции. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Уфа, 2014. – 451 с. С. 6–7.

⁹⁵ Мухин О.Н. Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко–психологического анализа личности Петра I). специальность 07.00.09. «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015. – 643 с. С. 3.

07.00.09	2
07.00.10	1

При этом, авторами биографических исследований являются преимущественно мужчины — женщины написали 4 из 13 биографий (30%).

Что характерно для современной биографии, среди посвящённых персоналиям исследований мало биографий традиционных, имеющих целью восстановить жизненный путь человека от рождения до смерти, или, по крайней мере, проследить путь его активной деятельности.

Наоборот, историки активно ищут новые подходы к биографии, к повествованию о личности в контексте эпохи, например биография Ясперса за авторством С.Г. Кцоевой, или вовсе создают принципиально иной тип биографии — не историю личности, а историю образа конкретного человека или эволюции его культурной роли. Таковы, например, исследования Р.А. Соколова об Александре Невском или С.Е. Эрлиха о декабристах.

Смещение акцента с личности на образ, наследие, исторический контекст может принимать разный характер, однако, остаётся общим местом биографических исследований. Напротив, наследие «новой биографической истории» с её обостренным вниманием к конкретному человеку и его поведению, представляет собой скорее исключение в квалификационных исследованиях — такова работа О.Н. Мухина о Петре Великом, содержащая, например, главу, посвящённую исследованию гендерного маскулинного облика первого русского императора.

В целом можно сделать вывод, что хотя жанр биографии в квалификационных исследованиях явно является второстепенным, всё же данная направленность продолжает своё существование, и в среднем в год защищаются две диссертации на соискание степени доктора исторических наук, которые можно охарактеризовать как «биографические».

§ 3.7. ИСТОРИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ

Проблемам истории политики посвящены 60 диссертаций (20%). Как и в случае с большинством других тематик, авторы обосновывают актуальность своих работ, преимущественно используя общественно–политическую стратегию. Например, И.Е. Барыкина напрямую связывает свою диссертацию с разработкой стратегии развития государства: «Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления на новом уровне традиций российской государственности, в первую очередь, тенденций, сложившихся в сфере государственного управления. Современная отечественная система управления унаследовала от Российской империи не только структуру государственного аппарата (министерскую систему), но и его проблемы, среди которых первоочередное место занимает вопрос о разработке эффективной стратегии развития страны (правительственной программы) и методах ее реализации, соотношении в правительственной практике регулярных учреждений и механизмов, и особых форм и специальных институтов»⁹⁶.

Однако, помимо классического обоснования, исходя из внутренней политики, встречаются и обоснования, исходя из политики внешней, например, у И.А. Анфертьева: «Несмотря на кажущуюся отдаленность событий изучаемого периода, по сути, современное российское общество, и его государственные лидеры поставлены внешними и внутренними политическими факторами в схожие с ним условия. В 1920–1930-е гг., под давлением более развитых западных стран, внутривнутриполитическая обстановка в советской России оказалась нестабильной. Частично намечаемое снятие западными странами экономической блокады в начале 1920 г. предполагало выполнение ряда принципиальных условий. Перед

---

⁹⁶ Барыкина И.Е. Государственное управление Российской империи второй половины XIX в. (особые формы и специальные институты) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2017. – 457 с. С. 5.

современным российским обществом, как и тогда, стоит выбор: продолжить эволюционное развитие страны, или, как в 1920–1930-е гг., сделать ставку на революционные преобразования, сопровождающиеся национализацией всех форм собственности, внеэкономическими методами управления народным хозяйством, запретом свободной торговли, самоизоляцией и закрытостью во всех без исключения сферах общественной жизни, культуры, науки и образования»⁹⁷.

Сходная стратегия обоснования актуальности и у Ю.Н. Паничкина: «Нельзя, по–видимому, понять, как будут развиваться события в весьма значимом для безопасности России регионе к югу от границ Кавказа и Центральной Азии без углубленного и фактически точного представления о том, как исторически сложились взаимосвязи между двумя ключевыми государствами региона – Афганистаном и Пакистаном. История и современное состояние отношений между ними, наряду с другими факторами, определяют стабильность в регионе, степень угроз и вызовов, исходящих из него для Центральной Азии и Кавказа, а через них и для России в целом и ее населенных мусульманским населением ареалов, в частности»⁹⁸.

Год	Число работ по политической истории	Процент работ по политической истории
2014	8/36	22%
2015	8/50	16%
2016	15/46	33%
2017	16/52	31%
2018	7/49	14%

⁹⁷ Анфертьев И.А. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2019. – 789 с. С. 4–5.

⁹⁸ Паничкин Ю.Н. Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947–2014 гг. специальность 07.00.15. «История международных отношений и внешней политики»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2016. – 511 с. С. 12.

2019	2/30	7%
2020	4/42	9%

Центральная тематика при изучении политической истории, для исследователей связана с изучением вопросов идеологии и пропаганды.

На протяжении всего XXI века в российском обществе не утихает дискуссия о том, нужна ли России идеология и может ли Россия существовать без идеологии. Более того, развитие политтехнологий и политических медиа обостряет вопрос о формах коммуникации власти и общества, политической борьбы, цензуры и общественной роли СМИ. Неудивительно, что столь актуальные вопросы не проходят и мимо диссертаций, причем, в отличие от многих других тем, история идеологии и пропаганды интересует историков буквально со времен Античности и до наших дней, на любом доступном историческом материале.

В то же время идеология – тематика, зачастую не постулируемая в тематике работы, а «растворенная» в ее содержании. К примеру, работы И.Е. Андропова и В.В. Василика посвящены истории Церкви, но напрямую затрагивают вопросы идеологии и, в частности, использования исторического материала в пропаганде. Как справедливо отмечает И.Е. Андронов: «В определённый момент конфликт католиков с последователями «лютеранской чумы», развивавшийся на базе взаимных обвинений, стал нуждаться в информационной подпитке: обосновать обвинения в адрес противника можно было только историческим материалом. Римская церковь веками аккумулировала знание внутри себя; идеологическая борьба против неё на новом этапе требовала нарушения этой сложившейся естественным путём «монополии»»⁹⁹. И.Е. Андронов последовательно показывает, как критическая к Католической церкви церковная история, «Магдебургские центурии», определила

⁹⁹ Андронов И.Е. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.09. 2016. – 467 с. С. 3.

доминирование протестантов в церковной полемике. Позднее, с выходом ряда трудов отцов–иезуитов, а также «Церковных Анналов» Ч. Баронио, католикам удалось не только «взять реванш», но и вывести дискуссию на качественно новый уровень. Акцент на идеологической подоплеке историко–теологической дискуссии делает и сам И.Е. Андронов, начиная с неё выводы своей работы: «Прежде всего, очевидно, что западная церковная историография в XVI веке, возродившись после долгой летаргии, не только возрождается, но выделяется в самостоятельную отрасль знаний. Она сочетает характеристики научной отрасли и сферы идеологической борьбы»¹⁰⁰.

В.В. Василик пользуется еще более специфическими материалами – церковно–поэтическими источниками (богослужбными текстами). Данный тип источников, по признанию В.В. Василика, «отражает веросознание, идеологию, нравственную и культурную жизнь восточнохристианского общества, Восточной Римской империи». В отрывках различных гимнографических памятников В.В. Василик отмечает как влияние идеологии на тексты, так и обратное влияние текстов на идеологию. Отмечаются и расхождения, например, в оценке различными церковными авторами роли императора и императорской власти, или в использовании метафор, как, например, «Давид и Голиаф» в оценках восстания Ника¹⁰¹.

Но, конечно, наибольший интерес исследователей вызывают не Средние века, а Новое и Новейшее время.

Особенный интерес вызывает роль прессы в формировании идеологии Российской Империи – этой темы касаются пять работ. Фокус внимания различных авторов при этом смещён, так, В.В. Шевцов отмечает историю сибирской официальной прессы в контексте политики «управляемой

---

¹⁰⁰ Там же, С. 432.

¹⁰¹ *Василик В.В.* Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 24.00.01. СПб., 2017, – 672 с. С. 556–569.

гласности» – в частности, возможности использования газет центральной властью для усиленного освещения каких–либо событий, сопровождает феномен большей зависимости сибирской прессы от местных властей, чем от имперского законодательства. Такая зависимость приводила к тому, что в зависимости от демократичности того или иного губернатора, официальная пресса могла в том числе становиться прибежищем западников любого происхождения и политических убеждений, в результате чего либеральная интеллигенция даже безуспешно пыталась лоббировать процесс передачи владения изданиями частным лицам. В период 1905–1906 гг. роль прессы как инструмента для полемики властей с оппозицией усиливается, публикуются обращения умеренных граждан, однако, этот ресурс не используется в полной мере из-за особенностей неэффективной бюрократической машины¹⁰².

А.Э. Котов, анализируя феномен консервативной печати в Российской империи, приходит к ряду выводов о расколе русского консерватизма, который отчасти удалось преодолеть благодаря фигуре М.Н. Каткова, редакция которого объединяла людей самых разных политических взглядов, в том числе западных, что на какое–то время обеспечило доминирование в консервативной повестке катковского «бюрократического национализма» и первенство самого Каткова среди теоретиков консерватизма в России. В то же время уже младшие публицисты катковского круга постепенно начинают отказываться от его идей, синтезируя их с идеями К.Н. Леонтьева – одного из наиболее ярких консервативных критиков Каткова¹⁰³.

С.В. Лёвин отмечает, как недостоверность официальной статистики Губернских статистических комитетов побудила саратовское земство

---

¹⁰² *Шевцов В.В.* Формирование и развитие губернской официальной прессы Сибири во второй половине XIX – начале XX века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2014. – 592 с. С. 528–537.

¹⁰³ *Котов А.Э.* Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2017. – 680 с. С. 600–608.

создать собственные статистические комитеты, публикуемые отчеты которых со временем стали использоваться в том числе государственной властью, например, при борьбе с последствиями голода 1891 г., поскольку отличались более совершенными методиками и точностью оценок¹⁰⁴. В.А. Скопа также обращается к статистике, но уже официальной – Губернским статистическим комитетам Сибири – и делает ряд выводов, в частности, об ограниченном характере деятельности данных организаций в 1835–1865 гг. Профессиональной же эта деятельность становится только к середине 80–х гг. XIX века, когда на смену описательной статистике приходит аналитическая. Отдельно отмечается, что статистическая роль Земств в Сибири была менее существенна, чем в европейской России, из-за меньшей развитости Земств¹⁰⁵.

Во всех упомянутых выше работах так или иначе присутствуют два основных фокуса – на истории русского консерватизма и истории Земств. В диссертации С.Г. Куликовой эти фокусы полностью сходятся – она разоблачает миф о первичной роли либералов в деятельности Земств и отмечает, что любые действия Земств всегда были продуктом взаимодействия «земских либералов», требующих реформ, и «земских консерваторов», в первую очередь сосредоточенных на защите сословных привилегий. Взаимодействие это было конфликтным из-за крайних позиций обеих его сторон. Консервативная часть земств поддерживала модернизационные процессы, радела об интересах крестьян как крепких хозяев, выступала за сохранение общины и резко против пролетаризации крестьянства, в то время как земские либералы упрямо реализовывали свой социальный проект. Особое внимание консерваторы уделяли инфраструктурным проектам, особенно строительству дорог и

---

¹⁰⁴ Левин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Саратов, 2015. – 604 с. С. 476–487.

¹⁰⁵ Скопа В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. 2016. – 550 с. С. 413–419.

организации почтового сообщения. Консервативные земцы также внимательно относились к образованию, но понимали его отлично от либералов – их идеалом был богобоязненный, законопослушный обыватель, владеющий необходимыми хозяйственными навыками. Со временем консервативная часть земцев приходит к сотрудничеству с правыми либералами («октябристами»). Либеральная же часть земств отличалась большей дискуссионной инициативой, ее представители как правило были менее удачливы в хозяйственном отношении, чем консерваторы, при идентичности образовательного и культурного уровня, но были куда более организованы и красноречивы. С.Г. Куликова особенно отмечает, как по мере деградации бюрократических институтов Российской империи, консерваторы оказываются в оппозиции, а Земство, при наличии в нем мощного консервативного блока, так и не стало опорой власти – постоянная надежда на реформы «сверху» так и не оправдалась¹⁰⁶.

Г.А. Ивакин в своей работе о черносотенцах также отмечает переход консерваторов в оппозицию с 1905 г. – проведенные реформы раскололи сторонников монархии и привели к обособлению противников любых политических изменений в государстве. В качестве основного оппонента черносотенцы рассматривали либеральные партии, явно недооценивая угрозу со стороны социалистов. Столыпинские реформы черносотенцы не поддерживали, в работе Думы участвовали, постоянно предлагали программы реформирования данного органа государственной власти. Г.А. Ивакин отмечает их мастерство в парламентской борьбе – например, помощь левым на выборах в Думу, направленная исключительно на дискредитацию идеи Думы и ее разгон. Думу как институт в результате не уничтожили, но черносотенцы сумели создать в Думе мощную фракцию. Основным союзником черносотенства выступало православное

---

¹⁰⁶ Куликова С.Г. Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864–1914 гг.: на материалах Тверской и Московской губерний: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М, 2020. – 730 с. С. 574–580.

духовенство. При этом новые преобразования приводили ко всё большей и большей радикализации черносотенцев, однако, их надежды на самих себя как главной опоры монархии в эпоху перемен, не оправдывались, поскольку их идеологию в тот период уже поддерживала лишь меньшая часть населения, зачастую экономически малообеспеченная¹⁰⁷.

Помимо вектора, направленного на анализ взаимодействия власти и местного самоуправления, существует и другое исследовательское направление – изучение контркультуры.

К примеру, работа О.С. Сафронова посвящена идеологии русского анархизма в работах Бакунина и Кропоткина. Подробно анализируется концепция общественного развития Бакунина – под воздействием деятельности народных масс, общечеловеческая цивилизация, по Бакунину, проходит стадии «естественного рабства», «религиозного рабства», «экономической эксплуатации» и, наконец, приходит к «социализму». При этом Бакунин воспринял идею многофакторности, постепенно перейдя с позиций чистого идеалиста на материалистические – развитие по позднему Бакунину происходит под воздействием экономики, географии, общества, политики и культуры. Смысл истории же по Бакунину заключается в самосовершенствовании человека и общества по непрерывному пути к свободе. Взгляды Кропоткина также изменялись со временем, от следования за Бакуниным к призывам строить анархо–коммунизм на следующий день после революции, а от тех к концепции вызревания «анархистских очагов культуры». Развитие общества Кропоткин понимал в русле цивилизационного подхода, но считал, что цивилизация будущего сумеет избежать гибели, благодаря духовному фактору, особенно принципу взаимопомощи. Отличались анархисты также в оценке первобытного общества. По Бакунину первобытность это время

---

¹⁰⁷ *Ивакин Г.А.* Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 516 с. С. 426–432.

рабства, по Кропоткину же – наивысший период развития общества. Иногда взгляды анархистов находили совершенно неожиданные параллели – так, Бакунин поддержал славянофила Аксакова в его теории о прогрессивном народном начале русского народа, сопротивлявшегося гнету варягов. Кропоткин же, хоть и придерживался норманнской теории, также выступал за прогрессивную сущность русского народа, пригласившего варягов как третейских судей, благодаря своей высокой организованности¹⁰⁸.

Работа О.Н. Квасова посвящена революционному терроризму в Российской империи и содержит множество интересных выводов – например, о терроризме как о симптоме слабости революционеров, максимально удаленных от власти, разочарованных в перспективах её получения и не имеющих форм легальной политической борьбы. И, если первая волна террора была неудачной, то в начале XX века вторая волна привела к политическим уступкам правительства, т.н. «эпохе доверия», и окончательно убедила революционеров в эффективности террористических методов борьбы. Однако, после событий 1906 г., все попытки с помощью террора «поднять» оппозиционное движение, закончились неудачей. При этом О.Н. Квасов доказывает, что вторая волна террора – во многом следствие деятельности крестьянства, к 1906 г. перешедшему на пути сопротивления без прямого участия крестьянской общины – поджоги и грабежи осуществляли маргиналы или политические активисты. О.Н. Квасов доказывает, что для успеха террористической деятельности требовалось сочетание ряда факторов, недостижимое на длительный период – разгромы подразделений и стремительное обособление террористов от породивших их партий побуждали партии к свертыванию террористической деятельности. С 1906 г. наряду с

---

¹⁰⁸ Сафронов О.С. Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Тамбов, 2015. –463 с. С. 396–411.

недобитыми мобильными «дружинами» появляется также большое число криминальных организаций, использующих революционную риторику для самовольных «экспроприаций». В 1907 г. происходит пик попыток «оживить» террором революцию – после него терроризм окончательно криминализируется. В частности, неуклонно падает доля государственных служащих среди жертв терактов, а подготовленные акты всё более сменяются нападениями по месту жительства цели. К 1909 г. терроризм во многом сходит на нет. При этом, О.Н. Квасов отмечает особую роль терроризма среди методов политической борьбы как единственного, на который власть не может не отреагировать. Лучшим методом борьбы с терроризмом О.Н. Квасов считает упреждение угроз террористического инициирования¹⁰⁹.

Работа Л.А. Шайпака посвящена пропаганде в российской армии кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в 1904–1917 гг. Отмечается общий успех пропаганды меньшевиков, встречающей поддержку у представителей всех сословий. В то же время отмечается и систематическая разрушительная работа большевиков, всё более успешная в силу отсутствия какого-либо ей ответа от властных органов – социалистические партии левого толка не рассматривали большевиков как серьезного противника и исходили из постулатов об идеологической близости всех «демократических сил». Такая недооценка противника привела сначала к дезорганизации управления, а после и к захвату политической власти большевиками. Именно на большевиков Л.А. Шайпак возлагает ответственность за дезорганизацию промышленного производства в стране, а позднее и за полный развал армии. Также последующий успех большевиков связывается с экстремизацией большей части населения страны, возлагающей надежды

---

¹⁰⁹ Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2016. –513 с. С. 456–463.

на немедленный и тотальный передел собственности. Также, Л.А. Шайпак отмечает неспособность либералов в 1917 г. к управлению страной, что связывает с большим числом «случайных людей» в партиях кадетов и октябристов, превращающих партии в подобие дискуссионных клубов, а также к неэффективности либеральной пропаганды среди рабочих и крестьян. Отдельно отмечается то, что вся пропаганда эсеров и меньшевиков в армии была направлена на втягивание солдатской массы в политическую борьбу партий. Л.А. Шайпак также выделяет «уроки» событий тех лет, адресованные лидерам современных российских партий, и, по факту, представляющие собой агитационные призывы к следованию «общечеловеческим ценностям», политике дела, а не слов, плюрализму, дистанцированию армии от политики и особенно от коммунистической пропаганды¹¹⁰.

Отдельно стоит отметить блок работ, посвященных советской пропаганде – в частности, диссертации Н.В. Шалаевой и Ф.Л. Сеницына.

Н.В. Шалаева исследует советскую пропаганду 20–х гг., в частности выделяет прямую корреляцию между массовой неграмотностью населения и широким использованием в пропаганде визуальных форм (плакаты, скульптуры, праздники, театр) при ограниченном на тот момент использовании литературы. В то же время путем развития самодеятельности массам прививалось чувство сопричастности революционным событиям, одним из символов новой идеологии и центров ее трансляции стали «дома культуры». На начальном этапе развития советского общества, по мнению Н.В. Шалаевой, советской пропаганде не была характерна персонализация власти, изображаемой чаще в образе

---

¹¹⁰ Шайпак Л.А. Борьба политических партий России за армию в начале XX века (на материалах Среднего Поволжья): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. Чебоксары, 2016. –532 с. С. 380–401.

рабочего, красноармейца, крестьянина – лишь позднее эти образы в значительной степени вытесняются образом В.И. Ленина¹¹¹.

Ф.Л. Сеницын исследует советско–германское идеологическое противоборство на оккупированной Германией в ходе Великой Отечественной войны территории. В частности, исследователем выделяется логика развития советской пропаганды – от идеи взаимопомощи различных этносов и единого советского народа к подчеркиванию особой роли русского народа, антигерманизму и религиозной пропаганде. Напротив, германская пропаганда изначально была построена на манипулятивных посылах с особым подчеркиванием этнического и религиозного факторов. Под видом обещаний «освобождения» нерусских народов от коммунистов и предоставления свободы вероисповедания скрывалась насаждаемая русофобия. Эта пропаганда не соответствовала реальным планам Третьего Рейха. Отдельно рассмотрен вопрос участия эмигрантских организаций в апробации и трансляции пропаганды. Пропаганда обеих сторон отличалась гибкостью, адаптировалась под каждый конкретный регион. Отдельно отмечается снижение эффективности германской пропаганды – высокая в начале войны, она быстро снизилась, потому что немцы не сделали ничего для выполнения своих обещаний по созданию национальных автономий, а также из-за вопиющего расхождения между декларируемым и реальным отношением к местному населению и религиозным святыням. Эффективность пропаганды русофобии носила ограниченный характер, и в основном затронула уже существовавших национал–сепаратистов. Особенно эффективна нацистская пропаганда была на территориях Западной Украины и в Прибалтике. Как и в случае с некоторыми упомянутыми выше авторами, Ф.Л. Сеницын выделяет в конце своего

---

¹¹¹ Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 24.00.01. Саратов, 2015. –445 с. С. 381–394.

труда «исторические уроки» – в частности, подчеркивает важность использования национального и религиозного факторов в пропаганде при сохранении тезиса о единстве и взаимопомощи народов¹¹².

Таким образом, нельзя не отметить, что интерес к опыту Российской империи в вопросах идеологии и пропаганды существенно превалирует над обращениями к советскому опыту. Наиболее востребована проблематика, связанная с деятельностью консерваторов второй половины XIX века и их взаимодействием с земскими институтами и земскими либералами. Другим важным направлением является история контркультуры Российской Империи.

Напротив, советский опыт идеологического строительства отчасти можно считать недооцененным – хотя нельзя не отметить, что в отдельных аспектах, как, например, молодежная политика, диссертации посвященные которой мы рассмотрели выше, но которые также можно отнести к области идеологии и пропаганды, внимание к нему также присутствует.

§ 3.8. ИСТОРИЯ НАУКИ

В данную категорию вошли 40 диссертаций (13%). Но, как и в случае с прошлым пунктом, данную цифру не следует вырывать из контекста — в рамках нашего исследования она обобщила все диссертации, рассматривающие развитие внерелигиозного знания о мире, а значит, в одну категорию попали «советское научное сообщество», «работы, посвящённые модернизации различных типов техники, истории ремесла, истории медицины» — и методологические изыскания историков и археологов, источниковедческие работы, работы, посвящённые развитию таких узких дисциплин как, например, библиотечное дело. Многие из этих

---

¹¹² *Синицын Ф.Л.* Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты": диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2017. – 548 с. С. 371–391.

работ одновременно были краеведческими, например, упомянутая выше работа о немом кино вошла и в эту категорию, поскольку кино представляло собой технологическую новинку.

Главное, о чем нам говорит цифра 40 — позволяет оценить масштаб современных трендов. Всё светское, в противовес религиозному и идеологическому, и гражданское, в противовес «военному», знание, собранное с рядом допущений, имеющих целью включить в данную категорию как можно больше работ:

— Уступает численностью работ «истории религии».

— Уступает по числу работ педагогике, идеологии и пропаганде.

— Уступает численностью работ «военной истории».

— Уступает численностью работ «экономической истории», хотя некоторые диссертации вошли в обе категории.

Технократические представления о том, как знание меняет мир, оказались глубоко вторичны перед постсоветскими трендами эпохи и откровенно малопривлекательными для исследователей. Получившуюся цифру во многом создали историографы и методологи. Даже в тексте работ часто присутствует разочарование в сциентизме как, например, у О.Н. Солдатовой: «В последние десятилетия произошло резкое снижение финансирования изобретательской деятельности и ухудшение информационного обеспечения изобретательства. Надежда на активное включение частного капитала в финансирование изобретений и научно-технических разработок не оправдалась»¹¹³.

Местами встречаются и иные оценки, так, признавая неоднородность в развитии в своем сегменте, теории международных отношений, В.В. Миронов относит это явление к относительно недавнему времени формирования национальной школы: ««Российская теоретическая школа

---

¹¹³ Солдатова О.Н. Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности Советского государства (1917–1956 гг.) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Самара, 2015. – 673 с. С. 5.

также находится в процессе своего становления. И хотя теоретико–методологическая ситуация в ней считается неоднородной, многие специалисты отмечают явное доминирование вестернизированных подходов в российской теории международных отношений. Такая ситуация требует, в свою очередь, понимания и признания многообразия зарубежной теории международных отношений»¹¹⁴.

Встречается и классическая общественно–политическая стратегия обоснования актуальности, как, например, у А.А. Бровиной: «Изучение развития и итогов научного освоения обширных северных территорий в первой половине XX в. актуально и с точки зрения общего усиления роли и значения регионов в сегодняшней жизни страны. Осмысление исторического опыта является ключевым для решения современных проблем взаимодействия науки и власти, поиска путей взаимовыгодного сотрудничества в условиях реформирования региональных управленческих структур и государственной системы научных организаций.»¹¹⁵

Несмотря на то, что защищавшиеся в 2014–2020 гг. доктора наук видели, как на их глазах наука меняет мир, исследователи предпочитают искать истоки исторических перемен в области культуры, экономики и военной истории.

---

¹¹⁴ *Мионов В.В.* Английская школа международных отношений: формирование и эволюция научного сообщества. специальность 07.00.03. «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 2019. – 605 с. С. 4–5.

¹¹⁵ *Бровина А.А.* «Научные исследования европейского Севера России: организация, развитие, результаты (конец XIX – первая половина XX вв.)» специальность 07.00.10. «История науки и техники» диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018 – 574 с. С. 5.

ВЫВОДЫ ГЛАВЫ

Регионоведение, история религии, история образования, военная история и история идеологии – основные выделенные нами тренды в современных исторических исследованиях – на первый взгляд выглядят не связанными друг с другом. В то же время, нельзя не отметить, что большинство рассмотренных нами выше работ отличает повышенное внимание авторов к сфере культуры и пониженное – к сфере экономики. Даже военные историки, наименее подверженные данной тенденции, регулярно обращаются к проблеме боевой подготовки личного состава, причем не важно, офицеров, летчиков, артиллеристов или моряков – что косвенно сближает их диссертации с работами по истории образования. Диссертации по проблемам образования, в свою очередь, напрямую затрагивают влияние на школу идеологии и религии. Работы по истории религии часто также перекликаются с проблемами идеологии и образования.

В общем и целом, если попытаться выделить некую «генеральную линию», проходящую сквозь работы – основную проблему российской историографии – таковой, пожалуй, мы назвали бы проблему информационного обеспечения общества. В разные периоды и на разном уровне, от семьи и школы до армии, церкви или пропагандистской машины, государство (или альтернативные акторы, если речь о субкультуре либо контркультуре), стремится не только обеспечить себя кадрами, но и сформировать общественную ментальность, обеспечить общество некой совокупностью смыслов. Повышенное внимание историков к данной проблематике отражает существующий в российском обществе «голод» в отношении такого рода смыслов – и грамотно выстроенного диалога между властью и обществом.

Кроме общественно–политической стратегии объяснения, стоит обратиться также к институционально–корпоративной – не случайно ряд

методологов и теоретиков исторической науки с начала XXI века пишут о «культурном повороте»¹¹⁶ в историографии и становлении истории как науки о человеке в противовес советскому пониманию истории как науки, прежде всего общественной. Часто, особенно в случае с историей религии, белое пятно в той или иной тематике и закономерный интерес к теме со стороны профессионального сообщества явился следствием именно особенностей изучения в советской науке той или иной тематики. Можно осторожно предположить, что сходным образом начинает отзываться также наследие девяностых – например, особое внимание к истории консерватизма и консерваторов определенно связано с существовавшей в девяностые фиксацией исследователей на деятельности либеральных и социалистических партий левого толка.

Возможен и утилитарно–практический вариант объяснения существующих трендов – исследования культуры в меньшей степени требуют от историка дополнительной квалификации в области истории климата, исторической демографии, экономики, технологии и иных междисциплинарных областей. Как мы увидим далее, иногда историки привлекают социологические и филологические теории – но материалы других дисциплин привлекаются существенно реже.

Наконец, нельзя исключать также гендерный фактор – мы отметили заметную тягу исследователей–женщин к изучению именно культуры, и уже наш приведенный выше обзор показывает, насколько существенную роль женщины играют в процессе генерации историографических трендов.

---

¹¹⁶ *Леонтьева О.Б.* Методологические повороты рубежа XX–XXI вв. В практике современных диссертационных исследований по Отечественной истории. Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года. Научный редактор Н.А. Матвеева. Отв. редактор Т.П. Сухотерина. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 166–169.

Вероятнее же всего, все указанные выше факторы оказывают влияние на историографическую ситуацию и влияют на общий вектор научной работы.

Не менее чем господствующая тенденция, интересны также существующие в работах семена контртенденции. Так, когда С.Г. Куликова проводит корреляцию между успешностью помещика как хозяйственника и его политическими взглядами, В.А. Бобков выдвигает тезис о крепостническом базисе российской системы военного производства и потому о негативном влиянии на данную отрасль Великих Реформ, или С.А. Иконников утверждает, что истоки кризиса Православия в конце XIX века лежат в том числе в несовершенной системе управления церковными доходами – мы можем говорить, что имеем дело с вариациями экономического детерминизма. Фактически, материализм не ушел из исторической науки, он просто не принял цельный методологический характер после развала марксистско–ленинской методологии.

Наконец, довольно показательным, чтобы отметить его, мы видим явление существования ряда авторов, заметно пытающихся переосмыслить историческое изложение, включая в выводы своих работ «уроки истории», обращенные, как правило, к современной российской власти и обществу. Этот нетипичный акт также можно считать методологической новацией исследователей, специализирующихся на истории России – во всеобщей истории такого практически нет. Что это, если не попытка переосмыслить роль историка в обществе? Попытка, по всей видимости, непрошенная и непонятая – по крайней мере, общественной реакции на такие «уроки» в диссертации нам обнаружить не удалось.

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

§ 1. ХАРАКТЕРИСТИКА РАССМАТРИВАЕМОГО КОРПУСА

Как указывалось выше, по специальности «Всеобщая история» (07.00.03 или 5.6.2 в новой классификации) защищены 39 диссертаций. В данной главе мы подробнее остановимся на данной выборке, рассмотрим основные методические и методологические подходы к историческим исследованиям, встречающиеся в указанных работах.

№ п/п	Автор	Дата защиты	Тема диссертации	Диссертационный совет	Ведущая организация
1	Копелев Дмитрий Николаевич	20.05.2014	Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв.	Санкт–петербургский институт истории РАН	ИВИ РАН
2	Павлов Андрей Альбертович	19.09.2014	Плебейский трибунал Римской республики в античных политических теориях, сочинениях антикваров и юристов	РГГУ	Казанский (Приволжский) федеральный университет
3	Малкин Станислав Геннадьевич	12.11.2014	Интеллектуальная колонизация и “Хайлендская проблема” Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв.	Саратовский государственный университет	Ярославский государственный педагогический университет
4	Вишняков Ярослав Валерианович	10.12.2014	Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века	МГИМО	ИРИ РАН (Поволжский филиал)

5	Комаров Андрей Николаевич	22.05.2015	Идеология и политика канадских консерваторов (1980-е – 2010-е гг.)	РГГУ	Волгоградский государственный университет
6	Бессуднова Марина Борисовна	21.10.2015	Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта	ИВИ РАН	Нижегородский государственный университет
7	Буранок Сергей Олегович	30.10.2015	Тихоокеанская война в оценке американского общества (1941–1945)	Брянский государственный университет	РГГУ
8	Квашнин Владимир Александрович	12.02.2016	Ранние законы о роскоши в древнем Риме	РГГУ	СПбГУ
9	Прилуцкий Виталий Викторович	28.04.2016	Протестные движения в США в 1820–1850-е гг.	Брянский государственный университет	МГУ
10	Борисенок Елена Юрьевна	31.05.2016	Концепции "украинизации" и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.)	Институт славяноведения РАН	Институт научной информации по общественным наукам РАН
11	Аругюнян Акоп Жораевич	16.06.2016	Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н.э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	Южный федеральный университет
12	Паламарчук Анастасия Андреевна	22.06.2016	Гражданское право в раннеэпохальной Англии: институты и идеи	ИВИ РАН	Саратовский национальный исследовательский государственный

					нный университет
13	Ярцев Сергей Владимирович	29.09.2016	Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3–я четверть I в. до н. э. – 3–я четверть IV в. н. э.)	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
14	Близнюк Светлана Владимировна	26.10.2016	Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.	МГУ	СПбГУ
15	Кузьмин Сергей Львович	27.02.2017	Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости	Институт востоковедения РАН	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
16	Хахалкина Елена Владимировна	03.03.2017	Политика британских консерваторов в отношении европейской интеграции и деколонизации (1945–1964 гг.)	ТГУ	Уральский федеральный университет
17	Кцоева Султана Гильмидовна	15.03.2017	Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Яспера	ИВИ РАН	Пермский государственный национальный исследовательский университет
18	Васютин Сергей Александрович	06.04.2017	Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии	Новосибирский национальный

				Сибирского отделения РАН	исследова тельский государстве нный университет
19	Портных Валентин Леонидович	04.05.2017	Крестовые походы на Ближний Восток (1095–1291 гг.): идейное содержание пропаганды	Крымский федеральный университет	ИВИ РАН
20	Бовыкин Дмитрий Юрьевич	17.05.2017	Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории (1794–1799)	МГУ	Брянский государстве нный университет
21	Шилова–Варьяш Ирина Игоревна	31.05.2017	Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской Короны в XIV в.	МГУ	Северо– Кавказский федеральны й университет
22	Пиков Геннадий Геннадьевич	29.06.2017	Элита кочевой империи (на материале империи Ляо, 907–1125)	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН	Институт восточных рукописей РАН
23	Долгов Борис Васильевич	16.10.2017	Генезис исламистского движения в общественно– исторической динамике Алжира, Туниса и арабо– мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы.	Институт востоковедения РАН	Институт стран Азии и Африки Московског о государстве нного университет а
24	Негин Андрей Евгеньевич	25.01.2018	Римский декорированный доспех эпохи принципата	Ивановский государственный университет	РГГУ
25	Войтенко Антон Анатольевич	07.02.2018	Святой Онуфрий Великий в агиографической традиции: IV–XIV вв.	ИВИ РАН	Институт востоковед ения РАН

26	Соков Илья Анатольевич	15.02.2018	Генезис и эволюция политической культуры Канады XIX – первой половины XX вв.	Волгоградский государственный университет	Челябинский государственный университет
27	Федин Андрей Валентинович	14.03.2018	Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII вв.	Брянский государственный университет/Смоленский государственный университет	Челябинский государственный университет
28	Запорожец Владимир Михайлович	06.04.2018	Роль тюрков–сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века	Институт восточных рукописей РАН	Кыргызско-Российский славянский университет
29	Наземцева Елена Николаевна	28.05.2018	Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.	Институт востоковедения РАН	Дальневосточный федеральный университет
30	Балахванцев Арчил Савелич	25.06.2018	Политическая история ранней Парфии	Институт востоковедения РАН	Институт истории материальной культуры РАН
31	Сагимбаев Алексей Викторович	21.09.2018	Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели эволюции (1918–1939 гг.)	Брянский государственный университет/Смоленский государственный университет	Владимирский государственный университет
32	Калинин Александр Александрович	02.10.2018	Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы (1944–1953 гг.)	Уральский государственный университет	Дипломатическая академия МИД РФ
33	Учаев Антон Николаевич	26.12.2018	Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях	Тамбовский государственный университет	ИВИ РАН

34	Шишкин Владимир Владимирович	28.01.2020	Королевский двор Франции в эпоху Возрождения	Санкт– Петербургский Институт истории РАН	МПГУ
35	Филин Никита Александрович	28.02.2020	История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран (1979– 2019 гг.)	РГГУ	НИУ ВШЭ (Санкт– Петербург)
36	Прохоров Дмитрий Анатольевич	30.03.2020	Крымские караимы в эпоху средневековья и в Новое время	Крымский федеральный университет	Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
37	Китинов Баатр Учаевич	05.10.2020	Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.)	Институт востоковедения РАН	Калмыцкий государстве нный университет
38	Мехмадиев Евгений Александрович	27.10.2020	Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско–персидского противостояния	Санкт– Петербургский Институт истории РАН	Белгородски й государстве нный национальн ый исследовате льский университет
39	Дудин Павел Николаевич	18.12.2020	Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН	Институт востоковеде ния РАН

Первое, что бросается в глаза при самом общем взгляде на эту таблицу – насколько часто встречаются в ней названия профильных институтов РАН. В качестве диссертационного совета или ведущей организации, они фигурируют в 20 диссертациях из 39 – более чем в половине всех работ по

специальности. Это указывает на центральную, системообразующую роль Российской академии наук, по крайней мере, в вопросах изучения всеобщей истории. Несомненно, сказывается обеспеченность диссертационных советов институтов РАН специалистами разных профилей, общий профессионализм советов, а так же ряд иных факторов, в том числе отсутствие конфликта интересов.

Крупнейшие города (Москва и Санкт-Петербург) и регионы распределяются следующим образом. По диссоветам на советы Москвы и СПб приходятся 22 диссертации из 39, по ведущим организациям – 17 из 39. Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере в рамках изучения всеобщей истории «интеллектуальные ресурсы» между столицами и регионами распределяются примерно 50 на 50.

Постараемся определить крупные научные центры по числу защищенных в них диссертаций. Главным центром, бесспорно, является РАН – на профильные институты, взятые вместе, приходится 16/39 работ (41%). Из них «лидеры» – Институт Востоковедения РАН (5 работ), ИВИ РАН (4 работы), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (3 работы), Санкт-Петербургский Институт истории РАН (3 работы).

Уверенно работают диссертационные советы РГГУ (4 диссертации), МГУ (3 диссертации), Брянского/Смоленского государственных университетов (4 диссертации), Крымского федерального университета (2 работы). Диссовет Белгорода практически полностью специализируется, по крайней мере в защитах докторских, на защитах античников – 2 работы.

Ведущими организациями чаще всего выступают также институты РАН (10 работ) с лидерством ИВИ РАН (3 работы), за ним следует Институт Востоковедения РАН (2 работы). Среди университетов 2 диссертации вел РГГУ, 2 СПбГУ, 2 Нижегородский государственный университет, 2 Челябинский государственный университет.

§ 2. СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

Хронологически тематика работ в целом отличается от общей картины, рассмотренной в прошлой главе. 8 диссертаций посвящены Античности, 8 Средним векам, 7 Новому времени, 13 Новейшему времени, еще 3 диссертации охватывают несколько периодов. Принцип «чем ближе к современности, тем больше работ», характерный для изучения истории России, применительно к всемирной истории ломается, хронологический разброс становится меньше, а доля изучаемых периодов – практически идентичной. Особенно показательным было бы разделение истории конца XIX–середины XX вв. и второй половины XX–начала XXI вв. – 8 и 5 работ соответственно.

Связана ли хронология исследований с ведущей организацией или диссертационным советом?

Из 8 диссертаций, посвященных Античности, 2 были защищены в диссовете РГГУ, 2 – в Белгородском государственном университете, 3 – в профильных институтах РАН, одна в Ивановском государственном университете. По ведущим организациям – 2 диссертации приходятся на профильные институты РАН, 1 – на РГГУ, 1 – на Белгородский государственный университет, с остальными совпадений с диссоветами нет – КФУ, СПбГУ, ЮФУ, ННГУ. Таких данных недостаточно, чтобы доказать, что центрами изучения Античности в российской науке являются РГГУ, Белгородский государственный университет и профильные институты РАН, однако, по крайней мере диссоветы этих организаций и научно–преподавательский состав оказываются привлекательными для «античников» при подготовке работы к защите и, собственно, защите диссертации.

Ситуация с медиевистами – из 8 диссертаций 5 защищены в диссоветах профильных институтов РАН, 2 в диссовете МГУ и 1 в Крымском федеральном университете. Ведущие организации – СПбГУ, НГУ, ННГУ,

СКФУ, ИВИ РАН, ИВР РАН, КРСУ, МПГУ – у всех по одной диссертации. Таким образом можно сделать вывод о наибольшей престижности для медиевистов при защите докторских диссертаций проводить защиты в диссертационных советах профильных институтов РАН, вторым центром является МГУ.

Исследователи Нового времени предпочитают защищать диссертации в диссоветах Санкт–Петербургского института истории РАН (2 работы) или Брянского государственного университета/Смоленского государственного университета (2 работы), котируются также диссоветы ИВИ РАН, Саратовского государственного университета и МГУ. Среди ведущих организаций, как и у медиевистов – ИВИ РАН, Ярославский государственный педагогический университет, Саратовский государственный университет, МГУ, Брянский/Смоленский государственные университеты, Челябинский государственный университет, МПГУ.

Исследователи Новейшего времени чаще всего выбирают для защиты диссертационные советы профильных институтов РАН (6/13), РГГУ (2/13) и Брянского/Смоленского государственного университетов (2/13). По одной диссертации защищено в РГГУ, МГИМО и ТГУ. Ведущие организации не повторяются – ИРИ РАН (Поволжский филиал), Волгоградский государственный университет, РГГУ, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Уральский федеральный университет, Институт стран Азии и Африки МГУ, Дальневосточный федеральный университет, Владимирский федеральный университет, Дипломатическая академия при МИД РФ, ИВИ РАН, НИУ ВШЭ (СПб).

Работы, попавшие в две и более категории, защищены в диссоветах Волгоградского государственного университета, Крымского федерального университета и Института Востоковедения РАН.

Ведущими организациями выступали Челябинский государственный университет, Калмыцкий государственный университет и Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.

Бесспорно, полностью доказать взаимосвязь хронологии диссертационного исследования и избранного диссертационного совета/ведущей организации, в настоящий момент проблематично. Но то, что античники массово выбирают для защиты Белгород, медиевисты МГУ, а исследователи Нового и Новейшего времени часто отдают предпочтение диссовету Брянского/Смоленского университетов вероятно связано с обеспеченностью диссоветов специалистами по конкретным периодам.

Например, на момент написания данной работы к защите в диссертационном совете БелГУ приняты две диссертации по всеобщей истории, обе – по Античности, а в работу совета Брянского/Смоленского университета – одна, по Новой и Новейшей истории. Это косвенно подтверждает наши выводы, хотя вопрос о существовании соотношения «совет–хронология исследования» не закрыт.

Стоит отметить также влияние на высокую концентрацию соискателей в одних и тех же советах прошедшей реформы ВАК 2013 г. Число советов само по себе уменьшилось, например, по международным отношениям их осталось всего 3 – что возможно повлияло на защиту диссертаций, по тематике подходящих данной специальности, по всеобщей истории. Ярчайшими примерами подобного являются работы М.Б. Бессудновой по русско-ливонским отношениям и Е.Ю. Борисенок по «украинизации». Сходный процесс можно наблюдать и в рамках отечественной истории, так, по специальности 07.00.02 защищалась диссертация об исторических связях Древней Руси и Венгрии.

§ 3. МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сразу бросается в глаза интерес исследователей к Древнему Риму – 5 диссертаций, Британии – 4 диссертации, Восточной Европе – 4 диссертации. В целом эта ситуация уже была рассмотрена в прошлой главе и в значительной степени «сделана» именно диссертациями, защищенными по специальности «всеобщая история».

Ярко представлено востоковедение – 11 работ из 39 посвящены восточным странам. Активный интерес исследователей вызывают также страны американского континента – на их долю приходится 6 диссертаций.

Отдельно стоит отметить интерес к проблематике крестоносных движений и, в частности, государства крестоносцев на Кипре. Вообще, проблема взаимоотношения христиан и мусульман явно занимает исследователей, изучающих самые разные периоды и страны – присутствуют, например, диссертация о взаимоотношениях правовой практики мудехаров и христиан в Арагоне времен Реконквисты, и работа, посвященная зарождению исламизма в Северной Африке и в среде мигрирующего во Францию населения. Силен исламоведческий компонент и в работе Н.А. Филина, посвященной стратегиям легитимации власти в Иране.

Такой интерес является одним из частных проявлений отмеченного в прошлой главе тренда на изучение религии и ее взаимоотношений с властью в самых разных аспектах – от иезуитского миссионерства и особенностей пропаганды крестоносного движения до влияния буддизма на особенности монгольской государственности или исторические судьбы народа ойратов.

Вообще, многие из отмеченных нами в прошлой главе трендов хорошо прослеживаются даже на уменьшенной выборке – так, достаточно устойчива доля диссертаций по военной истории и присутствует заметный интерес к истории идеологии и пропаганды. В то же время другие

отмеченные нами ранее тренды не работают вовсе – например, историю семьи или историю образования отечественные историки явно предпочитают изучать на отечественном же материале.

Есть ли у диссертаций по всемирной истории какие-то собственные, внутренние тренды? Мы обратили внимание на существование нескольких диссертаций по истории отдельных политических партий и движений (Комаров, Прилуцкий, Хахалкина, Бовыкин, Долгов, Соков) – частота подобного исследовательского фокуса применительно к выборке заметно превосходит таковую в корпусе в целом.

Второй внутренний тренд – интерес к России и российской истории, роли России в событиях, в том числе происходящих в мире (Бессуднова, Борисенок, Наземцева, Калинин, Прохоров, Китинов).

В целом, большинство диссертаций имеют достаточно четко очерченные рамки предмета исследования в масштабах одной страны. Однако, существуют и диссертации, в центре которых находятся наднациональные концепты – так, Д.Н. Копелев посвятил свою диссертацию истории пиратства на протяжении более чем двух веков, С.В. Ярцев анализирует четыреста лет миграций в Северном Причерноморье, Д.Н. Васютин поместил в фокус своего исследования 600 лет истории держав средневековой Центральной Азии.

И, наоборот, некоторые работы посвящены частным проблемам – от биографии Ясперса до локальной истории крымских караимов. В то же время стоит отметить, что локальных сюжетов в исследованиях всеобщей истории меньше, чем в исследованиях истории России.

Все работы охватывают различную временную протяженность, которая, как правило, не менее нескольких лет, но может достигать и до нескольких веков и даже тысячелетий.

Наибольшую хронологическую протяженность затрагивает работа А.А. Войтенко, анализирующая агиографию о конкретном святом на протяжении 11 веков. Крайне интересно, что в случае с А.А. Войтенко, как

и в случае с работой Д.А. Прохорова о караимах, небольшой, в общем, вопрос укрупняется за счет расширения хронологических рамок работы. Данная процедура, впрочем, не является общей практикой – Е.Н. Наземцева, например, тоже рассматривает небольшую социальную группу, но ее исследование ограничено всего 1920–1949 гг. Закономерность заключается в другом. Чем более ранний промежуток истории рассматривает исследователь, тем чаще он склонен увеличивать хронологические рамки исследования, и наоборот, исследования, посвященные XX веку склонны «сжиматься» иногда даже до нескольких лет. Возможно, это связано с различным числом источников, допускающим разный уровень детализации – работа А.Ж. Арутюняна по истории древней Армении охватывает 500 лет армянской истории, а работа С.О. Буранка – 5 лет американской военной пропаганды, но по количеству страниц обе работы практически идентичны – 447 страниц в первом случае и 484 страницы во втором. В целом же диссертации сильно отличаются друг от друга даже объёмом – от четырехсот страниц до 960 страниц у А.Е. Негина и 1114 страниц Е.А. Мехмадиева.

§ 4. АНТИКОВЕДЕНИЕ В ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ

Центральным фокусом в изучении истории Античности бесспорно является история древнего Рима – ей, как говорилось выше, прямо или косвенно посвящены 5 диссертаций.

Номер в списке	Автор	Тема
1	Квашнин Владимир Александрович	Ранние законы о роскоши в древнем Риме
2	Ярцев Сергей Владимирович	Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. – 3-я четверть IV в. н. э.)
3	Негин Андрей	Римский декорированный доспех эпохи принципата

	Евгеньевич	
4	Войтенко Антон Анатольевич	Святой Онуфрий Великий в агиографической традиции: IV–XIV вв.
5	Мехамадиев Евгений Александрович	Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско–персидского противостояния

Самая простая классификация, которая приходит при взгляде на названия работ – тематическая. Одна работа имеет отношение к истории римского права, еще две к истории римской армии, одна к истории Церкви и одна представляет собой комплексное макроисторическое исследование по римско–варварским контактам в I–IV вв. н.э. Диссертации также можно классифицировать по хронологии – одна по истории Республики, одна по истории Принципата, две по истории Домината и одна охватывает оба периода имперской истории.

Характеризуя методологическую базу своего исследования, В.А. Квашнин в первую очередь ссылается на «историко–критический и сравнительно–исторический метод». Перечисляются и другие методики исследования, но отсутствует сноска на любую из исторических школ¹. При этом, декларируемый методологический консерватизм отнюдь не означает консерватизма фактического. Диссертация В.А. Квашнина отлично вписалась бы в тренды ряда историографических направлений – важнее то, что по каким-то причинам автор считает нужным в методологическом разделе ограничиться методикой исследования, никак не затрагивая его теоретические основания. Это характерно в целом для специальности – исследователи Античности, в отличие, например, от исследователей Нового времени, избегают отсылок к методологическим теориям за пределами протокольных фраз, иногда минимально видоизменяемых. Между тем теоретические основания и доказываемые положения исследований почти всегда небезынтересны – В.А. Квашнин

¹ Квашнин В.А. Ранние законы о роскоши в древнем Риме: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2016. – 498 с. С. 55–57.

оживляет теорию об общественном договоре, доказывая, что в римском протогосударстве² единство поддерживалось в первую очередь не за счет принуждения, а за счет идеологии, облаченной в религиозно–мифологические формы и обеспечивающей разделение труда – законы о роскоши же выступали одной из форм поддержания, насколько это возможно, гомогенности и эгалитарности общества, и служили для сглаживания противоречий между социальными группами³. Такие законы возникли в условиях необычайной даже по античным меркам милитаризации римской гражданской общины и служили сразу нескольким целям – закамouflированной конфискации морского транспорта для военных нужд, предупреждению коррупции, защите имущества сенаторов от рискованных инвестиций и установлении всеобщего общественного согласия в ходе тяжелой Второй Пунической войны. При этом первично было не желание ограничить частые траты граждан, а потребность в направлении всех средств на военные нужды в условиях катастрофических поражений, нанесенных Риму Ганнибалом⁴. Законы о роскоши способствовали обновлению общества. В дальнейшем тенденция сохраняется, но уже в рамках борьбы Катона Старшего за римскую цивилизационную идентичность с растлевающим влиянием эллинистической цивилизации⁵.

С.В. Ярцев в методологическом разделе своего исследования пишет практически то же самое: «Методологической основой исследования составляют принципы историзма, объективности и комплексного подхода к источникам. Принцип историзма соблюдался нами в первую очередь, в ходе исследования наиболее сложного вопроса нашей темы – эволюции римской стратегии в Северном Причерноморье» – и далее перечисляет конкретные методы исследования, правда, обосновывая как именно он их

---

² В терминах самого В.А. Квашнина. Прим. наше.

³ *Квашнин В.А.* Ранние законы о роскоши в древнем Риме. М, 2016. С. 77.

⁴ Там же, С. 432.

⁵ Там же, С. 137.

использует⁶. В своем исследовании, С.В. Ярцев выстраивает последовательную концепцию римской культурной экспансии – сближение с эллинизированными народами, культурно «своими» и легко принуждаемыми к следованию в фарватере римской политики, сопровождалось максимальными усилиями по уничтожению любых государств периферии, не подвергнувшихся эллинизации⁷. Такой подход приводит к резкому разделению Северного Причерноморья на зависимые и враждебные племена. Однако, в последующий период римляне вынуждены восстанавливать контакты с независимыми и обладающими серьезной военной мощью племенами из-за внутренних проблем и обострения ситуации на границе. С.В. Ярцев предполагает, что римляне собирались путем культурной экспансии подготовить союзников к мирному вхождению в римское государство⁸. Глубоко эшелонированная римская оборона замедлила процесс переселения народов и вынудила варваров к долгосрочному расселению в Причерноморье. В дальнейшем произошла лишь смена племен, на которые опирался Рим с сарматов на готов – но не суть стратегии. Одновременно Рим старается максимально ослабить Боспорское царство, представляющее для него морскую опасность, и максимально разобщить варваров религиозно. Все дальнейшие проблемы Римской Империи, С.В. Ярцев связывает исключительно с ролью личности в истории – точнее, с ошибками, просчетами и некомпетентностью императора Валента⁹.

И практически слово в слово то же в методологическом разделе пишет и А.Е. Негин – «Методологическая основа исследования опирается на принципы объективности и историзма, так как с их помощью раскрывается

---

⁶ Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. – 3-я четверть IV в. н. э.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Белгород, 2016. – 669 с. С. 76–78.

⁷ Там же, С. 505.

⁸ Там же, С. 507.

⁹ Там же, С. 522.

хронологическая последовательность и учитывается конкретно– исторический контекст...»¹⁰. Хотя А.Е. Негин целиком посвятил исследование предметам материальной культуры, но и в его работе есть место теориям и доказательствам – так, он указывает на связь между религиозностью римского воина и его вооружением, интерпретируя изображения на элементах доспеха как призыв о помощи к богам – изображение того или иного сюжета указывает на распространение различных религиозных культов, в частности, императорского¹¹. Доминируют в иконографии олимпийские боги и сюжеты, связанные с ними. В IV веке богато украшенный доспех исчезает, что А.Е. Негин связывает с изменениями в религии, внедрением централизованной системы военного производства и реформами кавалерии¹².

А.А. Войтенко также ссылается на принцип историзма, но не в марксистском его понимании, а скорее в духе немецкого историзма XIX века: «Такой подход (в силу базового положения об уникальности любого исторического явления) закрывает широкое применение методов, основанных на типологизации и моделировании», – далее сразу же следует оговорка, – «Но автору не представлялось правильным совсем игнорировать методы моделирования и типологизации. Поэтому они применялись, но крайне ограниченно». Далее А.А. Войтенко перечисляет теоретические принципы, которым следовал в проведении исследования – «агиография не является отдельным литературным жанром», «зависимость иконографических источников от письменных». И наконец, следует ссылка на болландистов¹³ и на сформулированные В.О. Ключевским теоретические положения при изучении агиографии – это уникальный

---

¹⁰ Негин А.Е. "Римский декорированный доспех эпохи принципата": диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2018. – 960 с. С. 13–15.

¹¹ Там же, С. 374.

¹² Там же, С. 375.

¹³ О болландистах см. напр. Гавинелли, С. От болландистов до Муратори: история как евангелизация. Религиозное образование в России и Европе в XVIII веке. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2012. – С. 16.

пример такой сноски среди ученых-античников¹⁴. В своем исследовании, А.А. Войтенко убедительно доказывает роль Жития св. Онуфрия Великого в популяризации в христианской среде конца IV века идей крайнего отшельничества¹⁵. Характеризует он и сам памятник, относящийся к редкому типу агиографии – «житию–путешествию» (в удаленную пустыню) – уникальному для Поздней Античности¹⁶. Особенного расцвета почитание св. Онуфрия Великого достигает в период правления династий Комнинов и Ангелов в Византии, в конце XIV века на Руси и в XV–XVII веках в Польше¹⁷. Фактически исследование посвящено истории одной книги в разных списках. Подобные опыты предпринимались представителями методологии «новой культурной истории» – тем не менее, А.А. Войтенко, сознательно или нет, отказывается от упоминаний этого направления.

Можно сделать вывод о декларируемом методологическом консерватизме ученых–античников как части профессионального этикета внутри специальности – даже упомянутые выше болландисты творили с XVII по конец XIX вв. Сами предлагаемые авторами определения историзма, выдержаны в большинстве случаев в духе школы И.Д. Ковальченко¹⁸, что свидетельствует о неувядающем наследии данного исследователя, чьи определения ряда историографических терминов стали классическими.

При этом, декларируемый методологический консерватизм отнюдь не означает консерватизма фактического – важнее то, что по каким–то причинам исследователи Античности, в отличие, например, от исследователей Нового времени, избегают отсылок к методологическим

---

¹⁴ *Войтенко А.А.* Святой Онуфрий Великий в агиографической традиции (IV–XIV века): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М, 2018. - 530 с. С. 12.

¹⁵ Там же, С. 14.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 16-17.

¹⁸ См. напр. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. – 486 с.

теориям за пределами протокольных фраз, иногда минимально видоизменяемых.

К разобранным выше диссертациям можно прибавить также две работы, посвященные Древнему Востоку.

Номер в списке	Автор	Тема
1.	Арутюнян Акоп Жораевич	Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н. э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления
2.	Балахванцев Арчил Савелич	Политическая история ранней Парфии

Древнему Востоку посвящены две диссертации, по-своему показательные по двум причинам. Во-первых, обе они основаны на истории государств периферии Римского мира, и во-вторых, оба исследователя защищали кандидатские диссертации по римской истории и именно через неё впервые сталкивались с древневосточной проблематикой, к которой обращаются при написании докторских. И если в случае с А.Ж. Арутюняном «выход» этот носит частичный характер, то применительно к А.С. Балахванцеву работа целиком посвящена доримскому периоду.

Обе «древневосточные» работы отличаются также своеобразием методологии. План диссертаций практически совпадает – каждая из них начинается с историко-географического описания Парфии¹⁹ и Армении²⁰ соответственно, а продолжается хронологическим изложением событий с фиксацией на вопросах, дискутируемых в исторической науке. Оба автора пишут о методах проводимого ими исследования, причем А.С.

¹⁹ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 467 с. С. 36–67.

²⁰ Арутюнян А.Ж. Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н.э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Белгород, 2016. – 447 с. С. 64–75.

Балахванцев кратко и формально²¹, А.Ж. Арутюнян более подробно. Оба автора выделяют сравнительно–исторический метод, но практически не пишут о теоретических основах исследования. Так, А.Ж. Арутюнян один раз указывает на «методологические подходы новой культурно–интеллектуальной истории»²², но характеризует их как особое внимание к средствам передачи информации, то есть фактически говорит о методологии как об одном из примеров частной методики. В самой работе к данному направлению можно отнести, прежде всего, внимание к явлению эллинского билингвизма.

Повествовательный, «монографический», подход к построению исторического объяснения встречается часто и является основным в тех случаях, когда в качестве объекта исследования выступает конкретная страна, а предметом — исторический процесс, происходящий в выбранной стране. В рассматриваемом случае это «История изменения внешних международных границ и внутреннего административно–территориального деления»²³ и «Политическая история ранней Парфии»²⁴ соответственно.

Но для нас куда важнее другое – однотипность работ показывает, что историки–античники, занимающиеся Древним Востоком, находятся примерно в одной парадигме исследований. Их диссертации, например, невозможно перепутать с работой С.В. Близнюк, у которой работа делится по проблемам, а не по хронологическим периодам — части работ А.В. Арутюняна и А.С. Балахванцева, не считая вступительной сводки о климате изучаемой страны, строго однотипны.

Оба исследователя ставят в центр взаимодействие культур. Так, одним из положений теории А.С. Балахванцева является тезис о том, что

---

²¹ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2018. С. 31.

²² Арутюнян А.Ж. Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н. э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно–территориального деления. Белгород, 2016. С. 36–39.

²³ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2018. С. 29.

²⁴ Арутюнян А.Ж. Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н. э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно–территориального деления. Белгород, 2016. С. 8.

политическая успешность Парфии вызвана отказом парфян от сгона с земли покорённых народов и от политики переселения титульного этноса на покорённые территории, которая стала причиной неудачи парфянской экспансии в предшествующий период²⁵. Сходным образом, к области культуры А.Ж. Арутюнян относит причины падения армянского царства, где власть проводила последовательную проримскую политику, чем усугубляла тенденции к обособлению областей и предвещала собственный крах²⁶.

Насколько похожи работы по Древнему Востоку на работы, посвященные истории Древнего Рима? С одной стороны, сходство, безусловно, есть в выраженном методологическом консерватизме и фокусировке на методике. С другой же стороны, проблематика работ по Древнему Востоку заметно отличается – в обоих случаях отсутствует фокусировка на конкретной проблематике характерная для работ исследователей Рима. Отличаются работы востоковедов даже от максимально близкой тематически работы С.В. Ярцева.

Определенное сходство есть в вопросе подачи материала, как А.Ж. Арутюнян, так и С.В. Ярцев сочли необходимым сосредоточиться на истории государства в системе международных связей – даже А.С. Балахванцев в задачах исследования основной фокус делает на международных отношениях Парфии с кочевой периферией, Бактрией и державой Селевкидов.

Но в целом сходство в подходах востоковедов прослеживается куда заметнее, чем с даже близким по характеру тематики исследователем Рима. Например, особое внимание к климату и его роли в истории можно считать спецификой данной специальности.

---

²⁵ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2018. С. 311.

²⁶ Арутюнян А.Ж. Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н. э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления. Белгород, 2016. С. 12.

Последний вопрос, который мы считаем нужным осветить – возраст соискателей на момент защиты. Средний возраст доктора наук по истории Античности на момент защиты диссертации составляет 46 лет. Если рассматривать отдельно востоковедов – 55 лет. Если отдельно историков Рима – 43 года. Значительно моложе – только один, являющийся исключением не только в рамках специальности, но и, как будет видно далее, в рамках практики защиты докторских диссертаций по всемирной истории в целом. В то же время большинство исследователей на момент написания нашего исследования являются доцентами, а не профессорами, что указывает на немногочисленность среди их учеников кандидатов наук. Двое соискателей занимаются «чистой наукой» не совмещая ее с преподаванием. Отметим, что хотя средний возраст защиты докторской диссертации и выглядит удручающе, у всех указанных исследователей в запасе еще десятилетия активной деятельности, и для вывода об отсутствии преемников академической традиции, представителями которой они являются, оснований нет.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы об исследованиях Античности в диссертациях:

- Доминирование традиции изучения истории Древнего Рима в российском Антиковедении – по крайней мере, в рамках рассматриваемого корпуса источников.

- Российские историки, изучающие Древний Рим, прежде всего, интересуются областями римского права и римской армии, другими востребованными областями являются варварология и священная история.

- Хронологически, российские историки, изучающие Рим, распределились практически поровну – их изыскания охватывают равно Республику, Принципат и Доминат. При этом для исследований Римской Республики характерна правовая и идеологическая направленность, для исследователей истории Римской Империи – скорее фокусировка на военной истории.

– Российские историки, изучающие Рим, большей частью отошли от хронологического изложения исторического нарратива к проблемному. Диссертация С.В. Ярцева выступает подтверждающим правило исключением.

– Для изучения римской истории в России характерен декларируемый методологический консерватизм – заметно влияние школы И.Д. Ковальченко. В то же время это отнюдь не значит, что историки чужды веяниям эпохи – при желании в работах можно обнаружить следы школы «Анналов»²⁷, «микроистории»²⁸, «новой культурно-интеллектуальной истории»²⁹, «контекстуализма» Кембриджской школы³⁰, «мир–системного подхода»³¹ и ряда других методологических подходов – но по каким–то причинам, «античники» предпочитают избегать деклараций о своей связи с этими подходами.

– Для античников–востоковедов «история» начинается несколько раньше – с позднего Эллинизма, но географически не выходит за пределы стран римской периферии. Для них также характерен методологический консерватизм – и также с «недекларируемыми» следами ряда методологических подходов. Простейший пример – оба автора рассмотренных диссертаций исходят из значительной роли климата в истории рассматриваемого ими региона, но ни один не счел необходимым обозначить принцип климатического детерминизма в числе теоретических оснований работы. Подробно рассматривая роль символов царской власти

---

²⁷ См. напр. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. – 328 с.

²⁸ См. напр. *Бессмертный Ю.Л.* Что за Казус? // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* – 1996. Вып. 1 / Под. ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. М., 1997. – 320 с. С. 29–40.

²⁹ См. напр. *Берк П.* Что такое культуральная история? М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 240 с.

³⁰ См. напр. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей. Мотивы, намерения и интерпретация текстов. // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории.* М., Новое литературное обозрение, 2018. – 632 с. С. 53–141.

³¹ См. напр. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.

на монетах, А.С. Балахванцев не считает нужным обратиться к опыту исторической семиотики³². Несколько дальше методологически продвинулся А.Ж. Арутюнян, связавший своё исследование с «новой культурно–интеллектуальной историей» – но и он не счел нужным пояснить, к каким именно частям работы относится данная ремарка.

– При этом для них характерна более консервативная внутренняя структура работы – хронологический подход так и не уступил место проблемному, что является общим местом в «римских» диссертациях. Зато общим местом специальности является повышенное внимание к роли климата и географического фактора в целом в истории.

– Для диссертаций по Античности в целом характерно преобладание эмпирических подходов к исследованию, рассматриваемых тем и низкий уровень концептуализации, затрагивающий как правило частные и локальные вопросы. В то же время, в отдельных случаях встречаются работы, отличающиеся заметно более высоким уровнем концептуализации.

– В общем и целом антиковедение в России можно отнести к развивающимся областям знания, несмотря на все трудности, связанные со спецификой методов, часто требующих квалификации археолога или палеографа и владения иностранными языками.

– Средний возраст защиты докторской для историков–антиковедов составляет 46 лет. Отдельно для историков Рима – 43 года. Для античников–востоковедов – 55 лет. Вероятно, поздний возраст защиты востоковедов связан с высоким порогом вхождения в специальность, требующим знания древневосточных языков.

---

³² См. напр. *Дёмин И.В.* Семиотика истории Ю.М. Лотмана: между реальностью и конструктивизмом. История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 17–18 ноября 2017 года. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – С. 102–115.

§ 5. МЕДИЕВИСТИКА В ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ

Как было указано выше, к периоду Средневековья относятся 8 диссертаций.

Номер в списке	Автор	Тема
1.	Бессуднова Марина Борисовна	Русско–ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта
2.	Близнюк Светлана Владимировна	Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.
3.	Васютин Сергей Александрович	Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.
4.	Портных Валентин Леонидович	Крестовые походы на Ближний Восток (1095–1291 гг.): идейное содержание пропаганды
5.	Шилова–Варьяш Ирина Игоревна	Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской Короны в XIV в.
6.	Пиков Геннадий Геннадиевич	Элита кочевой империи (на материале империи Ляо, 907–1125)
7.	Запорожец Владимир Михайлович	Роль тюрок–сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века
8.	Шишкин Владимир Владимирович	Королевский двор Франции в эпоху Возрождения

В отличие от диссертаций по античной истории, в случае с диссертациями по Мировому Средневековью отсутствуют ярко выраженные «центр» и «периферия» исторических исследований, регионы представлены равномерно – одна диссертация по истории Восточной Европы, две по истории Западной Европы, две по истории азиатских народов и две посвящены крестовым походам и государствам крестоносцев. В то же время крайне заметен «поворот на Восток» – медиевисты заметно отдаляются от Западной Европы и даже в диссертациях, где обращаются к ее истории, анализируют в первую очередь взаимодействие с Востоком - крестоносное движение, мудехаров

покоренного испанскими крестоносцами аль-Андалуса, венецианскую и генуэзскую колонизацию Кипра.

Хронологически наиболее востребован период классического Средневековья (XI–XV вв.) Период раннего Средневековья (VI–X вв.) востребован в меньшей степени и только среди ученых–номадистов.

Куда сложнее выстроить тематическую классификацию – проблемные блоки не следуют, по крайней мере, из названий работ. Тем не менее, из текстов диссертаций следует, что некий общий исследовательский фокус у историков все-таки есть – это повышенное внимание к структуре государственного управления.

Методологически подходы историков-медиевистов отличаются друг от друга куда сильнее, чем у историков-античников.

М.Б. Бессуднова характеризует свою методологию как «диалектический историзм»³³, используя редкий термин Э.В. Ильенкова, для определения которого приводит классическую трактовку историзма И.Д. Ковальченко и восходящую к нему же отсылку к общенаучным методам. Выбор термина крайне любопытен, даже уникален. Э.В. Ильенков считал, что существует два типа историзма – диалектический, он же подлинный и метафизический, он же произвольный. Первый опирается на марксистско–ленинскую теорию, второй же умозрителен, например, в вопросах происхождения капитала ответа может быть два – «присвоение прибавочной стоимости путем эксплуатации рабочего» (диалектический) и «бережливость, удачные торговые операции, наследство феодального строя...» (метафизический). Под метафизическим историзмом по мнению Э.В. Ильенкова скрывается антиисторизм, оправдание эксплуатации путем утверждения неких «исторических обстоятельств» возникновения

---

³³ Бессуднова М.Б. Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2015. – 437 с.

явления³⁴. В то же время использование именно этого термина М.Б. Бессудновой носило видимо авторский характер – в диссертации ничто не отсылает к марксистско–ленинскому учению. Напротив, диссертация М.Б. Бессудновой фактически посвящена доказательству определяющей роли характера и мировоззрения Ивана III в развитии русско–ливонских отношений и формировании в Ливонии образа «русской угрозы». При этом действия ливонцев М.Б. Бессуднова объясняет правовой традицией и «непониманием» ливонцами «московской автократии», зачастую общающейся с внешним миром посредством ультиматумов³⁵. Практически все действия Москвы объясняются с точки зрения психологии великого князя – задетого самолюбия, мстительности, высокомерия³⁶ – вопреки устоявшимся в отечественной науке представлениям о целенаправленности московской политики в этот период. К объективным истокам конфликта М.Б. Бессуднова относит самую пространственную близость столь разных моделей общественного сознания, какими были Московское государство и Ливония.³⁷ Возникает крайне интересное методологически сочетание культурного и психологического детерминизма, совершенно в духе некоторых направлений цивилизационного подхода³⁸.

С.В. Близнюк ссылается в качестве методологии на принцип историзма и приводит определение, данное историзму И.Д. Ковальченко. В качестве методов упоминает историческую антропологию и имагологию³⁹ – это довольно необычно, но объяснимо – диссертация С.В. Близнюк

---

³⁴ Ильенков Э.В. Логическое и историческое. Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики. М., 1960, С. 310–343.

³⁵ Бессуднова М.Б. Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта. М., 2015. С. 349.

³⁶ Там же, С. 350–353.

³⁷ Там же, С. 359.

³⁸ См. напр. Тойнби А.Дж. Постижение истории М.: Академический проект, 2019. – 802 с.

³⁹ Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2016. – 832 с. С. 32.

представляет собой удачное сочетание хронологического и проблемного изложения. Работа начинается с краткого изложения истории крестоносной идеи – особенно подчеркивается роль Четвертого крестового похода, расколовшего движение крестоносцев и превратившая крестовый поход из религиозного предприятия, направленного на освобождение Гроба Господня в «Militia Sancti Petri», направляемую против любого противника католической церкви от европейских еретиков и язычников, до православных государств или просто непослушных римской курии королей⁴⁰. Такой раскол приводит к разделению мировоззрения крестоносцев Европы и Кипра и в конечном счете к войне Кипра с крестоносцами Фридриха II. Вектор крестоносных завоеваний меняется по мере усиления турецкой угрозы – теперь крестовые походы устраиваются именно против турок. Эти новые крестовые походы носят прагматический характер защиты собственных территорий, а не идеологически обоснованной войны ради веры⁴¹. Главными выгодоприобретателями Крестовых походов оказываются итальянские морские республики, руками крестоносцев получившие торговые привилегии, баснословные доходы, новые земли и отличные отношения со Святым Престолом. Крестовые походы, по С.В. Близнюк также порождают явление торговых войн⁴². Подробно разбираются волны миграций на Кипр – после потери всех латинских владений в Сирии и Палестине и после падения Константинополя – и проблемы, с которыми сталкивался Кипр принимая беженцев. За таким классическим историческим изложением следует подробный разбор внутреннего устройства генуэзской «колонии» на острове – Фамагусты. Разбирается как, эксплуатируя колонию, не вкладываясь в ее развитие, даже не строя ничего кроме укреплений, генуэзцы способствовали угасанию Фамагусты. В конце концов, колония

---

⁴⁰ Там же, С. 766.

⁴¹ Там же, С. 768–770.

⁴² Там же, С. 771–772.

становится убыточной, приватизируется, а после и вовсе возвращается Кипрскому королевству. Затем изложение становится проблемно–хронологическим, фокусируется на кипро–венецианских отношениях и характере венецианской колонизации – в отличие от Генуи, Венеция вкладывается в сельскохозяйственное освоение острова и вырастает в кипрскую экономику – что приводит к созданию сети высокорентабельных сахарных и хлопковых плантаций, постепенному расширению колонии, а в конечном счете и переходу Кипра под контроль Венеции, когда венецианка стала правящей королевой Кипра и присоединила остров к сеньории⁴³. И наконец, повествование снова становится проблемным – в центре оказывается развитие кипро–levantийской культуры на основе византийских и итальянских порядков. Обратим внимание – труд С.В. Близнюк является одним из немногих примеров «большого нарратива» в докторской диссертации, попытки всесторонне охватить объект исследования, написать его историю в самом что ни на есть классическом смысле, через историю Кипра представив также историю всего региона.

В.Л. Портных ссылается в своей работе на принцип историзма, который понимает следующим образом: «всякое явление рассматривается в его происхождении, росте и образовании, в аспекте движения, а само движение–в обусловивших его причинах и связях с окружающим – как часть большого целого»⁴⁴–и дает сноску на Д.С. Лихачева. Это редкий случай, когда исследователь, предоставляя определение термина, дает ссылку на источник. Помимо этого, В.Л. Портных в качестве теоретических оснований исследования указывает герменевтику⁴⁵, метод

---

⁴³ Там же, С. 776–777.

⁴⁴ *Портных В.Л.* Крестовые походы на Ближний Восток, 1095–1291 гг.: идейное содержание пропаганды: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Новосибирск, 2016. – 434 с. С. 31.

⁴⁵ *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006. С. 275–281, 293–300.

попарного сличения списков⁴⁶ и неолахмановский метод Анри Кентана⁴⁷. Стоит отметить, что методологический раздел, несмотря на емкость, написан внимательно, а не представляет собой совокупность штампов. Обычно это характерно для диссертаций по специальности 07.00.09 (Историография) – и сходство с ними у работы В.Л. Портных не случайно, поскольку диссертация во многом основана на текстологии и носит историко–филологический характер. В.Л. Портных вводит в научный оборот ранее непереведенный источник–«Трактат о проповеди Креста» Гумберта Романского, созданное около 1266–1268 гг. произведение, содержащее методическую рекомендацию – как правильно проповедовать крестовый поход и отвечать на проблемные вопросы в этой области. Отдельно отметим, что источник реконструирован на основе двух редакций рукописного текста, переведен, откомментирован и впервые издан лично В.Л. Портных⁴⁸. Структура работы–проблемная, за обзором историографии и основного источника следуют три главы, посвященные ключевым вопросам пропаганды–зачем нужно вернуть христианам Иерусалим, в чем выражается Божья помощь крестоносцам и какое небесное воздание ждет крестоносцев за участие в походе. На первую группу вопросов крестоносная пропаганда в разные периоды давала разные ответы – простая акцентуация религиозной важности Иерусалима по мере поражений крестоносцев в Святой земле преобразуется в концепцию «оскорбления Бога» сарацинами, осквернившими своим присутствием Иерусалим, и необходимости отомстить за это оскорбление исходя из «вассальной концепции», согласно которой человек – вассал Бога, и как вассал обязан защищать землю сюзерена. Святая земля в рамках данной концепции понимается как земля Бога и Его наследие на

---

⁴⁶ *Quentin H.* Essais de critique textuelle. Paris, 1926. P. 41-60; *Froger J.* La critique des textes et son automatisations. Paris, 1968.

⁴⁷ *Портных В.Л.* Крестовые походы на Ближний Восток, 1095–1291 гг.: идейное содержание пропаганды. Новосибирск, 2016. С. 31.

⁴⁸ *Гумберт Романский.* О проповеди креста. Издание подготовлено В. Л. Портных; перевод исправлен и доработан И. А. Реморовым. СПб.: Алетейя, 2016. – 209 с.

земле⁴⁹. Бог с XIII века начинает считаться инициатором крестовых походов, лично призывающим крестоносцев выступить. Изменяется и комплекс ответов пропагандистов на вопросы о Божьей помощи крестоносцам. Поражения в Святой земле смещают акцент пропаганды с обещаний божественной помощи на объяснение неудач походов, как божественного наказания за грехи – либо грехи самих крестоносцев, либо за грехи всего мира. Вернуть расположение Бога, по мнению пропагандистов можно было праведностью и победами⁵⁰. Таким образом, крестоносцев уподобляют новому «избранному народу» Бога, а поход воспринимается как событие с особым статусом, предсказанное в Библии. Поход выступает проверкой для «избранного народа», который должен доказать, что достоин владеть Палестиной⁵¹. Именно поэтому Бог сам не освобождает Святую землю от сарацинов – крестоносцы должны доказать свою верность и праведность дабы заслужить успех на земле и Рай посмертно. При этом папство быстро изобрело частичные индульгенции за финансовую помощь крестоносцам и даже за присутствие на проповедях крестовых походов. Пропагандисты особенно настаивали на уникальности и временности столь заманчивого предложения освобождения от мук Ада и Чистилища. Отдельно интерес работе В.Л. Портных придает введенное в нее предложение к исследователям использовать переведенный им источник при анализе церковной пропаганды войн против гуситов и турок–османов⁵².

И.И. Шилова–Варьяш прежде всего ссылается на «принцип историзма, предполагающий рассмотрение тех или иных исторических явлений в развитии, с учетом динамики и изменчивости исторического контекста, с соблюдением исторической точности и научной корректности на каждом

---

⁴⁹ Портных В.Л. Крестовые походы на Ближний Восток, 1095–1291 гг.: идейное содержание пропаганды. Новосибирск, 2016. С. 349.

⁵⁰ Там же, С. 351.

⁵¹ Там же, С. 350.

⁵² Там же, С. 356–396.

этапе работы»⁵³ – это определение хотя и восходит к В.И. Ленину, Э.В. Ильенкову, И.Д. Ковальченко, в действительности доработано и куда больше соответствует классическому немецкому историзму, поскольку ставит на первый план уникальность каждого явления. Кроме этого И.И. Шилова-Варьяш предполагает обращаться к кейс–методу⁵⁴, герменевтике⁵⁵ и антропологии права⁵⁶, а также имагологии⁵⁷, хотя сам этот термин не употребляет, а ссылается на методологию восприятия «Чужого» Р.М. Шукурова⁵⁸. Помимо этого, определяет термин «правовое пространство», который «включает в себя систему права, писанные и неписанные нормы, восприятие и правовые представления, правовую культуру, правосознание и т. д., т. е. весь комплекс категорий, при помощи которых мы изучаем регулирование общественных отношений в области права»⁵⁹. Отметим, что это тоже авторское понимание термина. Применение методов в целом соответствует заявленным. И.И. Шилова–Варьяш убедительно показывает, как исламское право в виде «обычаев мусульман» вошло в правовую практику земель Арагонской короны. В то же время по внутренним делам мусульманской общины исламское право продолжает своё существование, шариат для них остается оптимальным путем решения конфликтов⁶⁰. По мере развития королевского права, сфера действия шариата сужается до частноправовых вопросов – происходит постепенная изоляция шариата путем использования религиозной христианской риторики в качестве

---

⁵³ Шилова-Варьяш И.И. Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской Короны в XIV в.: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. – 560 с. С. 11.

⁵⁴ См. напр. Малкей М. Наука и социология знания. Пер. с англ. А. Л. Великовича. М.: Прогресс, 1983. – 253 с.

⁵⁵ См. напр. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМІ», Изд. центр «Academia», 1995. –160 с.

⁵⁶ См. напр. Дробышевский В. С., Калинин А. Ф. Введение в юридическую антропологию: Проблемы методологии права. Ч. 1. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2004. –135 с.

⁵⁷ См. напр. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 162 с.

⁵⁸ Шилова-Варьяш И.И. Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской Короны в XIV в. 2017. С. 11–14.

⁵⁹ Там же, С. 12–14.

⁶⁰ Там же, С. 499–503.

юридической. Обычаи мусульман, таким образом, начинают выглядеть в глазах судей-христиан преступлением против Христианства. В отношении мусульман начинает практиковаться ограничение прав, выражающееся в запрете созыва на молитву и требования носить специальную одежду⁶¹. В то же время строгость королевского права могла нивелироваться за счет его непоследовательности, например, королевской милости. В то же время ограничение шариата не носит исключительный характер – королевское право претендовало на высший статус по отношению к любым другим формам права. Особенно следует отметить приложения к диссертации в виде словаря специальных терминов и справочной статьи по истории исламского права.

В.М. Запорожец также ссылается на «принцип историзма», который «предполагает рассмотрение явлений и процессов в динамике их развития под воздействием как внешних, так и внутренних факторов с точки зрения исторического контекста исследуемого периода»⁶². Далее к этому определению он прибавляет контент-анализ и «факторный анализ»⁶³. Последнее заметно сближает В.М. Запорожца с позитивистами. В.М. Запорожец рассуждает о сельджуках в таких понятиях как «историческая миссия», коей он видит победу над крестоносцами и спасении ислама как религии⁶⁴, «необратимый этнорелигиозный процесс» тюркизации и исламизации населения Малой Азии⁶⁵. Подобная терминология необычна и характерна для романтической историографии XIX века и конструирования этнократических мифов⁶⁶. Структура

---

⁶¹ Там же, С. 506.

⁶² *Запорожец В.М.* Роль тюрков-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI — начале XIV века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 505 с. С. 13.

⁶³ Там же, С. 14.

⁶⁴ Там же, С. 428.

⁶⁵ Там же, С. 12.

⁶⁶ См. напр. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. – 381 с.

изложения в работе гибридная, так, первая глава посвящена историографии проблемы, потом изложения становится хронологическим, затем одна из глав посвящена состоянию Византии накануне вторжения сельджуков, после чего изложение снова становится хронологическим, а затем снова фокусируется на внутреннем устройстве, но уже государства Сельджуков. Автор доказывает раннее происхождение термина «Турция»⁶⁷, турецкое происхождение доступных для всех медресе⁶⁸, численность армий Второго крестового похода в миллион человек⁶⁹ и направленность похода на «уничтожение ислама как религии»⁷⁰, существование у турок цеховой системы ремесленного производства⁷¹, совершенство военной организации Сельджуков⁷², превосходство в тактике сельджукских военачальников⁷³ и ряд других авторских тезисов. Поражение сельджуков от монголов объясняется исключительно слабостью личности правящего султана, отдельно указывается, что оно не привело к деградации социальной жизни, а отдельные бейлики, на которые распалась страна «жили как во времена ее расцвета»⁷⁴. Успехи Османов объясняются тем, что им удалось воспроизвести совершенную сельджукскую военную организацию. Хотя термин «модернизация» в диссертации не используется, турецкая экспансия явно понимается в работе как исторический шаг вперед, противопоставляется угасающей, «небоееспособной» Византии⁷⁵. В этом отношении работа В.М. Запорожца носит на себе совершенно отчетливый след позитивизма. Отметим, что указанные выводы В.М. Запорожца носят настолько авторский характер,

---

⁶⁷ *Запорожец В.М.* Роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI — начале XIV века. М., 2017. С. 311.

⁶⁸ Там же, С. 318–319.

⁶⁹ Там же, С. 279.

⁷⁰ Там же, С. 427–428.

⁷¹ Там же, С. 323, 339.

⁷² Там же, С. 340.

⁷³ Там же, С. 342.

⁷⁴ Там же, С. 377, 405.

⁷⁵ Там же, С. 261.

что в отзыве на диссертацию, составленном сотрудниками ИВ РАН, не только приводится масштабная критика всех этих положений, но и делается итоговый вывод о несоответствии диссертации В.М. Запорожца требованиям к диссертациям на соискание степени доктора исторических наук⁷⁶. Однако, оппоненты – С.А. Васютин, Е.А. Резван и Т.И. Султанов пришли к иному выводу, несмотря на то что отметили в работе ряд принципиальных недостатков.

Методологически, работа В.В. Шишкина основывается на принципе историзма, «в соответствии с которым исторические явления рассматриваются в развитии, формирующиеся под воздействием условий и факторов внешней и внутренней среды»⁷⁷, а также на системном подходе И.А. Василенко. Также упоминается социология Макса Вебера⁷⁸, просопографический метод Ж. Дюма⁷⁹ и микроисторический метод К. Гинзбурга⁸⁰. За пределами методологического раздела упоминается концепция «придворного общества»⁸¹ Н. Элиаса⁸². В.В. Шишкин последовательно доказывает существование в ренессансной Франции «придворного общества» переходного периода, постепенно трансформирующегося от чисто феодального института в институт государства модерна. В частности, рассматривается эволюция функций придворных должностей и институтов Двора. Центром двора является «Королевская Палата», где в XIV–XV вв. ход развития института приводит

---

⁷⁶ Отзыв, составленный сотрудниками ИВ РАН (г. Москва) к. и. н. Виталием Владимировичем Прудниковым, к. и. н. Дмитрием Михайловичем Тимохиным, к. и. н. Тишиным Владимиром Владимировичем. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/misc/Zaporozhets_VM_review_thesis_Prudnikov_et_alii.pdf] (Дата обращения: 31.03.23).

⁷⁷ *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в эпоху Возрождения: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. СПб., 2019. – 626 с. С. 59.

⁷⁸ *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 804 с.

⁷⁹ *Дюма Ж.* Об изучении элит в современной историографии. Французский ежегодник, 2001. М.: УРСС, 2001.

⁸⁰ *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–209.

⁸¹ *Норберт Элиас.* Придворное общество. М., 2002. – 366 с.

⁸² *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в эпоху Возрождения. СПб., 2019. С. 33.

к появлению наследования должностей⁸³. Также к концу XV века двор Валуа, изначально уступавший в пышности двору Капетингов, окончательно интегрировал в себя сеньориальные дворы, став центральным звеном общественной организации. Рассматривается проблема заимствования церемоний из «образцового» бургундского двора, носивших, по В.В. Шишкину, фрагментарный и несводимый к копированию характер⁸⁴. В XVI веке Франциск I кардинально обновляет двор – при сохранении Королевской палаты и куриальных должностей, меняется ряд церемоний и персональный состав двора. Это обновление выражается в окончательном введении наследования должностей и гарантии невозможности лишения однажды данной привилегии, а позднее во введении Регламентов двора, принимаемых монархом без одобрения парламентов⁸⁵. В Регламенты пытались вмешиваться Генеральные Штаты, но после исполнения их отдельных рекомендаций, короли возвращались к исходному положению. При этом, у королей никогда не было абсолютной власти над двором, а по мнению В.В. Шишкина – и идеи ее добиться⁸⁶. Взаимоотношения монарха с двором представляли собой компромисс с позиции силы и развивались как цикл ответов на текущие проблемы государства. Весь ход развития двора привел к появлению четкой иерархии между двором Короля и «малыми дворами» королевы и членов королевской семьи – всегда в пользу первого. Дамский двор появляется во Франции с конца XV века, благодаря Анне Бретонской – впервые женщины получают должности и сопутствующие им обязанности, а также жалование. Таким образом, женщины вовлечены в принятие политических решений, что наиболее ярко проявляется в официальном статусе «королевских фавориток», обладающих негласным правом совета

---

⁸³ Там же, С. 548–549.

⁸⁴ Там же, С. 550–551.

⁸⁵ Там же, С. 552.

⁸⁶ Там же, С. 552.

королю⁸⁷. Доказывается, что статус дамы при дворе зеркально отражал статус ее отца или мужа. При дворе служили целые фамильные кланы, и часто практиковалось совмещение различных должностей одним лицом⁸⁸. Формализованный законодательно придворный этикет закрепил положение всех лиц, включая дам, в публичном пространстве. Привлечение новых придворных напрямую было связано с деятельностью руководителей куриальных служб, лоббирующих своих клиентов. В то же время короли старались избежать проникновения ко двору случайных лиц, ежегодно пересматривая штатное расписание и лично знакомясь со всеми куриальными служащими. Несмотря на эти меры, все службы двора постоянно росли. В.В. Шишкин отмечает устойчивость двора, в неуправляемой стране эпохи Религиозных войн сохранившего роль главного политического института государства⁸⁹. Этот институт последовательно пытались использовать для узурпации власти представители дома Гизов, что вызвало закономерную реакцию Генриха III по перераспределению полномочий и созданию новых служб для удаления Гизов от реальной власти – на что Гизы, в свою очередь, отвечали расширением клиентелы. Отдельно рассматривается значение и роль Наваррского Двора, создание которого при Французском Дворе задумывалось как элемент интеграции, но фактически ставшего инструментом для борьбы за влияние клана Бурбонов. Сходным образом и попытка Генриха III ввести Всеобщий Регламент Двора была направлена на достижение мира, консолидацию умеренных дворян–католиков и удаление от власти радикалов, но по факту спровоцировала «Войну трех Генрихов» и привела к крупнейшему кризису королевской власти, а также фактическому исчезновению общепольского Двора как единого целого.

---

⁸⁷ Там же, С. 554.

⁸⁸ Там же, С. 556.

⁸⁹ Там же, С. 557–559.

Работы С.А. Васютина и Г.Г. Пикова мы сочли необходимым рассмотреть отдельно, поскольку они представляют собой уникальный пример – это две диссертации, написанные на одну тему, в один год, защищенные в одном диссозвете – но написанные принципиально с разных методологических позиций. В профессиональных исторических кругах часто бытует невысказанное мнение о вторичности методологии и первичности работы с источниками, но на примере двух данных работ мы наглядно можем видеть, как различие в методологическом подходе приводит исследователей к диаметрально противоположным выводам.

С.А. Васютин в качестве методологии прямо декларирует мир–системный подход⁹⁰ – пример практически уникальный. Вообще методологический раздел написан прямо–таки образцово – тут и историко–антропологический анализ Джорджа Мердока⁹¹, и теория вожеств и номадологическая теория Н.Н. Крадина⁹², теория многомерной эволюции А.В. Коротаева⁹³ и школа «Анналов»⁹⁴.

Напротив, Г.Г. Пиков декларирует цивилизационный подход – «изучение цивилизации как континуума и культуры как механизма ее адаптации»⁹⁵, и эту декларацию сопровождает «принципами объективизма, историзма, комплексности и системности»⁹⁶. Историзм понимается как «рассмотрение процессов и явлений и их развитии и одновременно в связи

---

⁹⁰ *Васютин С.А.* Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Кемерово, 2017. – 762 с. С. 15.

⁹¹ *Мёрдок Дж.П.* Социальная структура. Москва: ОГИ, 2003. – 606 с.

⁹² *Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши.* М.: Логос, 2000. 368 с.

⁹³ *Коротаев А.В. и др.* Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 345 с.

⁹⁴ Там же, С. 15–16.

⁹⁵ *Пиков Г.Г.* Элита кочевой империи: на материале империи Ляо, 907–1125: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Новосибирск, 2017. – 631 с. С. 15.

⁹⁶ Там же, С. 15.

с конкретной исторической обстановкой»⁹⁷. Упоминается метод культурно–контекстуального анализа, понимаемый как «изучение внутренней связи текста с общими идейными характеристиками эпохи возникновения, контекстуально обусловленных особенностей восприятия текста (в различные эпохи), а также значения заключенных в тексте идей в контексте мировой культуры»⁹⁸. Также следует отсылка к «ряду методов культурологии, философии, экономики и социологии»⁹⁹.

Фактически методологически перед нами крайний материалист и крайний идеалист насколько это возможно в исторической науке. Первый отсылает нас к представлениям о многовекторности исторического процесса, второй – к теории модернизации в ее цивилизационном понимании.

Примечательно, что оба исследователя экспериментирующие с методологией, являются выходцами из региональных научных школ – С.А. Васютин состоит доцентом и заведующим кафедрой всеобщей истории и международных отношений КемГУ, Г.Г. Пиков, доцент, имеющий помимо степени доктора исторических наук степень доктора культурологии, заведует кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института НГУ. Несколько забегаю вперед, отметим, что отход от методологических штампов в работах и интерес к новаторским подходам в целом характерен для региональных научных школ – Самара, Новосибирск, Кемерово, отчасти Санкт–Петербург – но никогда Москва.

Примечательно также, что оба исследователя, и С.А. Васютин и Г.Г. Пиков, избрали для защиты один и тот же диссертационный совет – Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

---

⁹⁷ Там же, С. 16.

⁹⁸ Там же, С. 17–18.

⁹⁹ Там же, С. 18.

Оппоненты у обоих соискателей также заслуженные, например, С.А. Васютина оппонировала директор ИВР РАН И.Ф. Попова, Г.Г. Пикову – член–корреспондент РАН, профессор Н.Н. Крадин, который также выступал научным консультантом С.А. Васютина).

Работа С.А. Васютина глобальна – история Империи Ляо в ней помещается в макроисторический контекст развития обществ кочевников. Работа Г.Г. Пикова локальна – в ней контекстом является исключительно развитие этноса киданей. Сам мир своего исследования, историки видят по–разному – для Г.Г. Пикова – это «восточноазиатское цивилизационное единство»¹⁰⁰, содержащее кочевую и оседлую зоны, а для С.А. Васютина Китай и Степь выступают как центр и периферия мир–системы¹⁰¹.

Г.Г. Пиков противопоставляет историю киданей стереотипу о кочевниках как о «бандитах» и «разрушителях», ставя перед собой целью показать этатический конструкт Ляо, «его потенции и заслуги в развитии общечеловеческой цивилизации»¹⁰². В качестве основы такого конструкта исследователь называет мирное сосуществование кочевников–скотоводов и оседлых земледельцев в рамках одного государства. В частности, рассматривается процесс создания общеимперской культуры на основе китайского влияния, формирования производительной экономики в противовес «присваивающей», упадок локальных общностей оценивается как следствие прогресса¹⁰³. Носителем прогресса же называется киданьская общеимперская элита, активно участвующая в градостроительстве, поощряющая земледелие и противопоставляющая имперскую идеологию народной культуре¹⁰⁴. Именно благодаря этой «надплеменной» элите, носительнице уникальной идеологии,

---

¹⁰⁰ Там же, С. 111, 278, 347, 365, 412, 418, 438

¹⁰¹ *Васютин С.А.* Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в. Кемерово, 2017. С. 22, 23, 25. 410, 457, 504.

¹⁰² *Пиков Г.Г.* Элита кочевой империи: на материале империи Ляо, 907–1125. Новосибирск, 2017. С. 440, 441.

¹⁰³ Там же, С. 442.

¹⁰⁴ Там же, С. 343–344.

проистекающей из представления о правителе как о представителе всех племён, рождается Империя Ляо. Держава Киданей провозглашается своего рода апогеем развития кочевой цивилизации Восточной Азии, переход от этнополитического способа формирования элиты к социально–политическому отождествляется с цивилизационным прогрессом.

Г.Г. Пиков предлагает три уровня господствующего класса — родовую знать определённых территорий, аристократию как племенных вождей кочевий и элиту как общегосударственных управленцев, причём первые два типа представляют традиционную культуру, а третий имперскую¹⁰⁵. Именно этот, третий тип элиты, формирует надродовую структуру профессиональных чиновников и проводит то, что автор называет "Киданьским Ренессансом"¹⁰⁶. В это понятие входят: создание новой культуры на китайской основе, внедрение буддизма и права по образцу китайского. Эти изменения оцениваются автором положительно, как и разрушение локальных социально–экономических организмов¹⁰⁷.

Развитие киданьской армии Г.Г. Пиков связывает с усвоением китайских основ тактики, без которых кидани представляли собой «дворовую футбольную команду, легко обыгрываемую китайскими профессионалами»¹⁰⁸. Новшества усваивались только грамотной элитой и не доходили до неграмотных кочевников, что и стало слабым местом армии в войне с чжурчжэнями. Г.Г. Пиков положительно оценивает длительное отсутствие в Ляо больших войн, а поражение в войне с чжурчжэнями связывает с не вполне завершившимся процессом отлаживания экономики и дипломатии, а также ненависти населения к развращённой правом творить насилие солдатской массе, использованной чжурчжэньской пропагандой для утверждения о «несправедливости» власти.

---

¹⁰⁵ Там же, С. 89, 236, 288.

¹⁰⁶ Там же, С. 271, 343, 349.

¹⁰⁷ Там же, С. 442.

¹⁰⁸ Там же, С. 300–301.

Падение же Империи Ляо Г.Г. Пиков объясняет «изменением геополитической обстановки» и агрессивными действиями чжурчжэней, т.е. сугубо направленными на развал имперского ядра извне факторами¹⁰⁹.

Совсем иную картину истории Ляо и роли в ней элиты мы видим у С.А. Васютина – кидани для него предстают частным типом номадического общества, центральным звеном которого является свободный кочевник с полным набором прав¹¹⁰. Долгое время в этом обществе царит баланс – роль элиты исполняют вожди «восьми кочевий» и представители их кланов. Но когда кидани захватывают Северный Китай, то постепенно начинают перенимать китайские модели государственного устройства, в частности, разветвленную бюрократию. Элита становится полиэтничной и придворной, переезжает из юрт во дворцы с огромным штатом слуг, наложниц и евнухов, активно скупает земельную собственность, конкурирует за сотни официальных титулов, носит китайскую одежду, участвует в церемониях двора. Сугубо кочевые традиции, вроде охоты в степи, становятся для представителей знати приятной экзотикой, знать даже начинает уклоняться от исполнения военных функций. Знать по образу жизни далеко ушла от простых кочевников и постепенно начинает посягать на их права – власть облагает простых степняков подушным налогом, трудовыми повинностями, закрепляет их неравенство в правах со знатью¹¹¹, сгоняет их с лучших земель, а иногда заставляет и вовсе обрабатывать землю. Таким образом постоянно растет слой десоциализированных разорившихся кочевников. Нарушается и традиционный для киданей принцип иерархии племен – власть целенаправленно перекраивает племенной состав, насильно смешивая их, ставя над ними вождей из чуждых племен, произвольно

---

¹⁰⁹ Там же, С. 368.

¹¹⁰ *Васютин С.А.* Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в. Кемерово, 2017. С. 131, 132, 320.

¹¹¹ Представители знати законодательно несли меньшее наказание за одно и то же преступление, чем простолюдины – прим. наше.

переселяют, строят в их землях крепости с иноплеменными гарнизонами – всё ради создания «большого племени» как единой общности¹¹².

Какое-то время власти удается лавировать между киданьским и китайским, но с середины XI века начинается кризис, держава прекращает завоевания, а воюет только с собственным кочевым населением, поднимающим мятеж за мятежом. Разросшаяся элита конфликтует за земли и титулы, что также вносит свой вклад в социальную дестабилизацию – возникает «перепроизводство элиты», запросы каждого поколения которой постоянно превосходят запросы предыдущего¹¹³. Какое-то время за счет колоссальных поступлений серебра из китайских владений, власти удается сдерживать социальные противоречия, но первый же серьезный кризис приводит к распаду державы. В ходе завоевания чжурчжэнями киданьские воины массово переходят на сторону завоевателя или поднимают мятежи, а император и представители знати собирают богатства, желая сбежать с ними на юг, служа источником панических настроений в обществе, но никак не консолидации. Прекращение набегов привело к тому, что стотысячная императорская гвардия в течение 60 лет выполняла исключительно парадные функции, а в свободное время воины вели разгульный образ жизни, ожидая повышения в должности. Командовали армией часто ученые-ханьцы без опыта боевых действий, воины сами приобретали оружие и доспехи. В решающей битве с чжурчжэнями эта армия даже не успела построиться. Таким образом, падение Ляо – следствие внутренних факторов¹¹⁴.

Можно видеть, как один и тот же фактический материал в зависимости от методологии интерпретируется исследователями буквально противоположным образом. То, с чем Г.Г. Пиков связывает рождение и процветание империи Ляо, в глазах С.А. Васютина служит источником ее

---

¹¹² *Васютин С.А.* Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI — начала XII в. Кемерово, 2017. С. 313.

¹¹³ Там же, С. 25, 137, 403, 409, 413, 417, 418, 422.

¹¹⁴ Там же, С. 416–422.

краха, и, наоборот, то, что Г.Г. Пиков считает архаичными рудиментами, препятствующими созданию державы, С.А. Васютин возводит в ранг основания, на котором было построено и держалось могущество киданей.

Материалистический подход, приписывающий первичную роль при формировании социальной организации характеру общественного уклада, экономики, порождает анализ Ляо как еще одного общества номадов.

Идеалистический подход, опирающийся не декларацию первичной роль культуры, идеологии, порождает анализ Ляо как общества, претерпевающего процесс модернизации – перехода от архаичных культурных форм к цивилизованным.

Различие подходов проявляется даже в частных областях исследования, вроде оценки состояния армии киданей на момент начала войны с чжурчжэнями, приведшей к падению державы – по мнению С.А. Васютина армия в результате китаизации становится небоеспособной, по мнению Г.Г. Пикова – напротив, высокопрофессиональной и лишь страдающей от экономических проблем и вражеской пропаганды.

Историки часто задаются вопросами, что именно определяет в рамках исторического исследования его методология? Диссертации С.А. Васютина и Г.Г. Пикова показывают – методология определяет всё.

К сожалению, возраст многих медиевистов в открытых источниках отсутствует, а имеющихся цифр явно недостаточно для выделения устойчивой закономерности, однако, мы можем констатировать устойчивый разброс по возрасту защиты докторской диссертации от 32 до 66 лет.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы об исследованиях Средневековья в диссертациях:

– Медиевисты «уходят на Восток» - то есть выбирают темы, всё меньше затрагивающие историю Западной Европы. Восточная Азия, номадистика – вот где сосредоточен основной научный поиск, в том числе в методологическом отношении. Даже в случаях, когда Западная Европа

оказывается в фокусе внимания, затрагиваются в первую очередь проблемы взаимоотношений Востока и Запада – крестоносное движение, сосуществование христиан и мусульман, колонизация Восточного Средиземноморья морскими республиками

– Медиевистов практически не интересует раннее Средневековье. Применительно к историкам Европы речь исключительно о периоде крестовых походов и последующих, применительно к истории Востока – речь почти всегда об империях кочевников Средней и Восточной Азии.

– Основная проблема, как правило – проблема сосуществования. Христиане и мусульмане, итальянские колонизаторы и наследники государств крестоносцев, номады и носители китайской культуры, католики и гугеноты. Несколько обобщая, можно предположить, что медиевистика в этом отношении является зеркалом современности.

§ 6. ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ДИССЕРТАЦИЯХ

Истории Нового времени посвящены 7 диссертаций.

Номер в списке	Автор	Тема
1.	Копелев Дмитрий Николаевич	Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв.
2.	Малкин Станислав Геннадьевич	Интеллектуальная колонизация и “Хайлендская проблема” Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв.
3.	Прилуцкий Виталий Викторович	Протестные движения в США в 1820–1850-е гг.
4.	Паламарчук Анастасия Андреевна	Гражданское право в раннеэпохальной Англии: институты и идеи
5.	Бовыкин Дмитрий Юрьевич	Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории (1794–1799)
6.	Федин Андрей Валентинович	Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII вв.
7.	Китинов Баатр Учаевич	Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.)

К этим работам можно прибавить еще одну, в начале главы отнесенную к разделу «вне категорий»

Номер в списке	Автор	Тема
8.	Прохоров Дмитрий Александрович	Крымские караимы в эпоху средневековья и в Новое время

На этот раз довольно четко прослеживаются два основных направления – «англо–американское» и «франко–канадское» с превалированием первого. Третье направление можно условно назвать «российско–азиатским» поскольку оно затрагивает историю народов, мигрировавших из Азии на территории, впоследствии присоединенные к России. Аккуратно между этими направлениями находится диссертация Д.Н. Копелева, в основном посвященная английским и французским пиратам, но затрагивающая и «пиратский» проект Петра I.

Наиболее востребован у исследователей период XVII–XVIII века, менее востребованы – XVI и XIX век. Что интересно – так это то, насколько тематика работ историков Нового времени перекликается с «античниками» и «медиевистами». Например, выше мы рассматривали диссертацию С.В. Ярцева о культурной экспансии Рима – и сходным образом С.Г. Малкина интересуют мирные формы британской колонизации Шотландии, у нас были диссертации по римскому праву и праву средневековому – и в этом хронологическом блоке присутствует правовая диссертация А.А. Паламарчук. Были диссертации по рецепции образа святого IV века в христианской культурной традиции и методах доминиканской пропаганды – от них происходит символический «переход» к миссионерской деятельности иезуитов.

Совершенно новым тематическим блоком является массовый интерес к субкультуре и контркультуре – от явно криминальной пиратской среды до протестных движений в США. Этот «оппозиционный» блок занимает

почти половину от всех написанных работ. Сохраняется и даже растет доля диссертаций, затрагивающих религиозную сферу. Рассмотрим методологию работ.

Д.Н. Копелев начинает объяснение методологии с достаточно традиционного набора – «общенаучный системный подход», «историзм, объективность, комплексность и достоверность», но без пояснений. Большую часть методологического раздела занимает изложение концепции мир–экономики Ф. Броделя¹¹⁵ и мир–системного подхода И. Валлерстайна¹¹⁶. Наряду с разобранной выше работой С.А. Васютина, Д.Н. Копелев единственный соискатель в рамках данной специальности, рискнувший обратиться к опыту мир–системного анализа, что в его случае очевидно продиктовано проблематикой работы. Встречаются и иные теоретические концепции – теория власти Мишеля Фуко¹¹⁷, «история снизу вверх» Эдварда Томпсона¹¹⁸, теория «социального бандитизма»¹¹⁹ Эрика Хобсбаума¹²⁰. Д.Н. Копелев помещает историю морского разбоя Нового времени в контекст процесса развития колониальной экспансии, подробно освещая механизмы, пользуясь которыми европейские государства способствовали эскалации «насилия в море» и перекладывали с себя часть бремени войн на своих предприимчивых подданных¹²¹. Число кораблей, потерянных за десятилетие почти каждым крупным государством в результате «охоты за призами», исчислялось тысячами.

---

¹¹⁵ См. напр. *Бродель Ф.* Очерки истории. М.: Академический проект, 2019. Его же. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. Его же. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 3. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2002.

¹¹⁶ *Копелев Д.Н.* Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. СПб., 2014. – 734 с. С. 13.

¹¹⁷ *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: Магистериум-Касталь, 1996. – 448 с.

¹¹⁸ *Lynd S.* Doing History from the Bottom Up. Haymarket Books, 2014.

¹¹⁹ *Хобсбаум Э.* Бандиты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. – 224 с.

¹²⁰ *Копелев Д.Н.* Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв. СПб., 2014. – 734 с.

¹²¹ Там же, С. 601.

Основными «спонсорами» каперства выступали клановые предпринимательские группы, связанные с колониальной торговлей, включая первых лиц государств. Первоначально пиратство имело ярко выраженную антииспанскую направленность и было одной из форм борьбы с пиренейской монополией на колониальную торговлю, позволявшей нападать на испанские владения в Новом Свете даже в мирное время. Таким образом, пиратство представляется в виде «колониального наемничества», а многие пираты, как доказывает Д.Н. Копелев, были связаны родственными узами с представителями колониальных элит и занимали прочное положение в социуме¹²². Но в конце XVII века ситуация меняется – Англия, Франция и Нидерланды уже получили свои колониальные сферы влияния и орды флибустьеров превратились в ненужный и обременительный источник хаоса. Происходит криминализация пиратства. В 1716–1726 гг. Англия и Франция совместно «зачищают» океан не только широкими преследованиями и амнистиями, но и чисткой колониальных элит¹²³. В результате пиратское сообщество начинает искать себе новых «покровителей», что приводит к авантюрным проектам Петра I и Карла XII, провалившимся из-за отсутствия в Индийском океане русских и шведских торговых компаний, а также общего ослабления пиратства, не представляющего к тому моменту серьезной военной силы¹²⁴. На этом этапе изложение становится из хронологического проблемным – Д.Н. Копелев показывает специфические черты «морского сообщества», его сформировавшуюся систему ценностей, стиль жизни, ментальные стереотипы¹²⁵. Это сообщество также выстраивает собственные властные структуры, поддерживающие его внутреннее единство, собственный «миф» преступной исключительности. Таким образом, Д.Н. Копелев через

---

¹²² Там же, С. 601–602.

¹²³ Там же, С. 605.

¹²⁴ Там же, С. 605.

¹²⁵ Там же, С. 605.

призму развития мир–экономики находит эффективный способ говорить о нестандартном субъекте исторического процесса, который не является ни государством, ни нацией, ни классом и не ограничен какими–либо территориальными границами¹²⁶.

С.Г. Малкин методологически также склонен к нетривиальным решениям, предполагая взглянуть на проблематику собственной работы через «анализ разных типов и стадий цивилизационного развития»¹²⁷, а в качестве имеющей особое значение проблемы указывает на «проблему культурного перевода, акцентирующую внимание не на событии и/или явлении, а на их отображении в сознании и последующей репрезентации»¹²⁸. Также С.Г. Малкин делает отсылку к концепции «дисциплинирующей власти» Фуко и концепции интеллектуального завоевания¹²⁹ Эдварда Саида¹³⁰. Делается ссылка и на теории национального конструирования Хобсбаума¹³¹ и Андерсона¹³², с указанием, что имперская идентичность в раннее Новое время формировалась по тому же принципу¹³³. Завершается весьма массивный методологический раздел протокольными фразами о следовании принципам историзма, конкретности и системности¹³⁴. С.Г. Малкин посвятил своё исследование «Хайлендской проблеме» – существованию в находящейся под английской властью Шотландии горной части, где

---

¹²⁶ Там же, С. 603–605.

¹²⁷ Малкин С.Г. Интеллектуальная колонизация и “Хайлендская проблема” Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Самара, 2014, – 563 с. С. 47–48.

¹²⁸ Там же, С. 48.

¹²⁹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / послесл. К. А. Крылова, пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006. – 639 с.

¹³⁰ Малкин С.Г. Интеллектуальная колонизация и “Хайлендская проблема” Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв. Самара, 2014. С. 49–51.

¹³¹ Hobsbawm Eric, Ranger Terence. The Invention of Tradition. - Cambridge University Press, 2012

¹³² Бенедикт Андерсон. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹³³ Малкин С.Г. Интеллектуальная колонизация и “Хайлендская проблема” Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв. Самара, 2014. С. 49.

¹³⁴ Там же, С. 53.

проживали воинственные и верные своим вождям горцы, склонные к постоянным мятежам. Методы, которыми Британия интегрировала Хайленд, и анализируются историком. Прежде всего, это касается методов сбора информации – составления карт. С.Г. Малкин доказывает, что, хотя британская идеология и говорила о горцах в терминах «варварства» и «воспитания черт британца», реальные действия военных и гражданских чинов на местах отличались гибкостью и основывались на признании особенных социально–экономических отношений и политической культуры горцев¹³⁵. В то же время Хайленд оставался пространством для испытания различных проектов социального моделирования – актов разоружения, актов помилования, выплат пенсий, военного сотрудничества с лояльными местными элитами, создания отдельных рот из горцев для проведения британской политики в Хайленде. Эти меры в 1689–1746 гг. подготовили почву для окончательного разоружения горцев¹³⁶. В то же время горцы использовали британскую систему сбора информации для создания мифа о себе, и добились того, что у британцев утвердилось представление о невероятных физических способностях горцев, военных талантах, умении прятаться в горах, перемещаться вдвое быстрее регулярной армии и так далее. К 1724 г. накопленные сведения о Хайленде приводят к двум ключевым проектам – «баланса сил», то есть доверия местным элитам с постепенным увеличением британского присутствия и «разделяй и властвуй», то есть проведения репрессивных шагов по ликвидации феодальных держаний и наследственной юрисдикции. В конечном счете, балансируя между этими двумя проектами, британское правительство добилось создания эффективных условий для реформирования Хайленда, а после провело это реформирование. Стоит отметить, что хотя тематически диссертация С.Г. Малкина больше затрагивает «умиротворителей», косвенно она тоже

---

¹³⁵ Там же, С. 482.

¹³⁶ Там же, С. 481.

может быть причислена к отмеченному нами выше дискурсу на изучение «тех, кто против».

С протокольной фразы о следовании принципам историзма, объективности, системности и научности начинается и методологический раздел диссертации В.В. Прилуцкого¹³⁷. Интересно, что он останавливается на структуре изложения, верно характеризуя ее как проблемно–хронологическую – это почти уникальный пример, когда не методолог обратил на это внимание и отразил в работе. Помимо традиционных ссылок на сравнительно–исторический метод, В.В. Прилуцкий обращается к опыту новой политической, новой культурной и новой интеллектуальной истории, особенно акцентируясь на «культурно–интеллектуальной истории», которую понимает как изучение «эволюции идей, истории идей в социокультурном контексте»¹³⁸. Работа В.В. Прилуцкого также являет собой уникальный пример обращения к психоистории – теориям Э. Эриксона¹³⁹ и Э. Фромма¹⁴⁰. Предполагает историк обращаться и к теории партий М. Дюверже¹⁴¹, а также к теории коммуникации¹⁴² Ю. Хабермаса¹⁴³. Диссертация В.В. Прилуцкого посвящена ряду общественных движений в США – антимасонам, нативистам и фрисойлерам. Каждому из движений соответствует одна глава, в которой рассматриваются истоки движения, процесс формирования партии на основе этого движения и оценивается деятельность этой партии. Глава 5 посвящена малым на фоне первых трех движениям – «рабочим партии», «локофоко», «трезвенникам» и «южным

---

¹³⁷ Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820–1850-е гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2015. – 569 с. С. 9–10.

¹³⁸ Там же, С. 10.

¹³⁹ Эриксон, Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996. – 560 с.

¹⁴⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. М., Прогресс, 1990, – 269 с.

¹⁴¹ Дюверже М. Политические партии. М., Академический Проспект, 2000. – 560 с.

¹⁴² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

¹⁴³ Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820–1850-е гг. Брянск, 2015. С. 11.

секционалистам». Вводная глава 1 в целом рассматривает состояние двухпартийной системы США на период исследования. Все протестные движения по мнению В.В. Прилуцкого объединяет их направленность против одного и того же врага – господствующей элиты северо–востока страны, которая, по мнению протестующих, узурпировала права народа, прежде всего право самим устанавливать себе правила¹⁴⁴. Наиболее «выпукло» это выглядит в борьбе антимасонов с «тайными обществами». Нативисты выступали против поддержки элитой иммигрантов и католиков. Фрисойлеры – за наделение фермеров землей и отмену на этой земле рабства. Рабочие выступали за социальные права. Южные секционалисты – за права отдельных штатов. Трезвенники – за «сухой закон» и моральное улучшение общества. Таким образом – делает вывод В.В. Прилуцкий – широкие слои общества боролись против элиты, узурпировавшей их права¹⁴⁵. Начиная с «дела Моргана», протестные движения периодически устраивают «информационные атаки» на власть, к которым в личных интересах присоединялись отдельные представители элит. Периодически эти атаки сменялись ситуативным сотрудничеством с одной из двух ведущих партий. При этом антимасоны и нативисты боролись против предполагаемого масонского или католического заговора, фрисойлеры, локофоко и южные секционалисты требовали реформ, а трезвенников занимали в основном проблемы морально–этического характера. В.В. Прилуцкий настаивает на том, что протестующие не создали развитой идеологии – ими двигали в том числе паранойя, шовинизм, зависть к богатым и успешным, мифологемы¹⁴⁶. Также В.В. Прилуцкий доказывает значительность влияния протестных движений на политику США – в отдельных Штатах был введен сухой закон, многие требования локофоко и рабочих партии были выполнены, антимасоны сумели уменьшить влияние

---

¹⁴⁴ Там же, С. 6.

¹⁴⁵ Там же, С. 6.

¹⁴⁶ Там же, С. 50.

лож в стране, борьба против рабства также нашла свои плоды. Движения пользовались сходной риторикой, но с разным значением – так, левые движения использовали термины «свобода» и «равные права» в классовом значении, а южане – в территориальном, как равноправие Юга с Севером. Нередко участники протестных движений поддерживали не одно, а сразу несколько из них, например, нативизм, сухой закон и отмену рабства. Большинство движений были со временем поглощены одной из двух партий – так, антимасоны влились в партию вигов, а фрисойлеры – в республиканскую. Создать стабильную третью партию так и не удалось никому из них¹⁴⁷.

А.А. Паламарчук пишет исключительно о принципе историзма, который понимает как локализацию изучаемой проблемы во времени и пространстве и демонстрацию ее масштаба¹⁴⁸ – это уникальное определение, в остальном же пишет исключительно о конкретных методах исследования. В то же время методологические основы исследования А.А. Паламарчук тоже представляет, но не в методологическом разделе, а характеризуя значимость работы. Именно там содержится ссылка на сделавшие работу возможной ревизионистские труды Дж. Покока, видного представителя «Кембриджской школы»¹⁴⁹. Однако, А.А. Паламарчук очевидно воспринимает Дж. Покока исключительно как эмпирика, но не как методолога, хотя исходя из текста работы, их методологические воззрения, на наш взгляд, явно были бы близки. Сходным образом и ссылка А.А. Паламарчук на К. Скиннера содержится не в методологическом разделе, причем его подход характеризуется положительно¹⁵⁰. Видимо, исследовательница предпочла обойтись в методологическом разделе стандартными протокольными фразами или не

---

¹⁴⁷ Там же, С. 522.

¹⁴⁸ Паламарчук А.А. Цивильное право в раннеэпохальной Англии: институты и идеи: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Москва, 2016. – 452 с. С. 23–24.

¹⁴⁹ Там же, С. 18–19.

¹⁵⁰ Там же. С. 13.

соотнесла теоретические принципы определенных зарубежных историографических школ с отечественным пониманием сути методологии исследования. А.А. Паламарчук исследует явление гражданского права в Британии раннего нового времени – в частности, существование ряда корпораций юристов, выступающих за интеграцию римского права, шотландской и валлийской правовых систем в общебританскую правовую практику наравне с сугубо английским правом. Эти корпорации получили наименование «цивилистов», а предлагаемая ими правовая система – «гражданского права». А.А. Паламарчук отмечает существенное влияние гражданского права на ряд судов Британии – прежде всего, по вопросам внешней и внутренней торговли, интеграции знати, защиты простого народа, а также в региональных судах Шотландии и Уэльса¹⁵¹. Отмечается также влияние гражданского права на церковные суды. Доктора римского права часто занимали посты судей и были видными интеллектуалами своего времени. На основании этого опровергается распространенный миф о том, что история развития английского права тождественна развитию исключительно общего права и связанных с ним институтов. Для самих англичан возможность использовать общее, гражданское, каноническое право или вовсе «право справедливости» открывала богатые возможности для выбора стратегий защиты в суде. Конфликт систем права был замечен для простого наблюдателя. Сами сторонники разных систем права старались добиться его доминирующих позиций в масштабах страны, поскольку мыслили, по А.А. Паламарчук, во многом как феодалы и упрочить влияние своей корпорации¹⁵², но не предпринимали попыток уничтожить институты конкурирующей системы. Напротив, сторонники общего и гражданского права активно влияли друг на друга – первые использовали в суде максимы и терминологию вторых, которые в свою очередь охотно обращались к прецедентам.

---

¹⁵¹ Там же, С. 103, 400.

¹⁵² Там же, С. 404.

Британские монархи старались поддерживать баланс между различными корпорациями юристов, но особенно поддерживали цивилистов. Благодаря поддержке цивилистов, по мнению А.А. Паламарчук, Тюдорам к концу своего правления удалось эффективно восстановить ряд королевских привилегий¹⁵³. Во многом близость цивилистов к трону объяснялась их умением строить карьеру и личные связи с монархом и представителями элиты. В то же время, в рамках стратегии создания баланса, почти все решения, выносимые лично королями по юридическим вопросам, носили характер компромисса. Карл I нарушает этот баланс, явно тяготея к цивилистам, и этим антагонизировал против себя ряд корпораций юристов общего права, апеллирующих к распространённому мифу о «древней конституции» и на основании этого обвиняющих цивилистов в незаконном расширении полномочий монарха. Внутренне, гражданское право также пережило развитие – цивилисты доказывали, что любая отдельно взятая норма имеет лишь конкретно–историческое проявление, а достичь оптимальной правовой нормы можно только на основе компаративного подхода – с сохранением правовых традиций региональных и культурных автономий, гражданскому праву же отводилась роль медиатора между разнородными традициями. Со временем именно это начало отождествляться оппонентами короны с «антианглийской» направленностью деятельности цивилистов. И цивилисты, и сторонники общего права претендовали на ранее принадлежавшее церкви право оценивать деятельность монарха на предмет соответствия правовой традиции. Победу в институциональном аспекте одержали сторонники общего права – даже реставрация Стюартов и частичное возрождение цивилизма не стало периодом его повторного расцвета. Исключением выступал только Суд Адмиралтейства. Причина того, что цивилизм не возродился после английской революции, по А.А. Паламарчук, – размывание традиционных корпораций цивилистов и утрата

---

¹⁵³ Там же, С. 403.

значимости самой корпоративной идеи¹⁵⁴. Тип изложения материала в диссертации – исключительно проблемный.

Д.Ю. Бовыкин начинает методологический раздел работы с выражения верности принципу историзма, «в соответствии с которым исторические явления рассматриваются в развитии, с учётом процесса их становления и изменения под влиянием тех или иных условий и факторов. Эти явления анализируются, насколько это возможно, в рамках их собственной логики с учётом идейных ценностей и менталитета, характерных для изучаемой эпохи. Однако не вызывает сомнений, что на практике историку сложно избежать как привнесения в исследование своих собственных ценностей, так и ретроспективного взгляда»¹⁵⁵ — это авторское определение, в котором ленинское понимание историзма причудливо смешивается с видоизменённым «как оно есть» Ранке и даже с новомодным контекстуализмом. Далее следует отсылка к теории герменевтики со сносками на Х. Гадамера и П. Рикёра, теории дискурса М. Фуко, просопографическому методу, имагологии и микроистории¹⁵⁶. Работа Д.Ю. Бовыкина направлена против представления о деятельности французских роялистов как о «бессилии эмигрантов», имевшем крайне незначительное влияние на ход истории и носившим характер «ожидания неизвестно чего». Д.Ю. Бовыкин полагает, что такой взгляд порожден ретроспективным искажением, то есть знанием историка к чему привели те или иные события¹⁵⁷. В таком контексте действительно кажется, что во Франции один за другим меняются режимы, а брат Людовика XVI, Людовик XVIII, не имеет к этому никакого отношения. Также, Д.Ю. Бовыкин выделяет как минимум четыре момента за 1794–1799 гг.,

---

¹⁵⁴ Там же, С. 410–411.

¹⁵⁵ Бовыкин Д.Ю. Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории: 1794–1799: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Москва, 2017. – 667 с. С. 37.

¹⁵⁶ Там же, С. 38–40.

¹⁵⁷ Бовыкин Д.Ю. Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории: 1794–1799: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 667 с. С. 625.

когда реставрация монархии была реальной возможностью. Два этих момента относятся к 1795 г. В первом случае Конвент собирался призвать на трон Людовика XVII, умершего прежде, чем эти планы удалось исполнить. Во втором случае Конвент собирался предложить трон уже Людовику XVIII, но был остановлен Веронской декларацией о прощении всем мятежникам за исключением цареубийц – что заставило депутатов Конвента опасаться за свои жизни. В 1797 г. реставрации помешал государственный переворот и приход к власти Директории. Д.Ю. Бовыкин также считает, что Директория в 1799 г. должна была пасть, что привело бы к восстановлению монархии, но этому снова помешал государственный переворот, на этот раз совершенный Наполеоном Бонапартом¹⁵⁸. Отдельно отмечается факт постоянных переговоров новой республиканской элиты с роялистами. Также, на материале полицейских донесений, историк доказывает неуклонную тенденцию в 1794–1799 гг. к росту числа французов, желающих возрождения монархии. Д.Ю. Бовыкин также доказывает, что ни Людовик XVIII, ни его окружение не стремились к возрождению Старого порядка – они защищали королевский суверенитет и опору на католическую церковь как ядро французской монархии, но готовы были отменить сословные привилегии, установить верховенство закона, объявить амнистию¹⁵⁹. Неоднократно, Людовик XVIII обещал даровать подданным конституцию, гарантировать соблюдение права собственности, обеспечить равенство всех перед законом и всесословный доступ к должностям, сохранить республиканское деление страны и налоговую систему, сохранить звания и должности за присягнувшими ему. Ключевой вопрос, которым задается Д.Ю. Бовыкин – почему этот проект оказался менее интересен французам, чем предложенный Наполеоном? Ответ историк видит в том, что Бонапарт предложил политический режим принципиально новой конфигурации, выходящий за пределы дуальности

---

¹⁵⁸ Там же, С. 626–627.

¹⁵⁹ Там же, С. 629–630.

«Старый порядок/Республика»¹⁶⁰. Также успеху роялистов, помешала республиканская пропаганда, систематически высмеивавшая любые инициативы Людовика XVIII, которого с одной стороны именовали предателем собственной семьи, а с другой отождествляли его возвращение с неизбежным полным возрождением Старого Порядка. Всё это совершенно лишило некогда самого популярного члена королевской семьи его позитивной репутации. Сыграла роль и удаленность от Франции – республиканцы требовали гарантий лично от короля, роялисты призывали его возглавить их – Людовик не сумел компенсировать своё отсутствие в стране за счет агентов, и всё время запоздало реагировал на события. Рассматривает Д.Ю. Бовыкин и влияние Просвещения, по его мнению, подорвавшего идеологические основы монархии и подготовившего основу для узурпации власти самозванцами – если для Кромвеля в XVII веке оказалось невозможно объявить себя королем, то Наполеон сделал это спокойно и был признан как во Франции, так и в мире¹⁶¹. В то же время роялисты, вопреки расхожему мифу, по мнению Д.Ю. Бовыкина, отнюдь не были маргинальной политической силой – их воспринимали как реальную угрозу, как врага, иногда превосходящего по силам, чтобы не допустить кажущегося неизбежным возвращения, из-за которого политики шли на перевороты, а чтобы обеспечить себе хоть какое-то будущее в случае возвращения – неизменно шли на тайные переговоры с роялистами¹⁶². Структура изложения носит гибридный, проблемно-хронологический характер – за хронологическим изложением первых четырех глав следует пятая, посвященная идеологии французских роялистов из окружения Людовика XVIII.

А.В. Федин также начинает с признания основной исследования принципов «историзма, научности и объективности», а также системного

---

¹⁶⁰ Там же, С. 630–631.

¹⁶¹ Там же, С. 633.

¹⁶² Там же, С. 635.

подхода¹⁶³, «новой культурной истории», «новой интеллектуальной истории», имагологии и герменевтики, исторической антропологии, этнопсихологии и миссиологии, а также концепций аккультурации и культурного контакта¹⁶⁴. А.В. Федин в изложении придерживается хронологического подхода, фактически набросав развернутую историю иезуитского миссионерства в Новой Франции. Начав с характеристики миссионерской традиции иезуитов, он последовательно рассматривает ряд миссий, организованных иезуитами на данной территории. Особенно отмечается то, как оперативно миссионерам удалось в условиях постоянной угрозы уничтожения молодой колонии ирокезами разработать новые миссионерские стратегии – миссионеров начинают сопровождать слуги, приносящие обет пожизненного служения ордену, упорядочивается туземное духовенство, появляются «летучие миссии», сопровождающие кочевых индейцев или посещающие отдаленные индейские поселения¹⁶⁵. До 60–х гг. XVII в. иезуиты фактически возглавляют колонию, носящую во многом духовный характер. Главными вызовами для иезуитов становятся эпидемии оспы и других болезней 30–х гг. XVII в., а также начавшаяся за ними война с ирокезами. На начальной стадии миссии миссионеры играют роль шаманов – вызывают дождь, лечат болезни, способствуют урожаям – и всячески стараются доказать свою «силу», большую чем у индейских шаманов. Это в целом получается успешно, но имеет и обратную сторону – в массовых эпидемиях индейцы обвиняли именно «силу» иезуитов. Проповеди также накладывались на категории духовного мира индейцев – например, на примере обязательных среди индейцев пыток пленных врагов, иезуиты объясняли суть Ада, причем на индейцев большое впечатление производила новость, что пытка может длиться вечно. В

---

¹⁶³ Федин А.В. Иезуитская миссия в новой Франции в первой половине XVII в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2017. – 637 с. С. 8.

¹⁶⁴ Там же, С. 8–9.

¹⁶⁵ Там же, С. 66, 526, 538, 598.

дальнейшем иезуиты становятся и светскими лидерами обезлюдевших от болезней племен, начинают регулировать нормы жизни неофитов. Также они становятся главным буфером между индейцами и французскими колонистами Квебека. С 1650 года такая уникальная роль иезуитов приводит к конфликту со светской властью, но к этому моменту миссия уже фактически провалилась – ирокезы уничтожили наиболее успешную гуронскую миссию, убили наиболее влиятельных миссионеров, разорили поселения индейских неофитов. Но этот тяжелый период сменяется экспансией, когда миссия распространяется на огромные территории американского континента. А.В. Федин доказывает, что основным мотивом, который двигал иезуитами, был религиозный – в том числе привлекательность мученичества¹⁶⁶.

Б.У. Китинов посвятил методологии один из параграфов первой главы, здесь он обосновывает собственное понимание историзма как «обращение к предыдущим состояниям/стадиям исторического события или процесса»¹⁶⁷. Присутствует ссылка на труды И.Д. Ковальченко – редкий случай, хотя И.Д. Ковальченко, наверное, самый частоцитируемый классик отечественной методологии, его определения нередко используются без сносок, что вызывает теоретическое затруднение – в самом ли деле ученый ссылается на И.Д. Ковальченко или использует плоды его труда бессознательно, воспринимая их как некое «общее место», «априори». Присутствуют ссылки на А.И. Ракитова, М.А. Барга, В.А. Дьякова. В качестве главных методологов номадистики Б.У. Китинов ссылается на В.В. Трепавлова и Т.Д. Скрынникову, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Н.Н.

---

¹⁶⁶ Федин А.В. Иезуитская миссия в новой Франции в первой половине XVII в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2017. – 637 с., С 133, 134, 152, 402.

¹⁶⁷ Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2020. – 546 с. С. 64–65.

Крадина. Обращается и к концепциям строения общества Ф. Барта¹⁶⁸ и Ш. Эйзенштадт¹⁶⁹. Присутствует сноска на М. Вебера. Ссылки даются и на методологов религиоведения, в частности, на В.П. Андросова¹⁷⁰. Определяя суть методологии как теоретических оснований исследования, автор предлагает собственное понимание теоретических понятий и основных категорий буддизма¹⁷¹. Диссертация Б.У. Китинова структурирована по хронологическому принципу, за обзором историографии следуют пять глав, обзорающих историю ойратов и роль в их истории буддизма. Автор доказывает, что принятие буддизма тесно связано было с необходимостью в идеологической основе для отделения западных монголов от восточных, строго связывающих идею власти с получившим ее от Неба родом Чингизидов¹⁷². Б.У. Китинов четко разделяет различные этносы, входящие в ойратскую конфедерацию, объясняет религиозное происхождение этнонима «калмаки»/ «калмыки», которым стали обозначать западных монголов, не принявших ислам¹⁷³. Со временем первая конфедерация ойратов распадается в ходе длительного раскола и миграций. В 1578 г. Алтан-хан и один из патриархов тибетского буддизма, Соднама Гьяцо, воссоздают союз Хубилая и Пагба-ламы, что становится идеологическим фундаментом для повторного объединения ойратов под знаменем буддизма. Соднама Гьяцо получает от хана титул Далай-ламы. Но внешние войны, религиозный кризис школы «желтых шапок», на которую опирались ойраты, и процессы этнической фрагментации приводят часть этого народа к миграции в Сибирь, а потом и в Поволжье. Они всё еще исповедуют тибетский буддизм, но в адаптированной, воинственной форме. Параллельно, то, что осталось от

---

¹⁶⁸ *Barth F.* Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference.* ed. by F. Barth. Bergen, Boston, 1969. Pp. 9–38.

¹⁶⁹ *Eisenstadt S. N.* *Revolutions and the Transformation of Societies.* New York, 1978.

¹⁷⁰ *Китинов Б.У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). М., 2020. С. 65–77.

¹⁷¹ Там же, С. 68–77.

¹⁷² Там же, С. 475–476.

¹⁷³ Там же, С. 476–479.

второй конфедерации, превращается на территории современного западного Китая в Джунгарское ханство. Мигранты в Поволжье же создают Калмыцкое ханство, где народ именовал себя по ведущей группе – торгутами. В 1640 г. ойрато–монгольский съезд утверждает родство двух народов – ойратов и монголов, поддерживает образование ханств и роль буддизма в каждом из них. Калмыцкие лидеры посетили съезд и доставили на Родину экземпляр принятых на нем законов. Около 1650 г. калмыцкий хан получает грамоту на ханский титул от далай–ламы. В 1690 г. начинается долгий цикл войн джунгаров с Империей Цин, в середине XVIII века закончившихся аннексией Тибета Китаем и запретом даже самого этнонима «джунгар». Выжившие джунгары бежали на российскую территорию, Елизавета Петровна приняла их и отправила к калмыкам. В 1640 г. калмыки принимают новый свод законов, в частности, вводящих обязательное обучение мальчиков грамотности для чтения религиозных текстов. Из-за ограничения связей с Тибетом и активно идущей христианизации, правители калмыков в 1771 г. принимают решение об уходе на историческую Родину. Им оказывают противодействие русские войска по приказу Екатерины II, а позднее и казахи по указанию из Петербурга, но они прорываются в Китай и принимают китайское подданство. Б.У. Китинов делает вывод о том, что буддизм оказал позитивное влияние на становление ойратского этноса, однако, он же, будучи использован цинской пропагандой, привел к потере ойратами независимости¹⁷⁴. Россия, по мнению Б.У. Китинова, не смогла «удержать» ойратов именно по причине поверхностного внимания к их религиозным нуждам¹⁷⁵.

Еще один своеобразный этнос – крымских караимов – изучает Д.А. Прохоров. Как указывает сам автор: «Методологической основой

---

¹⁷⁴ Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). Москва, 2020. С. 490.

¹⁷⁵ Там же, С. 488.

исследования являются принципы историзма, объективности и комплексного подхода к источникам. В диссертационном исследовании использовался ряд методологических принципов, общенаучных и специально–научных методов»¹⁷⁶. Ссылается Д.А. Прохоров также на многофакторный подход, методы клиометрии¹⁷⁷ и исторической демографии¹⁷⁸, а также на «анализ контента музейных коллекций»¹⁷⁹. Содержательно работа выстроена хронологически и прослеживает караимскую историю с момента их появления на территориях, в дальнейшем вошедших в состав России. Переселяющиеся в Крым с конца XIII по начало XVI вв., караимы активно взаимодействовали с христианской и исламской частями населения полуострова, а также с евреями. Так, часть караимов была приверженцами иудаизма, а караимизм как религия во многом был основан на иудаизме. В Крымском ханстве караимы как немусульмане получают статус «зимми» и обладают лишь относительной свободой вероисповедания, зато после присоединения Крыма Россией начинается активная интеграция караимов в российские общественные институты, среди них распространяется русский язык и образование. В Российской Империи караимы получают особый религиозный и культурный статус, многие из них ведут успешную экономическую деятельность, к примеру, контролируют крымскую соледобычу и соляную торговлю, основывают табачные фабрики. Караимское население отличается патриотизмом, в частности, активно поддерживая русскую армию в годы Крымской войны¹⁸⁰. Диссертация построена по классическому трехчастному принципу –

---

¹⁷⁶ Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Симферополь, 2019. – 570 с. С. 12.

¹⁷⁷ См. напр. Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1986. – 187 с.

¹⁷⁸ См. напр. Henry L. Population: analysis and models. L: Edward Arnold, 1976

¹⁷⁹ Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время. С. 12.

¹⁸⁰ Там же, С. 568.

историографическая первая глава, за которой следуют вторая и третья, расставленные по хронологии.

Можно отметить, насколько богаче методологические разделы у историков Нового времени по сравнению с античниками и даже медиевистами. Практически ни одна диссертация не обходится без сносок на новаторские подходы XX века – тут и классики советской методологии, и мир–системный подход, и цивилизационный подход, и Фуко, и Саид, и Андерсен, и Хобсбаум, и Кембриджская школа, и Рикёр, и номадистика, и имагология, и герменевтика, и всевозможные «новые истории» и «повороты». Насколько не похоже это на скудые определения античников и большинства медиевистов, по текстам работ которых приходится скорее угадывать некое влияние – со всеми минусами гипотетичности такой реконструкции.

Правда, нагруженные методологические разделы историков Нового времени несут в себе другую сложность для анализа – при наличии сносок на двух десятков классиков довольно сложно понять, как их концепции уживались в сознании конкретного историка, особенно если классики писали взаимоисключающие вещи. Поль Рикёр, например, критиковал школу «Анналов», с долей пренебрежения называя ее методологические опыты «размышлениями ремесленников о своем ремесле»¹⁸¹, и выделял в историческом изложении всего два типа однородности – каузальность, то есть причинность и номологию, понимаемую как апелляция к законам истории¹⁸², Мишель Фуко считал утверждение определенного дискурса одной из форм проявления власти¹⁸³, классики микроистории для построения исторического изложения использовали «казусы» – частные уникальные события, вписанные в социокультурный контекст эпохи.

---

¹⁸¹ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. С. 118.

¹⁸² Там же, С. 206.

¹⁸³ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 22.

Когда все три позиции появляются в методологическом разделе одной работы, мы оказываемся вынуждены ограничиться абстрактной формулировкой о «влиянии» – со всеми недостатками такой формулировки.

В то же время сама закономерность – чем ближе к современности находится период, изучаемый историком, тем меньше он склонен к гиперэмпиризму и более – к рефлексии, и, наоборот, чем дальше от современности изучаемый период, тем скорее историк обращается к наиболее безличным процедурам анализа – уже представляет собой интерес.

Мы уже отмечали ранее, что фактически работы по истории Нового времени – это совокупность «истории оппозиций и маргиналов» и «истории религии и религиозных общин». Прибавим к этому то, что работы, по мере приближения к современности, всё чаще начинают приобретать концептуальный характер – их становится куда сложнее пересказать в двух словах. Особенно это заметно на примере работ на античную тематику. К примеру, А.С. Балахванцев мог долго и обстоятельно разбирать проблему трезубца на парфянских монетах, А.Е. Негин анализировал декоративные элементы доспехов, А.А. Войтенко анализировал историю одного жития, но никто из них не ставил себе, задачу, скажем, доказать, что французские роялисты не были историческими ничтожествами, что пиратство как явление было ближе наемничеству, чем криминалу, и на ранних этапах развития было интегрировано в общество, а на позднем сформировало жизнеспособную альтернативу государству как типу общественной организации, что римское право в XVII веке продолжало развиваться, и составляло жизнеспособную альтернативу развитию обычного права, а ее крах повлиял на процесс ограничения власти монархов в Великобритании, что ход исторического развития США во многом был определен радикалами, движимыми зачастую паранойей, шовинизмом и завистью к богатству и

успеху других. Круг вопросов, которыми задаются историки Новейшей истории заметно шире, чем у античников – являлись ли пираты одним из типов криминальных или социальных бандитов? Какое влияние оказал буддизм на историческую судьбу калмыков? Каково было психологическое или даже психиатрическое состояние американских фрисойлеров?

Отметим, впрочем, что наше обобщение в данном случае носит приблизительный характер, отражающий общую практику, а не всю совокупность историографии – например, работа В.А. Квашина как раз бросает вызов устоявшемуся взгляду на законы о роскоши как о попытке ограничить потребление, дабы заставить знать жить поскромнее, и доказывает, что они служили средством мобилизации римской знати в условиях поражений, понесенных от Ганнибала. Тот же В.А. Квашин задается в работе рядом концептуальных вопросов – например, возможно ли говорить о существовании государства как формы общественной организации у римлян до времени Августа.

Но общая закономерность такова – чем ближе работа приближается к современности, тем больше в работах становится теоретических обобщений и тем сильнее работа становится междисциплинарной не в методическом, а в теоретическом плане.

Диссертации по Средним векам занимают срединное положение между гиперэмпиризмом античников и концептуализмом историков Нового времени. Хороший пример такой «срединности» являет собой диссертация В.Л. Портных, в основном тексте которой автор в целом ближе к гиперэмпиризму античников, но в выводах допускает концептуальные обобщения о формировании в период Крестовых походов универсальной системы пропаганды «священной войны», используемой против любого врага: от турок до гуситов. Некоторые работы, как диссертация С.В. Близнюк, ближе к концептуальным обобщениям, некоторые, как

работа И.И. Шиловой–Варьяш, почти полностью ограничиваются эмпирикой и почти лишены теоретического компонента.

Средний возраст защиты составляет 43 года – практически на три года меньше, чем у историков Античности в целом, и полностью тождественно среднему возрасту историков Рима. Быстрее всего защищаются англоведы и американисты – для них средний возраст на момент защиты составляет 35 лет с явным увеличением этой цифры для востоковедов.

Подводя итоги, можно отметить следующие черты диссертаций по истории Нового времени:

- В целом для исследователей Нового времени актуальны и хронологический и проблемный подходы к изложению материала.

- Для диссертаций по изучению нового времени характерны декларируемые методологические инновации. Лишь малое число диссертаций обходится без отсылок к одной или нескольким из историографических школ XX века.

- Большинство диссертаций имеют два ярко выраженных вектора географической направленности – англо–американский и франко–канадский. Диссертация Д.Н. Копелева находится на стыке эти двух направлений. Представлено одной работой также востоковедческое направление.

- Практически все диссертации, так или иначе, изучают оппозиционные/маргинальные группы, либо историю религиозных общин. Даже диссертации, внешне не попадающие ни в одну из этих категорий, в действительности близки одной из них – так в фокусе работы С.Г. Малкина находится умиротворение властью оппозиционного этнического меньшинства, а А.А. Паламарчук рассматривает альтернативный путь развития британской юриспруденции – и правовую школу, оказавшуюся во многом маргинализированной в годы английской революции.

– Авторы диссертаций активно используют материалы социологии, психоистории и других, смежных с исторической наукой, дисциплин, часто используют для формирования концепции отдельные теории из этих областей знания. Сами диссертации чаще носят концептуальный, а не сугубо эмпирический характер.

– Средний возраст защиты докторской диссертации для исследователей Нового времени меньше, чем для античников и для медиевистов.

§ 7. ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ

Диссертации, посвященные новейшему времени, мы решили разбить на два отдельных параграфа. В данный параграф вошли работы, охватывающие период до 1945 г. включительно. Это:

Номер в списке	Автор	Тема
1.	Вишняков Ярослав Валерианович	Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века
2.	Буранок Сергей Олегович	Тихоокеанская война в оценке американского общества (1941–1945)
3.	Борисенок Елена Юрьевна	Концепции "украинизации" и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.)
4.	Кузьмин Сергей Львович	Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости
5.	Кцоева Султана Гильмидовна	Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Ясперса
6.	Соков Илья Анатольевич	Генезис и эволюция политической культуры Канады XIX – первой половины XX вв.
7.	Наземцева Елена Николаевна	Политико–правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско–советских отношениях 1920–1949 гг.
8.	Сагимбаев Алексей Викторович	Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели эволюции (1918–1939 гг.)
9.	Учаев Антон Николаевич	Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях
10.	Дудин Павел Николаевич	Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.

Обратим внимание на сохранение англо-американского вектора – и в то же время на исчезновение Франции и повышение интереса к Канаде.

Возникает и мощный монгольский вектор – 2 диссертации, одна из которых защищена в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при том, что ведущей организацией выступал ИВ РАН, а в случае с другой ситуация обстоит ровно наоборот.

Тематически резко проявляется военный вектор – две диссертации посвящены Второй мировой войне. В остальном темы достаточно разнообразны – от конструирования наций и колониализма до особенностей монгольской государственности и роли в ней буддизма. Наконец, сохраняется и усиливается российский вектор – что выражается в интересе к жизни русских эмигрантов и одновременно к политике советского руководства на отдельных территориях СССР и советской дипломатии. Сохраняется доля диссертаций по истории Восточной Европы, хотя одна из них включает в себя историю СССР и вошла также в прошлый блок.

Я.В. Вишняков в качестве основной методологии ссылается на теорию модернизации, то есть «перехода обществ от традиционных к современным»¹⁸⁴. В этом контексте ссылается на теорию диалога современной цивилизации с архаикой В.М. Хачатурян¹⁸⁵. Также ссылается на принцип историзма, который понимает как «рассмотрение и оценку событий в ретроспективном контексте»¹⁸⁶. Отмечается и использование подходов «политологии, конфликтологии, социоантропологии и культурологии»¹⁸⁷. Я.В. Вишняков в первую очередь анализирует роль сербской армии в государстве и обществе Сербии. В частности, отмечается особая роль данного института, что связано с конфронтационной психологией общества, являющейся следствием длительной борьбы за независимость, и традиционным крестьянским менталитетом большей

---

¹⁸⁴ Вишняков Я.В. Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2014.- 463 с. С. 14.

¹⁸⁵ Хачатурян, В. М. Диалог с архаикой. Человек. 2006. – № 3. – С. 48–61.

¹⁸⁶ Там же, С. 14.

¹⁸⁷ Там же, С. 15.

части населения. Реформа Милана Обреновича по Я.В. Вишнякову скорее сделала армию главной опорой правящего режима и придала европейский вид, чем всерьез осовременила¹⁸⁸. Особенно отмечается то, что военная реформа не изменила традиционного менталитета сербского солдата, живущего по принципам крестьянской «задруги» и плохо воспринимающего воинскую дисциплину. Я.В. Вишняков отмечает укоренение среди сербской военной элиты идеи «Великой Сербии», приведшее к активизации внешней политики и, в частности, к присоединению Северной Македонии¹⁸⁹. Также эти идеи порождают латентный внутривластный кризис – противостояние армии и гражданских чинов. Последние Я.В. Вишняков оценивает прогрессивно, армию же считает идейно находящейся между «милитаристами» и «террористами» – вчерашними бунтовщиками, еще и расколотыми между династической и антидинастической кликами¹⁹⁰. Все это, по мнению Я.В. Вишнякова, привело Сербию к неудачному участию в Первой мировой войне¹⁹¹.

С.О. Буранок начинает методологический раздел со ссылки на «традиционные методы исторического исследования»¹⁹², после чего подробно расписывает суть историко–имагологического подхода и вводит понятие «воображаемая война», которое определяет как образ войны в общественном сознании, восприятие войны обществом¹⁹³. Ссылается на Эдварда Саида, Ивэра Нойманна и Ларри Вулфа. Подробно расписываются общенаучные методы – системный подход, сравнительно–исторический метод и др¹⁹⁴. С.О. Буранок обращает внимание на особенности

---

¹⁸⁸ Вишняков Я.В. Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2014. С. 434.

¹⁸⁹ Там же, С. 434–435.

¹⁹⁰ Там же, С. 436.

¹⁹¹ Там же, С. 437.

¹⁹² Буранок С.О. Тихоокеанская война в оценке американского общества: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2015, – 484 с. С. 38.

¹⁹³ Там же, С. 39–41.

¹⁹⁴ Там же, С. 42–43.

американской пропаганды, благодаря которым «Тихоокеанская война» была практически сразу же осознана американским обществом, как начало нового периода в истории их страны. Все ключевые события, в числе которых особенно выделяются Перл Харбор, Мидуэй и Хиросима, приобрели собственное значение и собственный культурный код, в дальнейшем используемый в даже приблизительно сходных событиях. В то же время первоначальные образы данных событий в общественном сознании не закрепились, а были существенно деформированы под воздействием общественной дискуссии. С.О. Буранок доказывает, что Вторая мировая война существенно помогла развитию свободы слова в США – критика официальной версии налета на Перл Харбор, непреследуемая публикация в прессе данных военной разведки, общественная критика атомных бомбардировок – всё это привело к тому, что в отношении происходящих на фронте событий сложился консенсус¹⁹⁵. Американская пропаганда сделала выводы из неудач при освещении Перл Харбора и Мидуэя, так что к концу войны пропагандистский комплекс был отлажен настолько, что если в 1941–1942 гг. люди не могли вспомнить, какую именно базу атаковали японцы и были убеждены в решающей роли СССР в войне, то в 1945 г. их письма полны невольными цитатами из прессы, люди внимательно следят за каждой мелкой стычкой. Пропаганда научилась реагировать намного быстрее – особенно это выразилось в процессе «спасения» образа атомной бомбы, все меры проводились в считанные дни. При этом на спасение образа Перл Харбора понадобился год, а на создание образа Мидуэя – месяц. Однако, изменился и уровень критического мышления общества – в 1941 г. власти критиковала только небольшая группа историков, а Рузвельт активно призывал прессу к самоцензуре, в 1945 «неудобное» общественное мнение формировалось

---

¹⁹⁵ Буранок С.О. Тихоокеанская война в оценке американского общества: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2015, – 484 с. С. 439

быстро. Если в начале войны особую роль играли пресс-службы военных ведомств, то к концу они оказались в положении реагирующих на публикации в прессе. Администрация президента научилась это использовать и «спасла» атомную бомбу как раз валом критических публикаций об СССР в прессе¹⁹⁶.

Е.Ю. Борисенок заявляет, что базируется на принципе «объективности» и на «объективных процессах общественно–политического развития»¹⁹⁷. Исследовательница заявляет, что основывается также на «принципах историзма и всесторонности, т.е. анализ проводится с учетом всего объема причинно–следственных связей, с учетом изменения внутреннего содержания процесса в процессе его эволюции, основываясь на полноте и достоверности информации»¹⁹⁸. Это прямо–таки классика немецкого историзма, с его «рассказать как оно есть», но ни Ранке, ни Дройзена, ни других теоретиков Е.Ю. Борисенок не упоминает. Сходным образом не упоминается в рамках какой именно концепции планируется выделять «объективные процессы общественно–политического развития». Диссертация Е.Ю. Борисенок посвящена явлению формирования «украинства» как культуры. В 1918 г., как доказывает автор, украинский язык и культура превалировали только среди сельской бедноты и отдельных националистических движений, болезненно относящихся к конкурирующим проектам национального строительства – «Большой русской нации», «польской идее» в Галиции и румынскому политическому проекту в Буковине¹⁹⁹. «украинскость» противопоставлялась националистами «русскости», «польскости» и «румынскости». Впервые идея «украинскости» принимается на официальном уровне режимом гетмана Скоропадского, особое внимание уделялось украинизации армии.

---

¹⁹⁶ Там же, с. 447.

¹⁹⁷ *Борисенок Е.Ю.* Концепции "украинизации" и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона: 1918–1941 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2015. – 951 с. С. 9.

¹⁹⁸ Там же, С. 9.

¹⁹⁹ Там же, С. 832.

После ввода советских войск в Киев советская власть решила использовать украинский национализм и создает УССР как пример «образцовой» союзной республики – что на тот момент было направлено как на привлечение симпатий националистов, так и с целью трансляции позитивного образа на украинцев, проживающих за рубежом. В то же время в Польше политика приняла двойкий характер – украинские националисты подвергались репрессиям, но также был проведен «Волынский эксперимент» – украинизация школ и церкви в масштабах воеводства. Эксперимент провалился, поскольку украинские националисты требовали автономии, а польское общество не понимало проводимые ради украинцев меры. Румыния проводила жесткую политику ассимиляции проживающих на ее территории украинцев. Чехословакия же в целом благосклонно относилась к украинскому движению, но украинизации в районах проживания украинцев не проводила. Таким образом, единственным государственным образованием, полноценно проводившим украинизацию, был СССР, где Украину впервые определили территориально, насаждали украинский язык, создавали приоритетные карьерные возможности для «украинцев» – впервые в общественном сознании украинцев возникла взаимосвязь между этнической идентичностью и административным контролем над конкретной территорией, образ территории как «своей собственной», принадлежащей титульной нации. Особую активность в этом вопросе проявлял Л.М. Каганович – сторонник украинизации государственного аппарата УССР. В 1932 г ошибки в проведении украинизации признали, начались частичные корректировки курса в виде кампании по борьбе с украинским национализмом – например, осуждение «теории борьбы двух культур» Д.З. Лебеда и репрессии против украинской интеллигенции. «Националистические элементы», проникшие в правительство, были обвинены в срыве хлебозаготовок. Однако, эта кампания не означала полного свертывания украинизации. Если в 1926 г всего 11% населения

городов УССР были украинцами, то в 1939 – 56%. В 1923 г. 30% студентов были украинцами, в 1936 г., например, на рабфаках, эта цифра доходила до 65%. Также Е.Ю. Борисенко делает вывод о заложенной под себя советским руководством «мине замедленного действия» – в конце 1980-х большую часть украинской элиты составляли этнопартократы²⁰⁰.

С.Л. Кузьмин также заявляет, что будет использовать «исторический метод»²⁰¹, но не раскрывает значения этого понятия, сходным образом упоминаются сравнительный и типологический метод. Основную часть методологического раздела занимают пространное разоблачение «буржуазных» и «марксистских» подходов, клеймящих монгольскую теократию отсталой, и последующая этическая декларация: «Данное исследование включает анализ воззрений самих монголов того времени в целях понимания их системы ценностей, мировосприятия, идеологии, обычаев и традиции государственной власти»²⁰². С.Л. Кузьмин, совершенно в духе разобранной выше работы Б.У. Китинова, связывает истоки монгольской государственности с распространением тибетского буддизма и легитимации власти на его основе. Так, Юаньский император и его преемники считались эманациями одного из бодхисатв, а тибетские ламы – императорскими наставниками²⁰³. Ту же систему «унаследовали» маньчжурские императоры династии Цин. С.Л. Кузьмин, отмечает факт угрозы ассимиляции со стороны Империи Цин и существование единственного альтернативного центра власти в лице иерархов монгольского буддизма, что и стало одной из причин для создания теократического режима Богдо-хана²⁰⁴. Другой причиной С.Л. Кузьмин

---

²⁰⁰ Там же, С. 852.

²⁰¹ Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 584 с. С. 33.

²⁰² Там же, С. 33.

²⁰³ Там же, С. 489.

²⁰⁴ Там же, С. 490–491.

называет широкое национально–освободительное движение²⁰⁵. В 1915 г. Кяхтинское соглашение закрепляет автономию Монголии, которую нарушает китайское вторжение 1919 г. С.Л. Кузьмин позитивно оценивает действия барона Р.Ф. Унгерна по освобождению Монголии от китайской оккупации и доказывает, что именно они стали основной причиной создания в 1921 г. независимой Монголии. Отдельно, в главах, посвященных внутреннему устройству монгольской теократии, С.Л. Кузьминым отмечаются причины, по которым классовая борьба в монгольском обществе не привела к появлению революционной ситуации²⁰⁶. Доказывается отсутствие у монголов «духовных феодалов» и крепостничества, обозреваются редкие народные выступления против светских феодалов, зарождение пробольшевистских ячеек, боровшихся с китайской оккупацией и создание МНП. Рассмотрена ситуация, которую С.Л. Кузьмин называет парадоксальной – сочетание правящей революционной партии и абсолютной монархии, приводящее к «Клятвенному договору», лишившему политической власти Богдо–хана²⁰⁷. После смерти в 1924 г. Богдо–хана провозглашается республика, история которой разобрана по периодам «Создания республики», «Правого уклона», «Левого уклона» и «Нового курса»²⁰⁸. Отдельно разбирается показательный террор против лам.

Таким образом, диссертация С.Л. Кузьмина – редкий пример совершенно марксистско–ленинского подхода к написанию работы, и, по крайней мере, в отношении него, можно говорить о «невысказанной методологии».

С.Г. Кцова в своей работе о Ясперсе заявляет следование психоисторическому методу Ясперса, направленному на лучшее понимание интеллектуалов посредством изучения их жизни и целостного

---

²⁰⁵ Там же, С. 490–491.

²⁰⁶ Там же, С. 497.

²⁰⁷ Там же, С. 425–426.

²⁰⁸ Там же, С. 352, 358, 382.

анализа творчества²⁰⁹. Упоминается концепция психоистории Э. Эриксона. Также С.Г. Кцоева заявляет следование методам «новой культурно–интеллектуальной истории»²¹⁰ со ссылкой на Л.П. Репину. В то же время исследовательница указывает, что «изучение общества неразрывно связано с изучением культуры», для анализа «культурных текстов» предлагает использовать методы классиков семиотики, в частности, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и А.И. Филюшкина, а современный этап развития историографии связывает с «антропологизацией исторической науки»²¹¹. Сходным образом приводится и концепция номологии А.С. Лаппо–Данилевского²¹², а также его источниковедческая парадигма, основанная на «различении взглядов автора и исторического источника, воззрений, сложившихся в историографии на разных этапах ее развития, и собственной точки зрения исследователя». Также, С.Г. Кцоева упоминает методы истории идей и, даже, постмодернизма – в духе представления о том, что теория Дарвина представляет собой видоизмененную теорию свободного рынка Адама Смита²¹³. Отдельного интереса заслуживает упомянутый выше психоисторический метод Ясперса, основывающийся на следующих аксиомах:

- Не изучать интеллектуальное наследие Великих как систему взглядов.
- Не изучать его отдельно от биографии.
- Не делить интеллектуальное творчество на аспекты и не изучать их изолированно друг от друга.
- Нет двух одинаковых способов понимания двух уникальных мыслителей.

---

²⁰⁹ Кцоева С.Г. Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Ясперса: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 441 с. С. 36.

²¹⁰ Там же, С. 37.

²¹¹ Там же, С. 54–55.

²¹² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.

²¹³ Кцоева С.Г. Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Ясперса. М., 2017. С. 48–49.

- Погружаться в ситуацию.
- Анализировать поведение и идеи Великих терминами психологии.

При этом С.Г. Кцоева отмечает и уязвимые места психоисторического метода – его субъективность и несоответствие строгим критериям научности за счет высокой роли интерпретации²¹⁴.

Работа С.Г. Кцоевой интересна еще и тем, что автор издала отдельную статью²¹⁵ о собственной методологии, где обосновала собственный подход в рамках выделения исследовательского жанра «интеллектуальной биографии» – подход, прежде всего связанный с методами герменевтики и дискурсивного анализа, а также сочетанием социокультурного и частноинтеллектуального контекстов. Методологии посвящена и первая глава, где широко обосновываются применяемые подходы – в этом отношении работа С.Г. Кцоевой является одной из наиболее методологически продуманных, отдельно автор останавливается на принципиальном тезисе о том, что различные привлекаемые методологические принципы не должны противоречить друг другу. В то же время диссертация не свободна от оценочных суждений, так, С.Г. Кцоева критикует советскую историческую науку за: «экономизм, априоризм, презентизм, материализм, универсализм и идеологизацию»²¹⁶ – и высказывает не подкрепленный ссылками тезис о необходимости современных российских историков изменить понятийный аппарат под применяющийся в западной исторической науке²¹⁷. С.Г. Кцоева выстраивает материал по проблемному принципу – методологическая глава сменяется последовательно задаваемыми проблемными вопросами. Как и в методологическом разделе, текст диссертации содержит много оценок, например, философия Ясперса названа: «Более всего

---

²¹⁴ Там же, С. 286–287.

²¹⁵ Кцоева С.Г. Психоисторический метод Карла Ясперса: особенности и апробация // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 16–27.

²¹⁶ Кцоева С.Г. Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Ясперса. М., 2017. С. 346.

²¹⁷ Там же, С. 347.

соответствующей духу общечеловеческих ценностей»²¹⁸. В то же время нельзя не отметить анализ и характеристику целого ряда текстов Ясперса, от психоисторических и психологических до философских и социологических. Обзор биографии Ясперса представлен достаточно подробно, в частности, особо рассматриваются вопросы влияния на жизнь и интеллектуальное наследие Ясперса концепции «рациональной веры», то есть осознания, что есть вопросы, на которые разум не может ответить²¹⁹, и смертельной болезни бронхов. В числе последствий этой болезни оказались – изоляция от молодежи, негодность к военной службе, постоянные перерывы в работе вследствие обострений болезни, отказ от медицинской практики и так далее²²⁰. Исследовательницей выделяются основные периоды жизни Ясперса – юность, когда Ясперс был германским националистом, переходный период, когда происходит отход от национализма под влиянием брака на еврейке и эмиграции, и послевоенный период, когда уже совершенно космополитично настроенный Ясперс призывает немцев к осознанию коллективной вины за преступления нацизма, идеализирует США и предвещает наступающую глобализацию²²¹. Отдельно С.Г. Кцоева рассматривает дискуссии Ясперса с М. Хайдеггером²²² и Х. Арендт²²³.

И.А. Соков провозглашает в качестве основной методологии своего исследования социетальный подход, определяя его как особый метод для исследования «ценностно–нормативных факторов формирования и развития общества»²²⁴, «стадии институционализации ценностно–

---

²¹⁸ Там же, С. 348.

²¹⁹ Там же, С. 350.

²²⁰ Там же, С. 90, С. 349–350.

²²¹ Там же, С. 219.

²²² Там же, С. 164–185.

²²³ Там же, С. 209–228.

²²⁴ *Соков И.А.* Генезис и эволюция политической культуры Канады XIX – первой половины XX в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Волгоград, 2018. – 570 с. С. 8.

нормативных комплексов культуры»²²⁵, и противопоставляет такому подходу интерсубъективный, направленный на исследование мировоззрения и политических убеждений, который, по собственному признанию, И.А. Соков также использует, после чего перечисляет ряд методов – историко–сравнительный, историко–типологический и др²²⁶. Диссертация И.А. Сокова посвящена хронологии развития политической культуры Канады и начинается с множества определений основного понятия «политическая культура»²²⁷. В общем и целом, исследователь доказывает, что дискуссии о создании канадской государственности с момента своего начала в период 1812–1840 гг. носили исключительно лояльный к Великобритании характер даже со стороны французского населения, а первые политические партии изначально создавались на двуязычной основе²²⁸. Создание Доминиона в 1867 г., хотя и приводит к зарождению общеканадского, англо–канадского и франко–канадского национализма, также не меняет этого лоялизма, всё развитие политической культуры Канады происходит исключительно в рамках заданного метрополией дискурса политической культуры и доктрины «викторианского либерализма». С получения суверенитета в 1931 г. по И.А. Сокову канадская политическая культура пошла по пути расширения прав провинций и перехода бикультурализма в мультикультурализм как основную ценность общества²²⁹. Таким образом, политическая культура Канады была и остается культурой «лоялистской», «либеральной», «мультикультуральной». Кстати, официальным оппонентом на этой защите выступал А.В. Федин, работу которого мы уже рассматривали – в отзыве отмечалось игнорирование И.А. Соковым политической культуры

---

²²⁵ Там же, С. 35, 37, 40.

²²⁶ Там же, С. 8.

²²⁷ Там же, С. 25.

²²⁸ Там же, С. 478–480.

²²⁹ Там же, С. 483.

Новой Франции²³⁰, игнорирование взглядов канадских радикалов, отсутствие примеров функционирования «политической культуры» на уровне истории повседневности, нераскрытое понятие «канадианизм», являющееся основным для работы, но ни разу не определенное²³¹. Другим же оппонентом выступал А.Н. Комаров, чья работа будет рассмотрена ниже – в его отзыве отмечалось игнорирование И.А. Соковым франкоязычных исследователей и интеллектуалов, провинциальных культур, формирующихся часто по национальному признаку²³². В то же время оба отзыва были положительными.

Е.Н. Наземцева в качестве основной методологии исследования провозглашает системный подход, который отождествляет с концепцией многофакторного равновесия А.Д. Воскресенского²³³, согласно которой, государства пребывают между собой в состоянии естественного равновесия²³⁴. Также Е.Н. Наземцева ссылается на диалектический метод – «рассмотрение явлений в их развитии и взаимосвязи» – и одновременно упоминает принцип историзма как рассмотрение явлений в зависимости от их становления и развития и с учетом условий рассматриваемого

---

²³⁰ А.В. Федин. Отзыв на диссертацию И.А. Сокова. Электронный ресурс. Режим доступа:

[https://volsu.ru/upload/iblock/01a/%D0%BE%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2_%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf?ysclid=lioyfncz65980555150] (Дата обращения: 4.04.23).

²³¹ Там же.

²³² А.Н. Комаров. Отзыв на диссертацию И.А. Сокова. Электронный ресурс. Режим доступа:

[https://volsu.ru/upload/iblock/ca9/%D0%BE%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2_%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf?ysclid=lioyhzvnmf681078988]. (Дата обращения: 4.04.23).

²³³ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 405 с.

²³⁴ Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 477 с. С. 55.

исторического периода²³⁵. Также исследовательница пишет, что применяет методы психоистории, антропологии и других социальных наук²³⁶. Е.Н. Наземцева строго хронологически исследует историю русской эмигрантской диаспоры в Китае, изначально – крупнейшей из всех эмигрантских диаспор. В 1917–1924 г. эмигранты оказываются фактически существующими вне правового поля и единственную помощь получают от эмигрантских же общественных организаций. Но с установления дипломатических отношений между Китайской Республикой и СССР в 1925 г. ситуация меняется, китайские власти лишают эмигрантов подданства Российской Империи и вынуждают к принятию китайского или советского паспорта, что приводит к расколу диаспоры. С 1929 г. проведение коллективизации в СССР приводит к новой волне эмиграции и массовому отказу проживающих в Китае эмигрантов от советских паспортов – и одновременно к массовым попыткам решивших всё же вернуться в СССР эмигрантов с советскими паспортами добиться разрешения на въезд. Подробно рассматривается положение эмигрантов на территории Манчжоу-Го и в Синцзяне²³⁷. В первом случае японцы фактически принуждают эмигрантов к принятию паспортов марионеточного государства, но в то же время создают Бюро по делам российских эмигрантов, придавая эмиграции институциональную форму. Во втором же случае первоначально теплое отношение к русским эмигрантам, вплоть до включения их в органы власти, сменяется жестким террором, что приводит к массовому участию эмигрантов в восстании против местного режима. Е.Н. Наземцева также рассматривает печальный конец диаспоры с приходом к власти в Китае КПК – часть эмигрантов была вынуждена вернуться в СССР, где их расселили в Сибири и степях Казахстана, другая часть также была вынуждена покинуть Китай и рассеялась по миру²³⁸.

---

²³⁵ Там же, С. 55–57.

²³⁶ Там же, С. 55.

²³⁷ Там же, С. 314–373.

²³⁸ Там же, С. 438.

А.В. Сагимбаев также ссылается на системный подход, но характеризует его как «диалектическое рассмотрение событий», то есть рассмотрение событий с точки зрения их развития в контексте взаимодействия диалектических противоречий, в сочетании с принципами научности и объективности²³⁹. Отмечается структурирование материала по проблемно–хронологическому принципу, применение методов герменевтики и нескольких других дисциплин – политологии, социологии, психологии и др. А.В. Сагимбаев также предоставляет подробный обзор историографии проблемы британского колониализма, в частности антиимпериалистической традиции. Рассматривается им и концепция «британского империализма» XIX века, основанная на вере в цивилизующую роль Британии, и существующая по сей день²⁴⁰. Частичная ревизия концепции связана была с шоком населения в результате Первой мировой войны и распространением вильсонских принципов в международных отношениях, создающих колониальным империям неблагоприятный моральный фон. В результате Британия начинает постепенные эксперименты с косвенными методами контроля в рамках концепции «социалистического империализма» – подготовки колоний к самостоятельной государственности. А.В. Сагимбаев подробно рассматривает два типа такого контроля – формальное признание независимости при сохранении на территории страны войск, а также ряда неравноправных договоров, устанавливающих фактический контроль над внешней и внутренней политикой формально независимого государства, как это было в Египте²⁴¹ и введение широкой федерализации и системы местного самоуправления с опорой на местные элиты при формальном

---

²³⁹ Сагимбаев А.В. Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели эволюции: 1918–1939 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2018. – 508 с. С. 10–12.

²⁴⁰ Там же, С. 147–199.

²⁴¹ Там же, С. 470–472.

сохранении британского присутствия, как это было в Индии²⁴². Доказывается, что в хронологических рамках исследования первый подход показал свою эффективность, в частности – сохранил за Британией Суэцкий канал, а второй – наоборот, ускорил получение Индией полной независимости²⁴³.

А.Н. Учаев, в духе школы И.Д. Ковальченко, начинает методологический раздел с перечисления используемых им общенаучных методов – индукции, дедукции, логики, системности, классификации, статистики и др. Принцип историзма А.Н. Учаев понимает как рассмотрение событий во временной связи²⁴⁴. Также, А.Н. Учаев ссылается на «синергетический подход²⁴⁵, направленный на изучение точек бифуркации, перехода системы в качественно новое состояние»²⁴⁶. А.Н. Учаев разбирает двоякость участия Канады во Второй мировой войне в контексте целей канадского либерального правительства, пытающегося одновременно получить международный престиж от участия в войне, улучшить экономическое положение и не обрушить собственные рейтинги большими потерями в этой войне – и делает вывод об успешном выполнении канадским правительством всех этих задач²⁴⁷. Канадский экспедиционный корпус насчитывал пять дивизий и состоял исключительно из добровольцев, также канадцам передали польские и голландские части. Возникшие проблемы с пополнением и особенно насыщением старшими офицерами с опытом командования крупными войсковыми соединениями так и не были решены, флот, состоящий из

---

²⁴² Там же, С. 469–470

²⁴³ Там же, С. 56–58.

²⁴⁴ Там же, С. 39.

²⁴⁵ *Бородкин Л.И.* «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований. Электронный ресурс. Режим доступа свободный: [<https://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/html/chaos.htm>] (Дата обращения: 31.01.2023).

²⁴⁶ *Учаев А.Н.* Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 547 с. С. 39.

²⁴⁷ Там же, С. 439.

сторожевых кораблей и эсминцев, в основном сопровождал конвои в Британию – основные же силы непрерывно удерживались на территории страны под предлогом «защиты от вторжения в Канаду». При этом канадцы активно зарабатывали за счет производства военных товаров второго эшелона – транспортных кораблей, тренировочных самолетов, автомобилей с американскими двигателями – и поставок сырья. Главным итогом участия Канады во Второй мировой войне, А.Н. Учаев называет выход страны из сферы влияния Великобритании и полная интеграция в политическую, экономическую и военную сферу влияния США²⁴⁸. В то же время исследователь отмечает, что на его взгляд у Канады не было никакой исторической альтернативы такому переходу и возможности стать для США равным партнером. Также, А.Н. Учаев призывает при всех недостатках канадской армии воспринимать ее как армию страны, которой по большому счету не нужна армия²⁴⁹.

П.Н. Дудин прежде всего отмечает междисциплинарный характер своего исследования, находящегося на стыке социальной философии, истории и политологии. Исходя из этого автор выделяет и определяет «исторический метод», «институциональный метод», «сравнительный метод», «системный метод» и «проблемно–хронологический метод»²⁵⁰. В первой главе исследования содержится более подробное освещение методологических принципов – в частности «диалектического или общеполитологического метода», понимаемого как зависимость процессов от международной обстановки и их влияние на нее – по версии П.Н. Дудина²⁵¹. Из необычного также упоминается «идеографический или описательно-повествовательный метод», то есть создание целостного

---

²⁴⁸ *Учаев А.Н.* Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 547 с. С. 433.

²⁴⁹ Там же, С. 435–438.

²⁵⁰ *Дудин П.Н.* Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2020. – 340 с. С. 88–105.

²⁵¹ Там же, С. 88.

представления – опять же, по П.Н. Дудину²⁵² и «нарративный метод», связывание ранее не кажущихся взаимозависимыми событий²⁵³. Приводит исследователь и описание принципа историзма как «описания государственности как части уже возникшего процесса, который когда-то пережил момент зарождения», «исторической картины в динамике»²⁵⁴. Упоминается и дискурс-анализ – как понимание замысла изучаемых статей²⁵⁵. П.Н. Дудин начинает диссертацию тезисом об исконном рассмотрении Внутренней Монголии со времен эпохи Мин как «конфедерации союзников» и «буфера», что привело к обособлению государственных структур Внутренней Монголии и встраиванию ее в Империю Цин на правах автономии²⁵⁶. Уклад жизни автономии не претерпел изменений с XVII по начало XX века, политической консолидации между князьями не было, каждый хошун взаимодействовал с властями строго самостоятельно, единого властного центра так и не сложилось. Во многом это вызвано умелой политикой Цинских властей по расколу Внутренней Монголии, благодаря которой в ходе поражений Китая в XIX веке, Монголия осталась едва ли не единственным всецело лояльным регионом, чьи правители больше заняты были конкуренцией за титулы и привилегии. Одновременно Китай скупал монгольские земли у князей и расселял в Монголии своих колонистов. Полностью интегрировать Монголию Империи Цин помешала только Синьхайская революция – и республиканская власть начинает политику жесткой интеграции, деля Монголию на провинции и лишь ставя во главе ведомства по делам Монголии и Тибета этнического монгола. П.Н. Дудин отмечает позитивные, с его точки зрения, для России последствия русско–

---

²⁵² Там же, С. 90.

²⁵³ Там же, С. 90.

²⁵⁴ Там же, С. 90.

²⁵⁵ Там же, С. 92.

²⁵⁶ Там же, С. 438–439.

японской войны в виде деления сфер влияния²⁵⁷ – России перешла Внешняя Монголия, а Японии – Внутренняя. Монголы восточной части Внутренней Монголии активно контактируют с Японией, в то время как Российская империя устанавливает во Внешней Монголии режим теократии после «октябрьского переворота», под внешним влиянием трансформированный в управляемый просоветский режим²⁵⁸, Япония закрепляется во Внутренней Монголии, что выражается в создании марионеточного государства Монгол-Го. П.Н. Дудин отмечает создание японцами государственного аппарата и административно-территориального деления Монгол-Го и оценивает этот проект как успешный на том основании, что Монгол-Го сохраняет свой статус до самого поражения Японии в 1945 г.²⁵⁹. Поддержка монголами японцев объясняется их борьбой за свои традиции и образ жизни против китайской колонизации. В то же время он отмечает сильную зависимость данного государства от Японии и неспособность существовать без ее поддержки, что и привело к падению Монгол-Го²⁶⁰. Завершается диссертация оценкой текущего статуса Внутренней Монголии как автономии в составе КНР как верного со стороны китайских властей курса и призывом к Внутренней Монголии сотрудничать с Россией в рамках инициативы «Один пояс – один путь»²⁶¹.

Таким образом, мы видим, что на данном хронологическом отрезке, отмеченная нами ранее закономерность на рост методологических разделов ломается – в работах Я.В. Вишнякова, Е.Ю. Борисенок, С.Л. Кузьмина, Е.Н. Наземцевой, И.А. Сокова, А.Н. Учаева, П.Н. Дудина о методологии сказано мало, и в лучшем случае подробно перечисляются используемые методы, часто – в авторском изложении. Исключением из

---

²⁵⁷ Там же, С. 343.

²⁵⁸ Там же, С. 344.

²⁵⁹ Там же, С. 346.

²⁶⁰ Там же, С. 351.

²⁶¹ Там же, С. 353.

тенденции к обеднению методологических разделов выступает работа С.Г. Кцоевой, методологический раздел диссертации которой написан с большой тщательностью.

Отметим также, что в работах по истории Новейшего времени часто, хоть и в разной степени, встречается марксистская терминология – так что упрощенный методологический раздел может выступать намеренным умолчанием о методологических симпатиях исследователя к марксизму–ленинизму. Особенно ярко это касается диссертации С.Л. Кузьмина, где нашлось место анализу монгольского феодализма, классовой борьбы в монгольском обществе, несостоявшейся революционной ситуации, национально–освободительного движения и даже пробольшевистских сил. Отметим, что такое буквальное следование канонам советской историографии уникально и возможно отчасти связано с возрастом исследователя. Для большинства исследователей марксистско–ленинская методология актуальна скорее по содержанию, чем по форме – как правило, используются ее отдельные части. Так, А.В. Сагимбаев оперирует концепцией империализма, но в данном случае речь об историографическом штампе, а не о соответствующей стадии развития капитализма. Даже критикующая советскую историографию Е.Ю. Борисенок остается по сути на совершенно материалистических позициях, и, например, критикует историков, связывающих украинизацию с «национально–патриотическим подъемом украинцев» или какими–то интригами большевиков, сделавших «временную уступку» украинцам с целью их дальнейшей русификации – и обращает особое внимание на, перефразируя И.Д. Ковальченко «рационально–идеологическую» сторону. Сходным образом, Е.Н. Наземцева, критикующая неуклонный рост репрессивного характера советской власти, ссылается на «диалектический принцип». Отметим, что сходная ссылка встречается довольно часто во многих диссертациях, хоть и в разных определениях и никогда – в сочетании «диалектический материализм». В то же время советская

методологическая матрица хоть и привлекается частично, никогда не воспроизводится полностью, даже в работе С.Л. Кузьмина, абсолютно марксистской по форме и содержанию, налицо определенное новаторство – позитивная оценка деятельности барона Унгерна в Монголии, а также решающей роли буддизма в становлении монгольской государственности.

На наш взгляд, тенденция на ревизию марксизма не принимает собой, собственно, вид ревизии марксизма как идеологии и даже наиболее «общих» мест марксистской исторической теории – «формаций», «способов производства», «классовой борьбы», «национально-освободительных движений», «буржуазных и социалистических революций» – речь скорее о сугубо инструментальной стороне марксистско-ленинской историографии, выражающейся в материалистическом взгляде на исторический процесс, особом внимании к истории социальных групп и идеологии как явлению, источниковедческой парадигме. Как мы отметим в дальнейшем, сходные идеи высказывал в постсоветский период академик И.Д. Ковальченко.

С другой стороны, помимо «тихой ревизии» марксизма налицо и существующая контртенденция на демонстративное от него отмежевание – наиболее заметно это в работе С.Г. Кцоевой, как мы показали выше, негативно оценивающей советскую историографию и, напротив, идеализирующей современную западную историческую науку с ее приоритетом на изучение культуры. То же отмежевание отмечено нами у Я.В. Вишнякова, объясняющего большую часть событий истории Сербии начала XX века тезисом об «отсталости» большинства населения и особенно военной элиты, и частично у И.А. Сокова – и также связано с особым интересом к истории культуры, ценностей, мировоззрения, хотя И.А. Соков параллельно ссылается на источниковедческий подход И.Д. Ковальченко, так что в его случае отмежевание нельзя считать полным.

При детальном рассмотрении содержания диссертаций стал очевиден еще один тренд, не следующий из названий исследований – особое

внимание к идеологии и пропаганде. Военной пропаганде и конструированию образа решающего вклада США в войну посвящена диссертация С.О. Буранка, идеологию военной элиты Сербии рассматривает Я.В. Вишняков, «украинизацию» как часть советской идеологии рассматривает Е.Ю. Борисенок, С.Л. Кузьмин и П.Н. Дудин особо останавливаются на идеологическом значении буддизма для монголов, И.А. Соков в том числе рассматривает, как на Канаду повлияла британская либеральная традиция, на роли Ясперса как идеолога глобализма и идеологического конструкта «покаяния» послевоенной Германии останавливается С.Г. Кцоева, эволюции идеологии британского империализма частично посвящена работа А.В. Сагимбаева.

В таком особом внимании нет ничего удивительного – история XX века напрямую связана с развитием и взаимодействием идеологий, будь то коммунистическая, либеральная или фашистская – но в данном случае мы не можем не отметить определенное сходство рассмотренных диссертаций с работами по новой истории, при должном к ним внимании также затрагивающими вопросы идеологии – в той мере, в котором это понятие в принципе можно употреблять к обществам нового времени. С.Г. Малкин нигде не употреблял термин «британский империализм», но писал по большому счету об истоках той традиции «расчеловечивания» варваров и утверждения цивилизующей роли Британии, развитие которой рассматривал А.В. Сагимбаев. В диссертации А.А. Паламарчук нет фокуса на происхождении британской либеральной традиции, хотя фактически рассматривается становление ее правовых основ, ведь победа «общего права» над «цивильным правом» сыграла роль в установлении принципа верховенства закона и подготовила основу для представлений о британской исключительности и об английском праве как наиболее «цивилизованной» системе по отношению к местным системам права. Диссертация И.А. Сокова показывает, как британская либеральная традиция приживалась в Канаде и как на нее повлияла либеральная

традиция США, А.Н. Учаев же соотносит эту традицию с реально существовавшей политической практикой. В.В. Прилуцкий пишет о временах, когда либеральная традиция в США еще не приобрела законченный вид – и о влиянии, в том числе на эту традицию, идеологии ряда радикальных группировок, – С.О. Буранок показывает, посредством каких механизмов носители этой традиции манипулировали общественным мнением и «переписывали историю по мере написания». Не нуждается в пояснении сходство работ Б.У. Китинова, С.Л. Кузьмина и П.Н. Дудина, объединенных интересом к политико–идеологическим проявлениям монгольского буддизма у разных ветвей одного и того же народа Внешней и Внутренней Монголии, а также у «западных» монголов. Такая преемственность не только географических векторов, но и нарративов новой и новейшей истории – во многом уникальна.

В предшествующие периоды мы могли лицезреть ее отдельные элементы – например, интерес к римскому праву от, собственно, Рима до эпохи Стюартов, или к французскому королевскому двору как в эпоху его расцвета так и буквально в эмиграции – но применительно к новой и новейшей истории эта тенденция складывается настолько, что фактически работы можно «сложить» во вполне четкий нарратив.

Средний возраст защиты докторской диссертации составляет 42 года – т.е., на данном этапе исследования мы можем сделать вывод, что средний возраст защиты докторской диссертации снижается по мере приближения к настоящему по хронологии. Этот возраст напрямую не коррелирует с полом, тематикой работы или географическим вектором. В то же время отметим, что опять же, в зависимости от хронологии, неуклонно растет число исследователей, защитивших диссертации до достижения сорокалетнего возраста – среди античников такая диссертация была всего одна, среди историков нового и новейшего времени их по три.

Таким образом, из параграфа можно сделать следующие выводы:

– Доминирующий вектор исследований лежит в области истории стран «Североатлантического треугольника» – США, Великобритании и Канады. Второй доминирующий вектор – «азиатский» в основном сосредоточен вокруг истории Монголии, Китая и их взаимодействия с Советской Россией.

– Вне доминирующих векторов лежат диссертации, посвященные либеральному немецкому мыслителю, сербской армии, и истории украинцев на территориях СССР, Польши, Чехословакии и Румынии.

– Тематически, исследовательские векторы историков Новейшего времени во многом пересекаются с таковыми у историков Нового времени. Центральным можно считать фокус на истории идеологии и пропаганды. Присутствует широкий интерес к истории Второй мировой войны.

– Методологически, наблюдаются как попытки интеграции марксистско-ленинского теоретического наследия, так и жесткого отхода от них под знаменем принципа культурного детерминизма.

– Диссертации по Новейшему времени, хотя и пересекаются с диссертациями по Новому времени тематически, используют иной аппарат основных понятий, что делает неочевидным тематическое сближение в действительности довольно близких друг другу работ. Например, там, где С.Г. Малкин говорит о колонизации, А.В. Сагимбаев говорит об империализме. Эти нюансы отчасти нивелируются при детальном сопоставлении и анализе основных тезисов работ, но на этапе первичного анализа могут представлять определенную сложность, по крайней мере для неподготовленного читателя.

– Средний возраст защиты докторской диссертации у исследователей новейшего времени меньше, чем у исследователей Античности и нового времени.

§ 8. ИСТОРИЯ ПОСЛЕ 1945 Г. В ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ

Понятие «современность» используется в принципиально разных значениях – еще раз оговоримся, что применительно к данной работе мы используем его в значении «история после 1945 г.». В таком контексте в фокус рассмотрения попали все оставшиеся диссертации.

Номер в списке	Автор	Тема
1.	Комаров Андрей Николаевич	Идеология и политика канадских консерваторов (1980-е – 2010-е гг.)
2.	Хахалкина Елена Владимировна	Политика британских консерваторов в отношении европейской интеграции и деколонизации (1945–1964 гг.)
3.	Долгов Борис Васильевич	Генезис исламистского движения в общественно– исторической динамике Алжира, Туниса и арабо– мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы.
4.	Калинин Александр Александрович	Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы (1944–1953 гг.)
5.	Филин Никита Александрович	История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран (1979–2019 гг.)

По ряду ключевых направлений диссертации по современной истории продолжают тренды, отмеченные нами ранее – в частности «Североатлантический» вектор. Но возникают и несколько новых тенденций – прежде всего, это интерес к исламским странам и Холодной войне. Довольно любопытно также, что в обоих «североатлантических» случаях в центре внимания оказываются именно консервативные партии.

Методологически ситуация обстоит следующим образом.

А.Н. Комаров в первую очередь декларирует опору на принцип историзма, понимаемый как рассмотрение предмета исследования в его генезисе и историческом становлении²⁶². Присутствует также короткая сноска на «системный метод» как соединение воедино истории предмета

---

²⁶² *Комаров А.Н.* Идеология и политика канадских консерваторов: 1980-е – 2010-е гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2015. – 528 с. С. 10.

исследования и комплексный анализ максимального числа источников по теме исследования. Также, А.Н. Комаров ссылается на методы и понятийный инструментарий политологии²⁶³. Диссертация А.Н. Комарова посвящена идеологии консерватизма, которая в качестве основной черты «ориентирована на обобщение прошлого исторического опыта и на использование его важнейших достижений для поступательного развития общества в будущем»²⁶⁴. По мнению А.Н. Комарова, канадский консерватизм всецело соответствует консервативной традиции и представляет собой политическую идеологию, основанную на политическом равенстве, теории разделении властей, двухпартийности, конституционализме, свободе личности, патриотизме, традиционализме, монархической идее»²⁶⁵. Данная идеология развивалась под существенным влиянием британской и американской традиции – отсюда приверженность двухпартийной системе. В то же время отмечается несовпадение по вопросу отношения к монархической идее. Внутриполитически отмечается курс консервативных правительств на достижение устойчивой договоренности по франко–канадскому вопросу. Внешнеполитически – курс на американо–канадскую интеграцию, вопреки проводимому П. Трюдо курсу «третьей альтернативы» то есть снижения зависимости от США. Подробно рассматриваются этапы становления идеологии – прежде всего на британском, американском и канадском материале²⁶⁶.

Е.В. Хахалкина также в первую очередь ссылается на «принципы историзма и системности» как рассмотрения предмета исследования «в указанный период в динамике их изменений в конкретно–исторических условиях»²⁶⁷. В остальном характеризуются исключительно частные

---

²⁶³ Там же, С. 10.

²⁶⁴ Там же, С. 3, 85–86, 100, 197.

²⁶⁵ Там же, С. 489.

²⁶⁶ Там же, С. 154–227.

²⁶⁷ *Хахалкина Е.В.* Политика британских консерваторов в отношении европейской интеграции и деколонизации: 1945–1964 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Томск, 2016. – 500 с. С. 31.

методы работы, например контент-анализ²⁶⁸. В работе Е.В. Хахалкиной речь идет о консерватизме на британском материале. Основные черты британского консерватизма, исследовательница выводит от Э. Берка – «преемственность и обновление социальных связей, защита монархии, христианства и привилегий высших кругов страны, балансирование и гибкость по отношению к внешним обстоятельствам»²⁶⁹. Следующей вехой развития консерватизма Е.В. Хахалкина считает принцип социального патернализма Б. Дизраэли, согласно которому способные индивиды занимают привилегированные позиции и обязаны заботиться об остальных, для чего нужно расширять империю, что приведет к росту уровня жизни, поскольку империя есть источник процветания страны²⁷⁰. В середине XIX века по Е.В. Хахалкиной возникает и концепция империализма – представления о том, что расширение империи несет процветание покоренным ей народам. Тогда же рождается представление о национальной миссии – сплочении всемирной империи²⁷¹. В третьей четверти XIX века этот идейный багаж пополняется концепциями социал-дарвинизм и бремени белого человека. Эти идеологемы сочетаются с политической гибкостью в отношении экономики и опорой на успешное управление, а не абстрактные теоретические принципы. Разбирая взаимоотношения консерваторов и либералов, Е.В. Хахалкина отмечает, что применительно к Британии обе силы при частных разногласиях изначально составляли единую консенсусную систему²⁷². Рассматривается и представление об антиидеологическом характере консерватизма как идеи²⁷³. В таком контексте поняты перемены, которые претерпела политика консервативных правительств в период после Второй мировой войны – в частности, процессы формирования векторов на евроинтеграцию

---

²⁶⁸ Там же, С. 32.

²⁶⁹ Там же, С. 61.

²⁷⁰ Там же, С. 64–65.

²⁷¹ Там же, С. 67.

²⁷² Там же, С. 68.

²⁷³ Там же, С. 72.

и деколонизацию. На начальном этапе данных процессов, по указанию Е.В. Хахалкиной, приоритетом выступал второй – преобразование империи в содружество – а в отношении французских инициатив по евроинтеграции, Британия во многом выступала наблюдателем. Политика по созданию Содружества вылилась в привлечение США и стран Западной Европы к оказанию финансовой помощи бывшим британским колониям, что было вызвано стремлением укрепить союз с США и неспособностью метрополии в полной мере сохранять своё влияние на бывшие колонии, используя только собственные ресурсы. Е.В. Хахалкина доказывает, что поворот к евроинтеграции стал не результатом сознательной политики, а следствием противоречий с США в сфере безопасности²⁷⁴. В то же время интеграция Британии в европейские структуры противоречила принципу преференциальности экономических связей со странами Содружества. За данный принцип Лондон продолжал цепляться для сохранения лидирующих позиций среди стран Содружества и прозападной ориентации стран Содружества в условиях Холодной войны, а вовсе не из экономических соображений. В рамках экономики же, по Е.В. Хахалкиной, такая политика скорее вредила Великобритании²⁷⁵. Исследовательница доказывает и столь же незапланированный характер деколонизационных мероприятий «Года Африки» – Британию «продавили» через ООН две сверхдержавы²⁷⁶. Стремлением поддерживать свои позиции в Содружестве Е.В. Хахалкина объясняет также невнятные меры по иммиграционному вопросу. В то же время на «идеологическом» уровне колониальные дела сместились на третье место после англо–американского союза и европейской интеграции²⁷⁷.

В масштабной двухтомной работе А.А. Калинина декларируется опора на принцип историзма, понимаемый как «анализ событий и явлений как

---

²⁷⁴ Там же, С. 443.

²⁷⁵ Там же, С. 443.

²⁷⁶ Там же, С. 444–445.

²⁷⁷ Там же, С. 446.

феноменов конкретной исторической эпохи»²⁷⁸ и одновременно на многофакторный подход²⁷⁹, без использования термина «позитивизм». Также исследователь приводит сноску на алгоритм анализа международных конфликтов Р.А. Сетова²⁸⁰. В методической части ссылается на И.Д. Ковальченко и Л.Н. Мазур.²⁸¹ А.А. Калинин исследует «греческий конфликт», который делит на три стадии – предконфликтную (1944–1946 гг.), гражданскую войну в Греции (1946-1949 гг.) и постконфликтную стадию (1949-1953 гг.) – причем противоборствующие стороны этого конфликта опирались на СССР и США соответственно. Конфликт привел к установлению Америкой Греции в качестве барьера между СССР и Средиземным морем: «Греция оказалась на переднем рубеже холодной войны и была превращена в своего рода полигон по отработке методов удержания европейских стран в орбите влияния Запада, где был испытан практически весь арсенал средств противодействия «красной угрозе»»²⁸². Причины конфликта объясняются в первую очередь географическим положением Греции, а также ролью преимущественно левого Национально–освободительного фронта в освобождении страны от немецко–фашистских захватчиков. На предконфликтном этапе Запад пытался любой ценой не допустить установления в Греции коммунистического режима, СССР же выступал за легализацию Коммунистической партии Греции как парламентской силы по французскому и итальянскому образцу. Советский проект не был

---

²⁷⁸ Калинин А.А. Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы: 1944–1953 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Киров, 2018. – 874 с. Т. 1. С. 45.

²⁷⁹ Там же, С. 45.

²⁸⁰ Сетов Р.А. Конфликт и кризис: категориальные комплексы в теории международных отношений. Введение в теорию международных отношений: Учеб. Пособие. Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001. С. 178–214; Он же. Международный конфликт и кризис: понятийный аппарат и аналитические позиции. Основы общей теории международных отношений: Учеб. Пособие. Под ред. А.С. Манькина. М., 2009. С. 453–485.

²⁸¹ Калинин А.А. Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы: 1944–1953 гг. Киров, 2018. Т. 1. С. 45–46.

²⁸² Там же, С.5.

реализован вследствие развернувшегося «белого террора». В то же время и вооруженная борьба КПГ, по А.А. Калинину, была обречена из-за нерешительности партийного руководства, целый год после начала боевых действий летом 1946 г., пытавшегося вести переговоры с властями²⁸³. Решение о начале полномасштабной гражданской войны было принято только осенью 1947 г. – к этому моменту Британии уже удалось втянуть США в греческий конфликт. Сказалась и позиция СССР, признающего Грецию частью западной сферы влияния и только спекулировавшего греческим вопросом для улучшения переговорных позиций с Западом в попытках добиться вывода британских войск из Греции – что привело к фактической поддержке греческих повстанцев лишь дипломатическими методами и, более того, отсутствию поддержки Кремлем вооруженной борьбы КПГ. В то же время Сталин не возражал против оказания такой поддержки повстанцам со стороны Югославии. Рубежом становится 1947 г. – после публикации доктрины Трумэна, СССР в режиме строгой секретности начинает поставки оружия и снаряжения греческим партизанам. Но и эта поддержка остается ограниченной вопреки страхам афинских властей и надеждам партизан на «испанский сценарий» и съезжающиеся со всего коммунистического мира интербригады. В конечном счете повстанцы так и не смогли выставить армию, способную нанести поражение правительственным войскам – и это стало решающим фактором, почему поддержка Москвы так и осталась ограниченной. А.А. Калинин отмечает и различие в целях сторон, в то время как СССР искал компромисса, США не ждали от КПГ ничего, кроме капитуляции²⁸⁴. В конечном же счете, по мнению исследователя, поддержка США стоила правящему греческому режиму суверенитета. Глобально «Греческий конфликт» завершился уверенной победой США.

---

²⁸³ Там же, С.318.

²⁸⁴ Там же, С. 330.

Б.В. Долгов в качестве основной методологии ссылается на диалектико–материалистический подход²⁸⁵ – это уникальный случай. Упоминаются многофакторный подход П.А. Сорокина, теория «социального поля» П. Бурдьё²⁸⁶, теория многомерности исторического процесса В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона²⁸⁷, а также принцип историзма²⁸⁸. Кстати, оппонент А.Д. Саватеев в своем отзыве поставил Б.В. Долгову такой методологический выбор в вину, настоятельно рекомендовав следовать цивилизационному подходу. Тот же оппонент выступает против термина «идеология исламизма», считая, что неправильно применять его к религии²⁸⁹. Диссертация Б.В. Долгова содержит четыре главы – в первой рассматривается идеология исламизма и взгляды основных ее идеологов, вторая и третья посвящены исламизму в Алжире и Тунисе соответственно, четвертая – арабо–мусульманской диаспоре Франции. Прежде всего, автор доказывает, что исламистское движение является следствием гетерогенности ислама, вследствие которой различные движения, секты или даже «идеологи»²⁹⁰ могут позиционировать себя как носителей «подлинного ислама»²⁹¹. Идеологи исламизма противопоставили

---

²⁸⁵ Долгов Б.В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. М., 2017, – 606 с. С. 14.

²⁸⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.

²⁸⁷ Келле В.Ж. Ковальзон М.Я. Теория и история: проблемы теории исторического процесса. М, Политиздат, 1981. – 290 с.

²⁸⁸ Долгов Б.В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы. М., 2017. С. 15–16.

²⁸⁹ А.Д. Саватеев. Отзыв на диссертацию Б.В. Долгова. Электронный ресурс. Режим доступа:

[\[Otzyv_oficialnogo_opponenta_d.i.n._Savateeva_A.D._na_dissertaciyu_Dolgova_B.V..pdf \(ivran.ru\)\]](#) (Дата обращения – 10.03.23).

²⁹⁰ Термин Б.В. Долгова.

²⁹¹ Долгов Б.В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы. М., 2017. С. 55.

«исламский путь» западным идеологиям, прежде всего либерализму – при этом утверждается, что именно общественное устройство, основанное на законах шариата, закрепит основные права и свободы мусульман, в том числе свободу мнения, право на собственность на образование и др. что обозначается термином «исламская социальная справедливость»²⁹². Исламизм, по Б.В. Долгову, набирает силу в странах Магриба как ответ на социально-экономические проблемы и коррупцию, связываемые населением с влиянием Запада. Во Франции же распространение исламизма, по мнению исследователя, связано с борьбой мусульман за равные права. В то же время «вдохновением» исламистам служили победа революции в Иране и война в Афганистане. В частности, в ходе войны в Афганистане США широко спонсировали исламистские организации. После краха режима Наджибуллы ветераны–моджахеды стали костяком исламистских организаций по всему миру. Так, алжирские «афганцы» сплотили вокруг себя ряд исламистских организаций в своей стране. Сказался на зарождении исламизма и крах СССР – до которого арабские страны тяготели к «исламскому социализму». Более того, по указанию Б.В. Долгова, каждая победа исламизма в какой-либо стране становится «факелом», вдохновляющим его последователей в других странах – так, победа исламистов в 2011 г. в Тунисе привела к выступлениям в Алжире²⁹³. Рассматривается история Алжира с попыток построения «исламского социализма» до вынужденной переориентации на Запад в 1989 г., совпадающей со сверхпопулярностью в стране исламистов, выигравших выборы, но не получивших власть в результате вмешательства армии, что определило радикализацию исламизма в стране и вооруженное противостояние 1992–2000 гг. В 1997 г. умеренные исламисты заключили с властями перемирие, а в 1999 г. все участники движения получили амнистию. С тех пор происходит активная интеграция

---

²⁹² Там же, С. 65.

²⁹³ Там же, С. 327.

умеренных исламистов в общественную жизнь, они представлены в парламенте, в обмен на исключение пункта о построении исламского государства из своих программ, двумя десятками небольших партий. Силы радикального исламизма были немногочисленны, но резко усилились после «Арабской весны». В отличие от алжирских властей, тунисский режим сам поощрял в стране исламизм с 1980-х гг., пытаясь таким образом помешать распространению левых идей, так что исламистское движение быстро приобрело развитую структуру и трансформировалось в политическую партию «Возрождение». В начале 1990-х гг., эта партия была разгромлена властями. Как серьезная политическая сила, исламизм в стране возродился только в 2011 г. после свержения режима Бен Али. Партия «Возрождение» взяла власть, но была вынуждена уступить ее светской либеральной партии, оказавшись в роли официальной оппозиции, «Возрождение» заметно смягчило свою риторику отступив от терминологии построения «исламского государства» в пользу идеи формирования «исламской демократии». Во Франции Б.В. Долгов выделяет несколько этапов развития идей мусульманского населения – в 1970-х оно по большей части симпатизирует левым идеям и борется за экономические права. В 1980-х роль защитников прав мусульман начинают брать на себя уже собственно исламистские организации. В то же время наряду с распространением исламизма активно пропагандировались и другие идеи – в частности «индивидуальный ислам» и «светские мусульмане» – но, как правило, эти движения распространялись только в среде исламской интеллигенции и поддерживались меньшинством как богословов, так и мусульманского населения. В первую очередь к исламизму мусульманскую молодежь толкал низкий уровень жизни – безработица среди мусульман достигает 30–40%. На волне кризиса христианской доктрины также неуклонно растет число принявших ислам этнических французов²⁹⁴.

---

²⁹⁴ Там же, С. 524–525.

Н.А. Филин в первую очередь причисляет к методологическим основаниям своей работы «теорию социального действия» Т. Парсонса²⁹⁵, утверждающему естественное состояние обществ как состояние равновесия – и их стремление вернуться к этому равновесию в случае его нарушения, но в то же время невозможность достичь его окончательно из-за большого числа дестабилизирующих факторов²⁹⁶. Упоминает Н.А. Филин и представление Т. Парсонса о том, что главной функцией идеологии является легитимация власти. В свете этого исследователь ссылается также на теорию легитимности М. Вебера и ее развитие Д. Истоном²⁹⁷. Приводится ряд определений легитимности, на основе которых Н.А. Филин возвращается к веберовскому «добровольному подчинению или признанию власти». Также историк ссылается на принцип историзма в понимании О.М. Медушевой, а также на теории «диалогичности» и «полифонии»²⁹⁸ М.М. Бахтина²⁹⁹. Работа Н.А. Филина посвящена истории и идеологии мусульман – но если у Б.В. Долгова в центре внимания находились сунниты, то его коллега сфокусировался на идеологии шиитского государства Исламской Республики Иран. Истоки идеологии Ирана, Н.А. Филин выводит из концепции божественного сияния, относящейся к доисламскому периоду и воспринятой персидским исламом в виде концепта благодати, особенно в эпоху Сефевидов, под влиянием суфизма, первое время использовавших легитимацию себя в качестве духовных наставников³⁰⁰. В то же время Сефевиды быстро отказались от этой системы легитимации, предпочтя быть «защитниками

---

²⁹⁵ *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

²⁹⁶ *Филин Н.А.* История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран: 1979–2019 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2019, – 776 с. С. 25.

²⁹⁷ Там же, С. 28–29.

²⁹⁸ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – 258 с.

²⁹⁹ *Филин Н.А.* История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран: 1979–2019 гг. М., 2019, С. 36–38.

³⁰⁰ Там же, С. 70, 75, 435–436.

шиитского ислама», что позднее восприняли Каджары. Мохаммад Реза Пехлеви, по мнению Н.А. Филина, допустил ошибку, вместо роли «защитника веры» примеряя на себя образ носителя «божественной миссии» привести Иран к процветанию, изрядно приправленный национализмом³⁰¹. Аятолла Хомейни же не только использовал традиционные персидские приемы легитимации власти, но также прибавил к ним некоторые исконно шиитские – как например принцип имамата и свой личный авторитет сейеда – что и стало основой для общего принципа руководства светскими институтами со стороны духовных. Выделяются также основания для легитимации власти лично аятоллой Хомейни – «(1) он выступал как «наместник сокрытого имама», (2) частично ассоциируясь с ним; (3) он был религиозным наставником и (4) сейедом; (5) он был лидером революции, а также (6) занимал свой пост в соответствии с принятой на всенародном голосовании конституцией; также нельзя не отметить его (7) сильную харизму»³⁰².

После смерти аятоллы Хомейни, правящий режим начал использовать его личность и авторитет как одно из средств собственной легитимации. Сходным образом в пропагандистский арсенал режима вошли сакрализация самой Революции 1979 г. и тезис об исключительности ирано–исламской цивилизации»³⁰³.

Режим поддерживает себя также через систему образования, в частности, активно способствуя исламскому обучению молодежи и поощряя вступление молодежи в Басидж, добровольческое ответвление КСИР. При устройстве в государственные структуры кандидат проходит экзамен на знание основ ислама и государственного устройства страны, а также проверяется на участие в выборах, о чем в паспорте ставят штамп.

---

³⁰¹ Там же, С. 437.

³⁰² Там же, С. 438–439.

³⁰³ Там же, С. 444.

Сам основной институт религиозного наставничества претерпел изменения за счет предоставления верующим прав следовать решениям умершего наставника и иметь несколько наставников. Снизилась требования к лицам, желающим осуществить наставничество – будущим наставникам достаточно знать некоторые области шиитского права и подчиняться верховному правителю Ирана. При этом треть населения Ирана в точности следует наставлениям религиозных наставников. Около 80% населения страны религиозны.

Власти Ирана прибегают к риторике «корабля спасения» и «осажденной крепости», сражающейся с врагом, как правило – США или Израилем. Это имеет религиозную основу – исламский принцип отказа от подчинения неверным³⁰⁴.

При этом во внешней риторике наметились и изменения – от концепции «экспорта исламской революции» Иран перешел к принципу «диалога цивилизаций», в котором Иран выступает носителем истинной духовности. С 2011 г. прибавилась новая идеологема – «Исламское пробуждение» – согласно которой Иран является главным звеном «исламского цивилизационного строительства». На основании всего вышеизложенного Н.А. Филин делает вывод об успешности иранской идеологии и внутренней легитимности иранского режима³⁰⁵.

Что сразу заметно из рассмотренного содержания работ, так это устойчивый интерес к идеологии, общий для изучения истории Новейшего времени. При этом в большинстве случаев этот интерес направлен либо на изучение британской традиции консерватизма и ее канадского ответвления, либо на изучение ислама как политической идеологии, в суннитском или шиитском варианте. На стыке между двумя этими тенденциями стоит диссертация А.А. Калинина, посвященная одному из эпизодов Холодной войны, где рассматривается, в том числе, влияние

---

³⁰⁴ Там же, С. 442.

³⁰⁵ Там же, С. 445.

событий в Греции на формирование идеологемы «Красной угрозы» в среде истеблишмента США и британской элиты.

Методологически мы наблюдаем те же тенденции, что были выделены нами в прошлом параграфе, наиболее заметны они в двух диссертациях об исламских странах. Так, Б.В. Долгов, открыто декларирующий приверженность диалектико–материалистическому подходу, объясняет развитие политического ислама – «умеренного» или «радикального» исламизма, кризисом социалистической идеи и экономическими трудностями. Н.А. Филин же, работая с той же темой пусть и на ином материале, исходит в первую очередь из культурных особенностей иранского народа, в силу своей религиозности не воспринявшего светский национализм шахского режима. В меньшей степени то же противоречие можно заметить в работах А.Н. Комарова и Е.В. Хахалкиной. А.Н. Комаров объясняет действия консервативных правительств, исходя из их идеологии, Е.В. Хахалкина выражает осторожные сомнения в том, что консерватизм в принципе является идеологией и в объяснениях действий консервативного правительства исходит в основном из экономических и геополитических причин, ставя под сомнение большинство идеологических объяснений. Фактически мы наблюдаем, когда одному и тому же явлению – эволюции консерватизма во второй половине XX века или рождению политического ислама как идеологии – в зависимости от выбора методологического подхода, могут предлагаться диаметрально противоположные исторические объяснения. Интересен пример с Б.В. Долговым, которому один из оппонентов поставил в вину нежелание следовать цивилизационному подходу – редкий пример, когда методологический конфликт выходит на уровень официального документа. Без учета единственного соискателя, защитившего диссертацию на соискание степени доктора исторических наук в семидесятилетнем возрасте, средний возраст соискателей составляет 38 лет.

§ 9. МЕТОДОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИКА

Неоднократное рассмотрение методологических разделов диссертаций подводит нас к немаловажному вопросу — насколько осмысленно историки подходят к констатации собственных методологических позиций, насколько мы можем верить авторам в том, что они декларируют в качестве теоретических оснований собственных исследований? Особенно актуальна данная проблема в свете реактуализации в современной российской исторической науке ряда методологических подходов прошлого³⁰⁶ — среди историков можно встретить как методологических консерваторов, сводящих процесс исследования исключительно к работе с источниками, так и методологических прогрессистов, активно осваивающих новейшие теоретические подходы. Суждение о написанных под копирку методологических разделах диссертаций позволяет сместить фокус с оценки истинности/ложности зачастую специализированных теорий, упоминание которых рассматривается как часть диссертационной культуры, вывести за скобки, скажем, вопрос о точности концепции «придворного общества» как таковой. Конечно, такая практика рецензирования не сводится к методологическому консерватизму рецензента.

К примеру, И.А. Соков в качестве основного методологического принципа работы провозгласил редкую теорию – социетальный подход, подразумевающий особое внимание к ценностным факторам развития общества. Данный подход лежит в основе буквально всех доказательств соискателя, потому что логика развития политической культуры Канады намертво увязывается с усвоением из Британии ценностей лоялизма, либерализма и мультикультурализма. Оппонент Федин А.В. отметил в

---

³⁰⁶ Бобкова, М.С. Информационные лабиринты истории / Люди и тексты. Исторический альманах. № 5, 2014. С. 18-27.

отзыве³⁰⁷ недостаточную опору на примеры проявления данных ценностей в истории повседневности, а также на обрывистость вкраплений цитат канадских интеллектуалов, подтверждающих факт соответствия их ценностям ровно в том виде, в каком о них говорит И.А. Соков, а также предлагаемой им периодизации политической культуры. А.Н. Комаров обратил внимание, что И.А. Соков почти не уделил внимание франкоязычным канадским политикам и влиянию провинциальных и иммигрантских сообществ на политическую культуру³⁰⁸. Все эти замечания в совокупности, на наш взгляд, могли бы подвести рецензентов к вопросу о том, насколько в принципе уместно изучать политическую культуру канадцев исходя из представления об их повальной приверженности либеральным ценностям? Но этот шаг ни один из рецензентов не делает, в одном из случаев лишь ограничиваясь указанием на то, что методологическая часть исследования содержит принципы, подходы и методы, обеспечивающие достаточную достоверность исследования.

Даже в уникальном случае с рецензией А.В. Саватаева на диссертацию Б.В. Долгова, где рецензент предлагает обратиться к цивилизационному подходу — полностью отсутствует критика избранного соискателем диалектико-материалистического подхода, не ставятся под сомнение основания диалектического материализма. Сами соискатели, как например

---

³⁰⁷ *А.В. Федин*. Отзыв на диссертацию И.А. Сокова. Электронный ресурс. Режим доступа:

[https://volsu.ru/upload/iblock/01a/%D0%BE%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2_%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf?ysclid=lioyfncz65980555150] (Дата обращения: 4.04.23).

³⁰⁸ *А.Н. Комаров*. Отзыв на диссертацию И.А. Сокова. Электронный ресурс. Режим доступа:

[https://volsu.ru/upload/iblock/ca9/%D0%BE%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2_%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf?ysclid=lioyhzvnnf681078988]. (Дата обращения: 4.04.23).

С.Г. Кцоева, могут позволить себе выпад в пользу той или иной методологической позиции, но опять же, на уровне оценочного суждения.

Можно предположить, что для профессионального сообщества историков критика методологии исследования намертво ассоциируется со звучавшими в науке в прошлом указаниями на «недостаточно марксистский характер работ». Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в условиях распространения множества теорий и полиметодологизма науки не все рецензенты чувствуют себя достаточно компетентными для объективной оценки истинности или ложности того или иного подхода. О методологии определенно избегают говорить, но пользуются ли ей в самом деле историки, заявляющие тот или иной подход?

Нам представляется, что методологический раздел диссертаций делится надвое. В нем в самом деле присутствуют штампы, так, предметом дискуссии может быть, насколько принцип историзма объективно совместим с представлениями об «исторической миссии» или «началах, говорящих через ученых». Совершенно естественно, что любой историк так или иначе обращается к контексту изучаемой им эпохи, и, стало быть, может обосновать обращение к принципу историзма — но вот конкретный механизм, определяющий тот или иной подход в качестве историзма, исторической наукой, судя по всему, утрачен хотя бы потому, что ни в одном исследовании не предлагается ни одной альтернативы историзму. Порой, как у Г.Г. Пикова историзм обратился в частицу декларации ценностей исследования, перечисляемую через запятую в сочетании: «принципы объективизма, историзма, комплексности и системности»³⁰⁹. Напомним, что историзм Г.Г. Пиковым определяется как «рассмотрение процессов и явлений и их развития и одновременно в связи с конкретной исторической обстановкой»³¹⁰. А.С. Лаппо-Данилевский противопоставлял

---

³⁰⁹ *Пиков Г.Г.* Элита кочевой империи: на материале империи Ляо, 907–1125: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Новосибирск, 2017. – 631 с. С. 15.

³¹⁰ Там же, С. 15.

рассмотрение в развитии анализу в связи с конкретной исторической обстановкой, поскольку контекстуальность тяготеет к уникальному, развитие же исходя из стадильной природы термина, основывается на повторяющемся.

Проблема не относится исключительно к принципу историзма — ту же герменевтику при желании можно понять буквально, как метод понимания заложенного в источник смысла, что позволило бы подписаться под термином практически любому исследователю, ведь каждый историк работает с источниками, проводит их внешнюю и внутреннюю критику. Размывание общего терминологического поля внутри исторической науки приводит к потере смысла вопроса «соответствует ли работа историка заявленной методологии» как такового просто потому, что кажущееся штампом или вовсе противоречием может представлять собой очередное авторское восприятие того или иного понятия.

Единственная область, в которой можно подтвердить или опровергнуть применение подхода — использование конкретных научных теорий, как правило, связанных с конкретной теоретической базой. Так, нет никаких сомнений, что Д.Н. Копелев многое взял от теории социального бандитизма Э. Хобсбаума и «истории снизу» Э. Томпсона — отказ от восприятия пиратов как преступников, «неправильных подданных» той или иной короны, и одновременно от романтического размежевания морского социума с колониальными элитами и утверждения самобытности «республики пиратов» напрямую приводит соискателя к тезису о «социальном бандитизме» пиратства, среды, интегрированной в колониальный социум, но нравственно отвергающий ряд культурных черт метрополии и устанавливающих в рамках автономизированного коллектива собственные порядки «по справедливости». Пираты предстают социальными бандитами — являясь преступниками для той или иной короны, они в то же время воспринимаются определенными слоями как

герои и борцы за справедливость. Их история может восприниматься «снизу» — как взгляд изнутри, не сводимый к погоне за наживой и планированию новых и новых преступных акций. Не стоит отрицать и то, что С.Г. Малкин многое взял от концепции «дисциплинирующей власти» Мишеля Фуко — так, соискатель убедительно показывает, как процесс сбора сведений о горцах интегрировался в государственную идеологию и конкретный комплекс мер, проводимых англичанами в Шотландии. Контринтуитивные представления об отсутствии у власти субъекта или внутреннем единстве власти и сопротивления ей наглядно используется в диссертации, действия различных гражданских чиновников, офицеров гарнизона, депутатов парламента и даже самих горцев, лояльных или мятежных, становятся равными составляющими изменчивого и качающегося властного дискурса. В.В. Прилуцкий не случайно обращается к психоистории — в его работе присутствует попытка определить психологическое состояние членов общественных движений.

Можно с осторожностью попытаться выделить общее правило — упоминание некоей конкретной научной теории, как правило, означает ее употребление. Дискуссионным может оставаться лишь степень этого употребления, как правило, вызванная тем, что соискатели не всегда строго подходят к указанию источника заимствования той или иной концепции в тексте, так, сославшись на Э. Фромма и Э. Эриксона во введении, В.В. Прилуцкий даже не включил их в список литературы при том, что само представление о роли иррационального начала в общественном поведении человека в его работе играет далеко не последнюю роль и буквально служит обоснованием причин популярности, скажем, антимасонского движения.

В этом отношении ясности диссертаций не способствуют ни массивные списки литературы, на сотни наименований, зачастую подразумевающих использование огромного числа материалов, ни существенный объем каждой книги в отдельности, из которой исследователю, возможно,

пригодились лишь несколько фраз. Можно сказать, что на В.В. Прилуцкого Райх оказал большее влияние, чем Фромм, на это указывает число ссылок на обоих исследователей, но нельзя полностью исключить влияние Фромма, так, в работе буквально излагается концепция бегства от свободы, впрочем, без ссылки.

Методология каждого историка напоминает мозаику, где на историко-статистическом уровне возможно отследить источники заимствований, в основном совпадающие с декларируемыми, но зачастую трудно охарактеризовать внутреннее соотношение между каждым из заявленных источников заимствования, их центральную или второстепенную роль в исследовании, а также точную степень заимствования.

Можно сказать, что историки в подавляющем большинстве случаев понимают, о чем именно говорят — но иногда размывание общего научного и особенно терминологического поля может приводить к тому, что говорят они «на разных языках», что особенно выражается в утрате рядом терминов конкретного значения за пределами субъективных интерпретаций. Не в последнюю роль субъективизации терминологии способствует господствующий способ рецензирования, редко включающий в себя глубокий анализ теоретических оснований того или иного исследования.

В таких условиях, на наш взгляд, корректнее говорить не о соответствии исследования заявленным методам, а об отнесении той или иной работы к одной из господствующих научных традиций, само выделение которых неизбежно носит дискуссионный характер.

ВЫВОДЫ ГЛАВЫ

Как можно видеть, в чем-то изучение всеобщей истории отражает тренды, отмеченные нами в главе I, а в чем-то достаточно существенно выходят за их пределы. Прежде всего это выражается в отсутствии тренда на регионоведение, доминирующего в исследованиях, посвященных отечественной истории – в области всеобщей истории заметно превалирует страноведческий подход.

Проблемы образования, демографии, семьи и материнства также интересуют только исследователей истории России.

Что совсем удивительно – так это то, насколько мало исследований по истории экономики и науки зарубежных стран.

Некоторые тренды, например, военная история или историческая биография, куда более востребованы историками, изучающими отечественную историю, чем их коллегами, изучающими историю всемирную.

Важным исключением является интерес к истории религии и религиозных общин, который применительно к всеобщей истории полностью сфокусирован на трех мировых религиях. Уточним, что если совокупность изучающих Россию историков интересуется в основном историей православия, то изучающих зарубежную историю ученых в основном занимает католицизм.

Но, пожалуй, наиболее важный вывод, который мы можем сделать, глядя на тематику работ по отечественной и всемирной истории, касается не тематического сходства, а тематического различия. Складывается впечатление, что отечественная и всеобщая история идут в разном направлении – в то время как историки первого направления обращаются ко всё более локальным сюжетам, активно исследуют социальную стратификацию, изучают народное хозяйство и историю религии как

совокупности институтов, всемирная история значительно в большей степени пошла по пути исследования культуры.

Почти основные тематические блоки, выделенные нами выше и являющиеся для всемирной истории специфическими – идеология, пропаганда, право – либо относятся к сфере культуры, либо их рассмотрение во многом сфокусировано на анализе культуры. Например, даже когда речь идет об истории политических партий, в первую очередь за пределами событийной истории в фокусе оказываются их идеология и особенности пропаганды. Культуроцентризм проник в такие сферы, как история международных отношений – отношения Москвы и Ливонии рассматриваются в первую очередь в свете цивилизационного контакта. Отдельные черты приоритета на исследовании культуры можно найти в исследованиях по политической истории, например, А.С. Балахванцев пишет о символах власти парфянских царей, об их репрезентации на монетах, А.Ж. Арутюняна особо интересуется культурная близость древних армян иранцам и проримская ориентация династии.

Даже историю религии отечественная и всеобщая история рассматривают по-разному – например, в диссертациях по истории православия довольно редко встречаются «идеологические», насколько это слово уместно по отношению к религии, или богословские, разделы, в то время как ни одна религиоведческая диссертация по всемирной истории не обходится без подробного обзора принципов данной религии.

В 90-е гг. прошедшего столетия российская наука пережила коренной слом – в том числе методологический.

Методология советской историографии отличалась целостным характером – за формулировками «марксизм–ленинизм», «исторический материализм», «диалектический материализм», «научный коммунизм» стояла четкая теоретическая основа.

Поиск особенностей производственных отношений и основных средств производства побуждал историков интересоваться особенностями

земледелия, скотоводства, морской торговли, банковского дела, внутренним устройством мануфактур и тысячей других отраслей народного хозяйства. Интерес к классовой борьбе побуждал к детальному описанию социального состава того или иного общественно–политического движения.

Советская историография не исчерпывалась социально–экономической историей и включала в себя массу совершенно мастерских исследований культуры – не стоит, например, выискивать «классовую борьбу» в «Философии эпохи Возрождения» А.Х. Горфункеля – но во всем, что касалось исторических объяснений, социально–экономические обоснования превалировали над культурными, что определенной части профессионального сообщества казалось методологической крайностью, на фоне расцветающего на Западе постмодернизма с его гипертрофированным вниманием к культуре и, особенно, языку. «О чем говорят города» – сама постановка вопроса таким образом, вероятно, показалась бы художественным преувеличением, своего рода филологизмом.

После крушения СССР, как нам представляется, всемирную историю ощутимо, в большей степени, чем историю отечественную, качнуло из одной крайности в другую – сложные политические, экономические и социальные проблемы начали объяснять преимущественно посредством культуры. Римская экспансия останавливается, потому что Рим взял курс на культурную «переработку» варваров, канадские консерваторы пытаются достичь эффективного решения франкоканадской проблемы, потому что они консерваторы, в Канаде победила либеральная политическая культура, потому что она развивалась из политической культуры британской, иранское общество отторгает светский шахский национализм, потому что оно религиозно, французские роялисты не победили, потому что «Людовик XVIII неспособен был «сделать революцию»», протестные движения в США вызваны психологическим

состоянием их участников, не всегда здоровым, иезуиты активно стремятся отправиться в «Новую Францию», потому что хотят сделаться мучениками, разногласия Ясперса и Хайдеггера вызваны тем, что «слишком разные начала через них говорили». Рассмотренные выше диссертации не сводятся к данным тезисам, в некоторых они даже не являются основными, но сама стратегия подобного объяснения в исторической науке стала правомерной, она не вызывает у членов диссертационных советов возражений, даже наоборот, упирающему на экономические и геополитические факторы происхождения исламизма исследователю советуют «затрагивая такое сложное явление как исламская цивилизация, обратиться к цивилизационному подходу».

П.Ю. Уваров как-то заметил, что «современному студенту–медиевисту проще прочесть «Археологию знания» Фуко, чем «Происхождение английского парламента» Е.В. Гутновой³¹¹, не говоря уже о специальных трудах по аграрной истории» – но ведь образование всегда является отражением актуальных научных практик, а эти практики, как заметно по рассмотренным выше диссертациям в большинстве случаев заточены под исследование культуры.

И методологический инструментарий у сторонников культурного детерминизма в исторической науке в общем–то сложился довольно четкий – теория модернизации, цивилизационный подход, новая культурно–интеллектуальная история, имагология, герменевтика, эриксоновская психоистория, частично семиотика, постмодернизм, социология веберовского толка, частично школа «Анналов», в контексте гуманизации и антропологизации исторической науки. Фактически, это исторический идеализм – говоря марксистскими терминами, попытка

---

³¹¹ т.е. работу, где огромное значение играет анализ социального состава английского парламента вплоть до отдельной социальной характеристики представителей городов и графств, прелатов и баронов – прим. наше

найти главные причины исторических изменений в области надстройки, а не базиса.

В диссертациях присутствует и контртенденция на реабилитацию материалистического понимания истории – частью в виде адаптации школы И.Д. Ковальченко, традиции М.А. Барга, «истории снизу» Э. Томпсона или марксистской социологии Э. Хобсбаума, частью в виде привлечения мир–системного подхода, принципов климатического детерминизма, данных социологии, контекстуализма, школы «Анналов» в части требований к историку разбираться в сельском хозяйстве, промышленности и других проблемах за пределами собственной дисциплины если он их исследует, социологии П. Бурдьё. Это можно назвать попытками обновить материалистическое понимание истории. Однако, в отличие от основной тенденции, контртенденция имеет зарождающийся характер – если у культурных детерминистов весь методологический «пантеон» может идти вместе, то у историков – материалистов присутствуют, в лучшем случае, лишь отдельные его части.

Соответствие работы той или иной методологической традиции существенно влияет на выводы исследования. Нам могут возразить, что в диссертациях, в том числе декларирующих и/или применяющих культурный детерминизм в качестве основного подхода, присутствует также работа с источниками, методы которой куда легче проверить. Однако, влияние методологии на результаты исследовательской деятельности мы видим на примере тех диссертаций, где историки, стоящие на разных методологических позициях, изучают одну или сходную тему. Является ли консерватизм идеологией? Насколько идеология определяет действия политиков? Имеет в случае такого «определения» значение идеологическая традиция или ее национальное своеобразие? Историку приходится отвечать на эти вопросы, и, в зависимости от характера этого ответа, предлагаемая им концепция может измениться на 180 градусов, а живительное китайское влияние,

продвигающее Империю Ляо по пути цивилизационного и государственного развития быть представлено как главная причина кризиса, а после – и падения данного государства.

Почему всемирная история оказалась подвержена распространению культурного детерминизма больше, чем история отечественная? Вероятно, истоки следует искать в том, что историки данного направления куда чаще работают с зарубежными источниками и зарубежной историографией и, ожидаемо, испытывают на себе влияние подходов, доминирующих в том числе в иностранной, преимущественно западной, науке. В некотором роде – это эффект очарования материалом, самопроизвольного встраивания самого себя в существующую традицию его изучения – в том числе в рамках основных теоретических подходов и идейного восприятия материала – не в последнюю очередь потому, что подлинно современная теоретико–методологическая материалистическая база в настоящий момент находится еще в состоянии генезиса.

На современном этапе развития исторической науке, по выражению В.С. Мирзеханова, «культивируется многообразие стратегий видения и изучения прошлого»³¹², «время теряет линейность, постулируется множественность путей исторического развития; а пространство оказывается зависимым от форм его восприятия, репрезентаций и «ментальных карт»»³¹³. Таким образом, разные методологические тенденции развиваются параллельно, причем данный процесс накладывается на постепенную кристаллизацию субдисциплин.

На наш взгляд не приходится сомневаться в том, что от распространения того или иного из двух отмеченных нами методологических подходов, или успеха их синтеза друг с другом, зависит будущее исторической науки в России.

---

³¹² *Мирзеханов В.С.* История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена / Новая и новейшая история. – 2020. – № 5. – С. 7–27. С. 20.

³¹³ Там же, с. 20.

Таким образом, можно сделать следующие выводы об изучении всемирной истории в России:

– Системообразующими научными институциями в рамках специальности являются институты РАН. Заметна «специализация» диссертационных советов – античники чаще стремятся защититься в БелГУ, историки Нового и Новейшего времени в БГУ/СмолГУ, РГГУ. Медиевисты долгое время отдавали предпочтение наряду с институтами РАН диссовету МГУ до начала самостоятельного присуждения им степеней.

– Заметна доля востоковедов (11/39) и американистов (6/39). Также исследователей интересуют история древнего Рима (6/39), Британии (4/39), Восточной Европы (4/39).

– 31 из 39 докторов исторических наук, специализирующихся на всемирной истории – мужчины возрастом за 40 лет. Женщин во всемирной истории аномально меньше, чем в исторической науке в целом. По тематикам, приближенным к современности по хронологии, статистически куда выше шанс защитить «докторскую» до достижения сорокалетнего возраста. Особенно рано становятся докторами наук англоведы и американисты.

– Всемирная история в российской исторической науке носит по большей части страноведческий характер. Доля как регионоведческих, так и надгосударственных работ незначительна.

– В отношении актуальных трендов работы по всемирной истории отстоят от работ по отечественной истории на определенной дистанции – их миновал регионоведческий «бум».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертации на соискание степени доктора исторических наук могут выступать в качестве значимого источника при изучении современной российской историографии. Этому особенно способствуют роль диссертационного исследования как «эталонной научной работы» и тот факт, что в отличие от диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук, докторские являются плодом многолетней исследовательской работы, демонстрируя не «заявки» на изучение некой темы, а существующие научные направления. Докторские диссертации и сопутствующий им документальный корпус содержат важные материалы, касающиеся как фигуры исследователя в современной России и существующих научных центров, так и востребованной тематики, принятых форм работы с материалом, актуальной тематики работ, методологических основ деятельности исследователя.

В современной научной литературе изучение диссертационной культуры представляет собой бурно развивающееся исследовательское поле – в то же время, проведенный нами анализ историографии позволил установить, что в фокусе внимания историков до написания нашей работы оказывались в основном диссертационная культура Российской Империи и Советского Союза, но практически никогда – современность. Наша работа заполняет данную лакуну.

Всего в России в год в среднем защищаются 44 диссертации на соискание степени доктора исторических наук. 305 защитившихся в 2014–2020 гг. доктора исторических наук составляют чуть больше 1% от общего числа докторов наук в России. Это число невелико – так, при поступлении на работу строго в разные организации, 305 докторов наук смогли бы закрыть кадровые потребности от силы 13% ВУЗов и НИИ России, что показывает редкость и уникальность каждого подобного специалиста.

Нам удалось установить, что в современной российской исторической науке гендерная и возрастная ситуация отличается от существующего положения в науке в целом – так, если безотносительно дисциплин, доктора наук – это на 73% мужчины предпенсионного возраста, то в исторической науке доля мужчин, существенно меньше – 61%, что соответствует ситуации в общественных науках в целом. Также существует растущая тенденция на защиту «докторской» в возрасте менее 40 лет. На возраст защиты диссертации существенно влияет тематика – применительно к всеобщей истории у востоковедов–античников возрастные показатели наибольшие, у англоведов и американистов, изучающих историю Нового и Новейшего времени – наименьшие. Пол исследователей также оказывает существенное влияние на тематику работ – например, женщины практически не интересуются военной историей, зато приносят в науку темы, связанные с проблемами семьи, материнства, демографии, образования. Число женщин соискательниц с годами падает, что в перспективе может привести к изменениям в востребованной тематике работ.

В основном, диссертации на соискание степени доктора исторических наук защищаются в России по специальности «Отечественная история» - 63%, что превышает число работ по остальным специальностям вместе взятым. На долю всеобщей истории и международных отношений вместе приходится 16% работ, и число защит по данным специальностям скорее падает, что может свидетельствовать как об упадке специальности, так и высокой роли «ушедших» из системы ВАК институтов, ныне присуждающих ученые степени самостоятельно. Особенно данный вывод касается специальности «Международные отношения», по которой за 2017–2020 гг. не было присуждено ни одной ученой степени доктора исторических наук.

Стабильными блоками работ остаются диссертации по археологии, этнологии, историографии и истории науки и техники – в среднем в год

защищаются 2 археолога, 2 этнолога, 2 историографа и 1 историк науки и техники.

Выбор научной темы историками определяется внутренней логикой академической традиции и не несет на себе заметного влияния исторической политики. Основными тематическими трендами исторических исследований в России являются: регионоведение, история религии, история образования, история идеологии и пропаганды, военная история, из которых регионоведение является главным и наиболее существенным направлением.

Доля диссертаций, посвященных изучению регионов России крайне высока – 34% от общего числа работ по всем специальностям или 50% от всех диссертаций по отечественной истории и этнологии. Прежде всего речь в данном случае о появлении исторических нарративов, посвященных с одной стороны Сибири и Дальнему Востоку, а с другой стороны – национальным окраинам Поволжья и Юга России. Особенно интересуют исследователей этнические и религиозные меньшинства, напротив, наиболее многочисленные народы России – русские и татары – практически не оказываются в фокусе специализированного исследования.

На долю истории религии приходится 14% от общей суммы работ – прежде всего данный тематический блок представлен, практически в равной степени, работами по истории православия и мусульман России. Данная тематика совершенно гендерно нейтральна – ее изучает около 14% от женщин – докторов исторических наук и около 14% от мужчин – докторов исторических наук. Историков православия интересуют прежде всего проблемы исторической роли РПЦ и исторические формы и оценки ее взаимоотношений с государственной властью, а также особенности духовенства как социальной группы. Историков ислама интересуют социальный и институциональный аспект в жизни отечественной уммы, а также ее роль в истории России.

История образования находится в фокусе примерно 16% диссертаций. Исследователей занимают как особенности функционирования образовательных учреждений, прежде всего образовательная система Российской империи, так и советская молодежная политика, а также роль семьи и стратегий воспитания в положительной или отрицательной социализации молодежи, и влияние идеологического наполнения образования на избираемые женщинами стратегии материнства. Также историков интересуют институты народного просвещения – прежде всего музеи и образовательные медиа.

Военная история, охватывающая примерно 15% рассматриваемого корпуса – крайне специфическая тематика, где специализация часто определяется изучаемым родом войск, а хронологические рамки рассматриваемой технической или организационной проблемой. Для этих диссертаций, в большей степени, чем для всех прочих, характерен дидактизм, склонность авторов включить в текст рекомендации государственной власти и военному командованию по развитию соответствующей сферы. Чуть меньше половины от всех диссертаций по военной истории посвящены Первой и Второй мировым войнам.

История идеологии и пропаганды интересует историков со времен Древнего Рима и до наших дней. Особый интерес исследователей представляет опыт «управляемой гласности» Российской Империи, с особым акцентом на историю русского консерватизма, а также идеологию и политические взгляды представителей земств, а также на парадокс «консервативной оппозиции» в конце существования императорской России. Также исследователей интересует и контркультура в Российской Империи – прежде всего анархисты, террористы и политические партии левого толка. В вопросах пропаганды преобладают обращения к советскому опыту.

Магистральной проблемой, объединяющей большинство работ упомянутых выше тематических групп, является проблема

информационного обеспечения общества на разных уровнях – семьи, школы, ВУЗа, медиа, общественных организаций, церкви или религиозной общины и др. Таким образом, прежде всего историков интересует культура, что заметно контрастирует с материалистической историографией прошлого столетия.

Некоторые историки России склонны включать в свои работы «уроки истории» или рекомендации правительству – это новация, совершенно не характерная для других специальностей, и свидетельствующая о процессе поиска историками собственной социально значимой роли в обществе.

Ситуация применительно к всемирной истории несколько отличается – в то время как история России отличается всеохватностью в отношении как проблем, так и регионов, здесь налицо фрагментация исторического знания, некоторые страны крайне, а некоторые не изучаются вовсе. Даже в отношении сходных тем для историков характерно разнообразие теоретико–методологических подходов и проистекающее из него несоответствие общих выводов, иногда принимающее тотальный характер. Для методологических разделов характерно как активное усвоение методологических принципов второй половины XX в., так и обилие историографических штампов, наиболее существенным из которых был и остается «принцип историзма». Виднейшими классиками–методологами являются И.Д. Ковальченко, а также М.А. Барг, Л.П. Репина, О.М. Медушевская.

Таким образом, диссертационная культура отечественных историков с одной стороны допускает довольно широкую теоретико–методологическую вариативность, но с другой стороны для нее же характерна «этикетность», как в текстах работ, так и в сопроводительных материалах, вроде отзывов оппонентов. Сверхвысокие требования к диссертациям, характерные для науки Российской Империи, ушли в прошлое – даже наличие принципиальных возражений у оппонентов редко влияет на итоговый вердикт отзыва.

В отличие от истории России, где превалирует регионоведческий подход, во всеобщей истории основным подходом к материалу является страноведение. Историков, изучающих зарубежные страны, практически не интересуют проблемы образования, демографии, семьи и материнства, мало интересуют экономика и история науки. В меньшей степени, чем отечественных историков, их интересуют военная история и историческая биография. Однако, некоторые отмеченные выше тренды свойственны, в том числе для изучения всеобщей истории – прежде всего интерес к истории религии и религиозных общин. Культурный вектор в исследованиях всеобщей истории еще более ярко выражен, чем применительно к истории отечественной, почти все основные блоки – идеология, пропаганда, право – либо относятся к сфере культуры, либо их рассмотрение сфокусировано на анализе культуры. Например, даже когда речь идет о политической партии, современных российских историков в первую очередь занимают особенности ее идеологии и пропаганды. Анализ символов власти в нарративе политической истории, понимание войны как цивилизационного контакта, повышенный интерес к идейной стороне религиозных конфессий, объяснение остановки римской экспансии через анализ изменений римской культуры, выведение действий партии, исходя из особенностей партийной идеологии, сведение причин развития общества в определенном направлении к ценностям его жителей, понимание протестного движения, исходя из оценок психического состояния его участников, а иногда и квазифилософские тезисы о «различии начал, проявившихся в великих людях» – всё это свидетельствует о глубоком разрыве, существующем между материалистической историографией XX в. и современной исторической наукой. Такие стратегии объяснения не просто уместны в современной исторической науке, они стали нормой, если не идеалом, – часто, оппоненты рекомендуют обращаться к ним в отзывах соискателям, исходящим из материалистических стратегий объяснения. Наиболее

распространенные исследовательские практики в наибольшей степени заточены под исследования культуры, у культурных детерминистов сложился четкий методологический инструментарий, нередко совпадающий – теория модернизации, цивилизационный подход, новая культурно–интеллектуальная история, имагология, герменевтика, эриксоновская психоистория, частично семиотика, постмодернизм, социология веберовского толка, частично школа «Анналов», в контексте гуманизации и антропологизации исторической науки. Фактически, это исторический идеализм, принявший в современную эпоху новую форму.

Как в работах по истории Отечества, так и в работах по всеобщей истории, существует контртенденция к возрождению исторического материализма, но в отличие от идеалистов, материалисты так и не сформировали свой теоретико–методологический аппарат, который переходил бы из работы в работу – они лишь находятся на пути к формированию такого аппарата, который, если данный процесс закономерно завершится и не прервется, вероятно будет включать в себя частичную адаптацию марксистско–ленинской методологии – от школы И.Д. Ковальченко или традиции М.А. Барга до «истории снизу» Э. Томпсона или марксистской социологии Э. Хобсбаума. Для историков–материалистов также характерно применение мир–системного подхода, принципов климатического детерминизма, данных социологии, Кембриджской школы, исторической социологии П. Бурдьё и школы «Анналов» в части требований к историку разбираться в сельском хозяйстве, промышленности и других проблемах за пределами собственной дисциплины, если он их исследует. То, в русле какой из традиций находится работа, существенно влияет на выводы исследования – что отчетливо видно на примере нашего анализа диссертаций, где историки, работающие на одну или сходную тему, приходят к диаметрально противоположным выводам.

Вероятнее всего, от того, какая из двух методологических позиций окажется состоятельна в перспективе, зависит будущее исторической науки в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Нормативные документы

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012.
2. Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» [Электронный ресурс] Режим доступа (свободный): <https://istmat.org/node/39294> (Дата обращения: 15.12.21).
3. Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842 "О порядке присуждения ученых степеней". [Электронный ресурс] Режим доступа (свободный): <https://base.garant.ru/70461216/> (Дата обращения: 15.12.21).
4. Федеральный Закон от 23.08.1996 «О науке и государственной научно–технической политике».
5. Положение о присуждении ученых степеней» [Электронный ресурс] Режим доступа (свободный): <https://base.garant.ru/70461216/> (Дата обращения: 15.12.21).

Диссертации

1. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в политико–правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Нальчик, 2017. – 505 с.
2. Абдарашитов Э.Е. Пленные россияне в информационной политике России в 1914–1917 гг.: внутривполитические и внешнеполитические аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2015. – 587 с.

3. Авдеев А.Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. М., 2019. – 1268 с.
4. Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России: на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Уфа, 2018. – 586 с.
5. Акиева П.Х. Архетипическое в этнокультуре ингушей: на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Махачкала, 2016. - 425 с.
6. Акимова З.И. Мордва в поликультурном пространстве московского мегаполиса: историко–этнографическое исследование: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Чебоксары, 2013. – 496 с.
7. Аликберов А.К. Системно–коммуникационный подход к изучению истории Востока: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. М., 2020.
8. Анойкин А.А. Палеолит Приморского Дагестана: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Новосибирск, 2017. – 395 с.
9. Андронов И.Е. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.09. 2016. – 467 с.
10. Антонов Д.И. Демонология в визуальной культуре Московской Руси: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01. М., 2019. – 497 с.
11. Анфертьев И.А. РКП(б)–ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2019. – 789 с.

12. Аристов С.В. Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2018. – 393 с.
13. Арутюнян А.Ж. Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н. э. – III в.): динамика межгосударственных границ и административно–территориального деления: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Белгород, 2016. – 447 с.
14. Астраханцев О.Н. История становления и развития системы подготовки военных авиационных кадров в Сибири: 1910–1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2019. – 638 с.
15. Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914–февраль 1917 гг.: специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. – 363 с.
16. Атнагулов И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Магнитогорск, 2017. – 468 с.
17. Афанасова Е.Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири): специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Улан–Удэ, 2020. – 551 с.
18. Багаутдинов Р.О. Участие башкир в гражданской войне в 1917–1922 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Уфа, 2019. – 530 с.
19. Багдасарян С.Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований:

- диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новочеркасск, 2017. – 869 с.
20. Бадмаев А.А. Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис, эволюция, трансформация: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Новосибирск, 2017. – 586 с.
  21. Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 467 с.
  22. Баранова С.И. Московский изразец в пространстве городской культуры конца XV в. – XVII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.03. М., 2015. – 341 с.
  23. Барыкина И.Е. Государственное управление Российской империи второй половины XIX в. (особые формы и специальные институты) специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2017. – 457 с.
  24. Башукев В.Ю. Исторический опыт взаимодействия России и монгольских народов в области медицины и охраны здоровья: последняя треть XIX – первая половина XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2017. – 531 с.
  25. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2019. – 1057 с.
  26. Безгина О.А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара, 2019. – 430 с.
  27. Безугольный А.Ю. Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2019. – 597 с.

28. Беляков А.В. Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. – 900 с.
29. Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно–крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2016. – 696 с.
30. Бенда В.Н. Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в. (на материалах Санкт–Петербурга и Москвы): диссертация ... доктора Исторических наук: 07.00.10. 2019. – 570 с.
31. Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э.: по материалам погребальных памятников: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Новосибирск, 2019. – 410 с.
32. Бессуднова М.Б. Русско–ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2015. – 437 с.
33. Бикейкин Е.Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг.: на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Бикейкин Евгений Николаевич; [Место защиты: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова]. Саранск, 2017. – 515 с.
34. Билим Н.Н. Молодёжная политика СССР и её реализация на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 г. – июнь 1941 г.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Астрахань, 2015. – 439 с.
35. Благодер Ю.Г. Китай в российской периодической печати второй половины XIX – начала XX в.: эволюция представлений в изменяющихся исторических условиях: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Краснодар, 2019. – 697 с.

36. Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2016. – 832 с.
37. Блинов А.В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2019. – 685 с.
38. Бобков В.А. История артиллерийского производства России в середине XVII – конце XIX вв.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2018. – 489 с.
39. Бовыкин Д.Ю. Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории: 1794–1799: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 667 с.
40. Бойко Н.С. Губернская власть и общество в России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Среднего Поволжья): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Саранск, 2017. – 456 с.
41. Борисенок Е.Ю. Концепции "украинизации" и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона: 1918–1941 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2015. – 951 с.
42. Борзова А.Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешнеполитического курса страны в 1902–2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. М., 2016. – 438 с.
43. Бровина А.А. «Научные исследования европейского Севера России: организация, развитие, результаты (конец XIX – первая половина XX вв.)» специальность 07.00.10. «История науки и техники» диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. – 574 с.

44. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно–политической мысли XVIII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. – 580 с.
45. Буранок С.О. Тихоокеанская война в оценке американского общества: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2015. – 484 с.
46. Валькова О.С. Женщины–естествоиспытатели Российской империи: конец XVIII – начало XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.10. М., 2014. – 841 с.
47. Василик В.В. Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 24.00.01. СПб, 2017. – 672 с.
48. Васютин С.А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Кемерово, 2017. – 762 с.
49. Веселовская Е.В. Антропологическая реконструкция внешности человека: разработка и применение новых методических подходов: диссертация ... доктора исторических наук: 03.03.02. М., 2016. – 246 с.
50. Вишняков Я.В. Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2014. – 463 с.
51. Воейков Е.В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1941 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Пенза, 2015. – 487 с.:
52. Войтенко А.А. Святой Онуфрий Великий в агиографической традиции (IV–XIV века): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 530 с.
53. Волкова Е.А. Общественная деятельность, социально–исторические и религиозные взгляды Ф.М. Достоевского: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2020. – 491 с.

54. Воронин Д.В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно–республиканский и региональный аспекты: 1922–1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Кемерово, 2016. – 553 с.
55. Воронов И.И. Министерство земледелия Российской империи: XIX – начало XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2016. – 462 с.
56. Высокова В.В. Законодательные акты конституционного характера стран Запада XVII–XVIII вв.: Сравнительно–источниковедческое исследование. диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2015. – 372 с.
57. Гаврилина Н.А. Благотворительность и призрение в повседневной жизни российского общества в XVIII–XIX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2015. – 466 с.
58. Гимон Т.В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09. М., 2014. 426 с.
59. Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX начале XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара, 2018. – 532 с.
60. Гончарова И.В. Крестьянство Центрально–Чернозёмной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2015. – 522 с.
61. Гордеев П.Н. Общественно-политические процессы в государственных театрах России в марте – октябре 1917 года: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2020, 720 с.
62. Горюшкина Н.Е. Винная реформа 1863 года: модернизация алкогольной политики Российского государства: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2018. – 636 с.

63. Гребенкин А.Н. Военно–культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса: 2–я половина XVII – начало XX в.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2017. – 578 с.
64. Григорова В.А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2017. – 419 с.
65. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв.: по материалам археологических исследований: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Казань, 2017. – 558 с.
66. Гуров В.А. Отечественные вооруженные силы и их роль в разрешении вооруженных конфликтов в 1988–2008 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Оренбург, 2014. – 613 с.
67. Гусев А.В. Местная противовоздушная оборона областей Центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны: 1932–1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Кострома, 2014. – 442 с.
68. Гусева Ю.Н. Мусульмане Поволжья в советский период отечественной истории: на материалах Нижегородской, Самарской, Ульяновской областей.: Диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М.: 2014. – 443 с.
69. Гуменюк А.А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950–х – середине 1980–х гг.: на материалах Нижнего Поволжья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Саратов, 2019. – 678 с.
70. Двоеносова Г.А. Синергетическая теория документа: диссертация ... доктора исторических наук: 05.25.02. М., 2017. – 490 с.

71. Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперская политика аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Оренбург, 2015. – 518 с.
72. Дзюбан В.В. Субкультура брянского (северского) казачества в историческом и социокультурном аспектах (XVI–XXI вв.): диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01. Курск, 2015. – 587 с.
73. Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири: 1725–1796 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2018. – 439 с.
74. Долгов Б.В. «Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы»: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 606 с.
75. Долгов С.Н. Деятельность государственных и общественных организаций СССР по подготовке и проведению Олимпийских игр: 1951–1980 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2016. – 424 с.
76. Долгова Е.Н. Советское научное сообщество в 1918–1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2020. – 683 с.
77. Долголюк А.А. Кадровый потенциал строительной индустрии Сибири: 1946–1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015. – 605 с.
78. Долидович О.М. Продовольственный вопрос в Восточной Сибири в период Первой мировой войны (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.) специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Красноярск, 2020. – 551 с.

79. Друзяка А.В. Роль органов государственной власти в регулировании внешней миграции на юге Дальнего Востока России в конце 1980–х – начале 2000–х годов: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Благовещенск, 2009. – 277 с.
80. Дудин П.М. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2020. – 340 с.
81. Дятлов В.В. История артиллерии в военных конфликтах с участием РККА (1929–1940 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2014. – 473 с.
82. Егоров А.И. Объединенная Германия на международной арене: участие в многосторонних связях и развитие отношений с Россией (1991–2008 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2015. – 441 с.
83. Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Петрозаводск, 2020. – 632 с.
84. Житенев В.С. Капова пещера – верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. М., 2017. – 794 с.
85. Журавлева В.А. Городское населения Урала в 1920–1930–е гг.: историко-демографический анализ.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2016, – 698 с.
86. Запорожец В.М. Роль тюрок–сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 505 с.
87. Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация Сибири в процессе модернизационного перехода: 1890-е – февраль 1917 г.: 264

- диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2016. – 493 с.
88. Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Воронеж, 2015. – 534 с.
89. Захарченко А.В. Экономическая деятельность НКВД–МВД СССР в Поволжье в 1937–1953 гг.: историческое исследование: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 515 с.
90. Зверев В.О. Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи: 1904–1914 годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Омск, 2017. – 483 с.
91. Зотова А.В. Вклад Ленинграда в достижение Победы в Великой Отечественной войне: народное хозяйство города в условиях военного времени: июнь 1941 г. – май 1945 г.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2016. – 477 с.
92. Идиатуллов А.К. Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Чебоксары, 2018. – 599 с.
93. Ивакин Г.А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 516 с.
94. Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2015. – 585 с.
95. Иконников С.А. Материальное обеспечение приходского духовенства центрально–черноземных губерний России: вторая половина XIX – начало XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. – 625 с.

96. Ильин А.Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации. Конец XVIII–XX вв.: на материалах Пензы, Рязани и Тамбова: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Тамбов, 2016. – 537 с.
97. Имашева М.М. Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии: конец XVIII – начало XX вв.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Грозный, 2016. – 638 с.
98. Исланова И.В. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. М., 2019. – 359 с.
99. Исхаков Р.Р. Христианское просвещение и формирование культурно-религиозных институтов татар-кряшен Волго-Уральского региона: последняя треть XVIII – начало XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Казань, 2017. – 567 с.
100. Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги: 1917–1920-е гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Нальчик, 2018. – 593 с.
101. Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Владивосток, 2015. – 600 с.
102. Казанцева Н.Г. История таможенного дела Забайкалья: конец XVII – начало XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2016. – 376 с.
103. Калинин А.А. Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы: 1944–1953 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Киров, 2018. – 874 с.

104. Калинина Е.А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2018. – 730 с.
105. Капалин Г.М. Русская Православная Церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв.: по материалам Аляски: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М.; 2014. – 476 с.
106. Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2016. – 513 с.
107. Квашнин В.А. Ранние законы о роскоши в древнем Риме: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2016. – 498 с.
108. Кежутин А.Н. Российская общественность в борьбе с социальными болезнями в конце XIX – первой трети XX вв.: на материалах Поволжья и Предуралья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. – Нижний Новгород, 2020. – 429 с.
109. Келлер А.В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века. специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2018. – 658 с.
110. Кикнадзе В.Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно-Морского Флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 432 с.
111. Киприянова Н.В. Социокультурный облик провинциального российского купечества второй половины XVIII в.: по материалам Уложенной комиссии Екатерины II: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2015. – 502 с.

112. Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М, 2020. – 546 с.
113. Клейтман А.Л. Нижнее Поволжье в научной мысли России: проблемы изучения истории, культуры и экономического развития: XVIII в. – 30-е гг. XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.10. Волгоград, 2019. – 565 с.
114. Клинова М.А. Экономические стратегии городского населения РСФСР (1946–1956 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2020. – 876 с.
115. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX в. – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Саратов, 2015. – 738 с.
116. Ковалёв А.С. Реализация социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособного населения Сибири в 1920-1930-х гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Барнаул, 2016. – 555 с.
117. Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Барнаул, 2016. – 551 с.
118. Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917 гг.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М, 2015. – 524 с.
119. Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Новосибирск, 2015. – 715 с.
120. Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Новосибирск, 2014. – 314 с.

121. Колокольчикова Р.С. Феномен индустриального города в истории Европейского Севера России: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М, 2015. – 634 с.
122. Колосовская Т.А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2017. – 523 с.
123. Колпаков Е.М. Петроглифы Кольского полуострова и Северной Фенноскандии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Санкт-Петербург, 2019. – 272 с.
124. Комаров А.Н. Идеология и политика канадских консерваторов: 1980-е – 2010-е гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М, 2015. – 528 с.
125. Комгорт М.В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции: 1920-1960-е гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2020. – 408 с.
126. Комиссаров В.В. Советская интеллигенция в сфере научной фантастики: общественно-политический дискурс и практическая деятельность, 1950-е – начало 1980-х гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Комиссаров Владимир Вячеславович; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Иваново, 2015. – 415 с.
127. Комлева Е.В. Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения Северной Азии (конец XVIII–XIX век) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2020. – 647 с.
128. Коновалов И.А. Общая полиция в системе местного управления в Сибири: XVIII – начало XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Омск, 2018. – 393 с.
129. Копелев Д.Н. Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI–первой трети XVIII вв.: диссертация на

- соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. СПб, 2014. – 734 с.
130. Корзинин А.Л. Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2016. – 385 с.
131. Корнилова И.В., Кудрявцев В.Ф.: опыт аналитической биографии исследователя российской провинции. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Уфа, 2014. – 451 с.
132. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: ландшафтная археология Кисловодской котловины: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. М., 2014. - 610 с.
133. Корогодина М.В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII в. как исторический источник: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. СПб., 2015. – 540 с.
134. Королева Т.М. Молодежная политика Советского государства и ее реализация в Восточной Сибири: середина 1950-х–1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Братск, 2015. – 432 с.
135. Котов А.Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х - 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2017. – 680 с.
136. Крайнева И.А. Научное наследие лидеров физико-математических школ Сибирского отделения АН СССР: Ю.Б. Румер, А.А. Ляпунов, А.П. Ершов: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.10. Томск, 2019. – 557 с.
137. Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Омск, 2016. – 554 с.

138. Красноженова Е.Е. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Астрахань, 2014. – 495 с.
139. Кубанцева И.А. Книжная культура в XIX - первой трети XX в. в контексте культурной политики: на примере Мордовии: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01. Саратов, 2019. – 458 с.
140. Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 584 с.
141. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Архангельск, 2014. – 579 с.
142. Кулагин О.И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Саранск, 2020. – 634 с.
143. Кулаков С.А. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. СПб., 2018. – 389 с.
144. Куликова С.Г. Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864–1914 гг.: на материалах Тверской и Московской губерний: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2020. – 730 с.
145. Куприянова И.В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества: конец XIX – первая треть XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Барнаул, 2018. – 583 с.

146. Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь калмыков: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Элиста, 2019. –460 с.
147. Курылёв К.П. Внешнеполитическая концепция Украины в условиях формирования европейской системы безопасности: 1991–2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. М., 2015. – 490 с.
148. Кустова Е.В. Монастыри и монашество в социокультурной истории Приуралья в середине XVI – первой четверти XVIII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Киров, 2017. – 436 с.
149. Кушнарёва М.Д. Крупный капитал в пушной торговле в Северо-Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2015. – 686 с.
150. Кцоева С.Г. Личность ученого в историческом контексте: опыт интеллектуальной биографии Карла Ясперса. специальность 07.00.03. «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владикавказ, 2017. – 880 с.
151. Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России в условиях общественного реформирования (середина 1980-х годов - начало XXI века): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Владивосток, 2016. – 408 с.
152. Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова 1844–1854 годы. специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владикавказ, 2015. – 1055 с.
153. Латыпов Т.Р. История боевых действий советских войск в период освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков: сентябрь 1944 – май 1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. – 498 с.

154. Лёвин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Саратов, 2015. – 604 с.
155. Лиджеева К.Ф. Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918–1941 гг.: сравнительно-исторический анализ: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Астрахань, 2014. – 401 с.
156. Литвинов В.П. Исторический опыт российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман средней Азии (1865–1917 гг.): специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Елец, 2019. – 461 с.
157. Луценко А.В. Формирование и развитие концепции системного тектологического анализа А.А. Богданова в контексте экономической, социальной и политической истории России во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. Томск, 2018. – 542 с.
158. Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Пермь, 2019. – 393 с.
159. Ляпин Д.А. Социально-политическая борьба на юге России в середине XVII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Елец, 2015. – 461 с.
160. Магомедова Р.М. Административно-политическое устройство и социально-экономическое развитие народов Западного Дагестана в XVIII – начале XIX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Владикавказ, 2013. – 327 с.
161. Мазалова Н.Е. Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции: конец XIX — начало XXI вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2019. – 219 с.

162. Макеева Е.Д. Взаимоотношения власти и общества в России в сфере охраны природы в 1917–1991 гг.: на материалах Среднего и Нижнего Поволжья: исторический аспект: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара, 2019. – 600 с.
163. Малкин С.Г. Интеллектуальная колонизация и “Хайлендская проблема” Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Самара, 2014. – 563 с.
164. Малютина Т.П. История боевых действий советских войск против вооруженных сил королевской Румынии на советско-германском фронте: 1941–1944 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. – 523 с.
165. Мамкина И.Н. Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2017. – 482 с.
166. Мамышева Е.П. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Абакан, 2017. – 389 с.
167. Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015. – 535 с.
168. Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Красноярск, 2018. – 711 с.
169. Матисон А.В. Городское духовенство России XVIII в.: историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015. – 385 с.

170. Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Киров, 2015. – 541 с.
171. Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодёжной политики в России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 646 с.
172. Мехмадиев Е.А. Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско-персидского противостояния: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. СПб, 2020. – 1114 с.
173. Мещеряков К.Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. Санкт-Петербург, 2014. – 709 с.
174. Миронов В.В. Английская школа международных отношений: формирование и эволюция научного сообщества. специальность 07.00.03. «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 2019. – 605 с.
175. Мирошниченко М.И. Женщины на Урале в 1920-е гг. – середине 1930-х гг.: структуры социума, мировоззрение, деятельность: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Челябинск, 2016. – 839 с.
176. Михайлик А.Г. История боевых действий Красной армии на территории Венгрии: сентябрь 1944 – апрель 1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2016. – 542 с.
177. Мицюк Н.А. Материнство у дворянок Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-антропологический и социокультурный аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2016. – 768 с.

178. Монякова О.А. Русская Православная церковь и земство: опыт взаимоотношений по формированию культурно-образовательного пространства российской провинции в 1861–1917 гг. на материалах губерний Верхнего Поволжья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иваново, 2014. – 481 с.
179. Музраева Д.Н. Буддийские памятники на „тодо бичиг“ (ясном письме) и тибетском языке как источники по истории письменности ойратов и калмыков XVII–XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. Улан-Удэ, 2020. – 585 с.
180. Мухин О.Н. Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко-психологического анализа личности Петра I). специальность 07.00.09. «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015. – 643 с.
181. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 477 с.
182. Негин А.Е. Римский декорированный доспех эпохи принципата: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2018. – 960 с.
183. Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь: 1830–1917 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015. – 304 с.
184. Немешкалов П.Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе: конец XVIII – 60-е годы XIX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2020. – 555 с.

185. Николашин В.П. Советские аграрные преобразования в губерниях черноземного центра 1917–1918 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Тамбов, 2020. – 400 с.
186. Никонов С.А. Монастырская и крестьянская промысловая колонизация Европейской Арктики в XVI–XVIII вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Мурманск, 2018. – 574 с.
187. Овсянникова Н.В. Феномен старости в истории культуры: на примерах Среднего Поволжья XVII–XXI столетия: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01. Тольятти, 2018. – 407 с.
188. Овчинников В.Д. Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2018. – 527 с.
189. Озова Ф.А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Нальчик, 2018. – 679 с.
190. Околотин В.С. Деятельность наркомата финансов СССР по разработке и реализации налоговой политики в 1928–1941 гг.: по материалам Центральной России: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иваново, 2015. – 477 с.
191. Орлов Д.С. Аграрная политика государства и сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2019. – 448 с.
192. Орловский В.А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений Церкви и государства: 1970–2011 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Белгород, 2017. – 487 с.

193. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2014. – 776 с.
194. Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917). специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. – 670 с.
195. Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. М., 2016. – 452 с.
196. Паничкин Ю.Н. Пакистано-афганские отношения: эволюция, проблемы, решения. 1947–2014 гг. специальность 07.00.15. «История международных отношений и внешней политики»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2016. – 511 с.
197. Панкова-Козочкина Т.В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новочеркасск, 2016. – 617 с.
198. Панченко А.М. История военных библиотек в контексте развития библиотечного дела России: 1802–1917 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 05.25.03. Новосибирск, 2016. – 613 с.
199. Панькин И.Д. Отечественная историография советской государственной промышленной политики на Урале: 1917–1941 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. Челябинск, 2015. – 593 с.
200. Пашкова Т.В. Народная медицина карелов XIX – начала XXI века: опыт комплексного исследования: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Петрозаводск, 2018. – 559 с.

201. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Екатеринбург, 2017. – 515 с.
202. Перцев В.А. Государственная политика в социальной сфере и материальное положение населения РСФСР. Вторая половина 1950-х - 1980-е годы (на материалах областей Центрального Черноземья): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2013. – 993 с.
203. Петров П.В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной Войны: 1935 – весна 1941 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2014. – 683 с.
204. Петрова Т.П. Эволюция внешней политики и дипломатии Перу: 1821–2013 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. М., 2014. – 386 с.
205. Пигорева О.В. Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985–2012 годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2016. – 552 с.
206. Пиков Г.Г. Элита кочевой империи: на материале империи Ляо, 907–1125: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Новосибирск, 2017. – 631 с.
207. Пискунов С.А. Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР: 2-я половина 1940–1980-е гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. – 516 с.
208. Платонова Н.М. Промышленный комплекс Дальнего Востока РСФСР: условия и особенности развития: 1965–1985 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Владивосток, 2017. – 528 с.

209. Плотникова М.М. Городские думы Восточной Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: практика городского самоуправления и бюджетная политика городов. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Иркутск, 2019. – 620 с.
210. Подмарицын А.Г. Религиозная жизнь православного населения Средней Волги в системе церковно-государственных отношений: 1943–1965 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Оренбург, 2017. – 643 с.
211. Подтрепный Е.И. Развитие отечественного самолетостроения в условиях «Холодной войны» (1946–1959 гг.) (на материалах серийных заводов Европейской части СССР): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Иваново, 2014. – 391 с.
212. Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. СПб., 2020. – 414 с.
213. Полякова Е.А. История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательной формы культуры: вторая половина XIX – начало XXI века: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.03. Томск, 2015. – 613 с.
214. Пономарева М.А. Власть и общество на юге России в условиях политических и социально-экономических преобразований в 1960-1990-е годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2019. – 665 с.
215. Портных В.Л. Крестовые походы на Ближний Восток, 1095–1291 гг.: идейное содержание пропаганды: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Новосибирск, 2016. – 434 с.
216. Потапова Н.В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг.: на материалах Дальнего Востока: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Южно-Сахалинск, 2015. – 463 с.

217. Почакаев Р.Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Оренбург, 2020. – 564 с.
218. Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820–1850-е гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2015. – 569 с.
219. Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Симферополь, 2019. – 570 с.
220. Прохорова Н.А. История развития архитектуры Кыргызстана (конец XIX в. – начало XXI в.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Бишкек, 2014. – 353 с.
221. Прямицын В.Н. Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2020. – 532 с.
222. Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930-1950-е гг.: историко-демографическое исследование: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Краснодар, 2017. – 499 с.
223. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни: 1920–1960-е гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Краснодар, 2017. – 533 с.
224. Реут Г.А. Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1945–1991 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2014. – 591 с.
225. Романова А.А. Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI – начале XVIII в.: религиозная практика и государственная

- политика: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2016. – 507 с.
226. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2016. – 429 с.
227. Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Новосибирск, 2020. – 539 с.
228. Рябцев А.Л. Роль евро-азиатского транзита в восточной торговле России XVIII века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Владикавказ, 2014. – 434 с.
229. Рянский Р.Л. Развитие помещичьего хозяйства Черноземного центра в первой половине XIX века. специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Курск, 2016. – 664 с.
230. Савельев П.Ю. Генезис Российской социал-демократической рабочей партии: проблемы историографии и источниковедения: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. М., 2017. – 531 с.
231. Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2015. – 903 с.
232. Сагимбаев А.В. Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели эволюции: 1918–1939 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2018. – 508 с.
233. Саран А.Ю. Исторический опыт взаимоотношений региональной власти и общественных организаций в СССР 1923–1934 гг.: на материалах Центрального Черноземья: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2018. – 617 с.

234. Сарычева Т.В. Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири: 1920–1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2017. – 1000 с.
235. Сафронов О.С. Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Тамбов, 2015. – 463 с.
236. Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX в.: состав, положение, деятельность: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. – 373 с.
237. Серегин Н.Н. Тюрки Центральной Азии: социогенез и этнокультурная история (по материалам погребальных и поминальных комплексов второй половины V–XI вв. н.э.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06. Барнаул, 2019. – 734 с.
238. Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 606 с.
239. Силантьев Р.А. Эволюция системы внешних сношений духовных управлений мусульман России: сравнительно-исторический анализ (конец XVIII в. – начало XXI в.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.15. М., 2014. – 254 с.
240. Симонова М.А. Социальная, образовательная и миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в контексте взаимодействия с государством и обществом (1943–2013 гг.) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015. – 330 с.
241. Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный

- аспекты": диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2017. – 548 с.
242. Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2014. – 442 с.
243. Скопа В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Кемерово, 2016. – 550 с.
244. Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае: 1920 – конец 1940-х гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2018. – 486 с.
245. Смирнова Е.М. Становление системы здравоохранения в российской провинции, 1775–1914 гг.: по материалам региона Верхней Волги: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ярославль, 2017. – 470 с.
246. Смирнова И.Ю. Конфессиональный фактор российской политики в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах в середине XIX века: 1840–1860-е годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. – 302 с.
247. Соков И.А. Генезис и эволюция политической культуры Канады XIX – первой половины XX в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Волгоград, 2018. – 570 с.
248. Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 - январь 1918 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2014. – 810 с.
249. Соколов Р.А. Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01. СПб., 2013. – 512 с.

250. Солдатова О.Н. Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности Советского государства (1917–1956 гг.) специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Самара, 2015. – 673 с.
251. Соловенко И.С. Протестное движение шахтёров России в 1992–1999 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2017. – 600 с.
252. Соловьев А.А. История библиотечного дела Верхнего Поволжья в XIX – начале XX века: по материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний: диссертация ... доктора исторических наук: 05.25.03. Иваново, 2016. – 519 с.
253. Стефанович П.С. Знать и военные слуги в социально-политической структуре Древнерусского государства в X – первой трети XII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 553 с.
254. Сулимов В.С. Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Барнаул, 2015. – 563 с.
255. Сумарокова О.Л. Эволюция языковой политики Российской Империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана): диссертация ... доктора исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история. Бишкек, 2016. – 414 с.
256. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015. – 550 с.
257. Суслов А.Ю. Общероссийские социалистические партии после октября 1917 года в российской историографии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. Казань, 2014. – 591 с.
258. Тепкеев В.Т. Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века:

- диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Элиста, 2020. – 514 с.
259. Топорков В.М. Советско-афганские отношения в 1975–1991 гг.: исторический опыт разработки и реализации военно-политической стратегии СССР: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Чебоксары, 2015. – 489 с.
260. Тузова О.В. Музыкальная культура Поволжья в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара, 2019. – 472 с.
261. Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Томск, 2018. – 632 с.
262. Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг.: на материалах Северного Кавказа: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2018. – 500 с.
263. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2017. – 554 с.
264. Устюгова В.В. Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города: на материале Перми конца XIX – начала XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Пермь, 2019. – 611 с.
265. Учаев А.Н. Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. – 547 с.
266. Фандо Р.А. Научная и образовательная деятельность народных университетов России в условиях социально-политических изменений

- начала XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2020. – 598 с.
267. Филоненко Н.В. История боевых действий советских войск против вооруженных сил хортистской Венгрии на территории СССР: 1941–1944 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2017. – 488 с.
268. Филонов В.И. История взаимодействия Русской православной церкви с Ватиканом в контексте развития католического экуменизма: середина XX - начало XXI вв.: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. Орел, 2014. – 460 с.
269. Федин А.В. Иезуитская миссия в новой Франции в первой половине XVII в.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2017. – 637 с.
270. Федосеев Р.В. Дворянское хозяйство Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Саранск, 2017. – 471 с.
271. Федулов С.В. Исторический опыт военно-технического сотрудничества Российской империи и СССР с зарубежными странами в интересах Военно-морского флота (1890–1950-е гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2019. – 508 с.
272. Филин Н.А. История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран: 1979–2019 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2019, – 776 с.
273. Хавкин Б.Л. Немецкое антигитлеровское Сопротивление 1933–1945 гг. как фактор международных отношений: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. М., 2015. – 440 с.
274. Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект: на материалах сибирского научно-

- образовательного комплекса: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2019. – 720 с.
275. Хасбулатова З.И. Традиционная культура воспитания детей у чеченцев: XIX – начало XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2015. – 426 с.
276. Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара, 2017. – 458 с.
277. Хахалкина Е.В. Политика британских консерваторов в отношении европейской интеграции и деколонизации: 1945–1964 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Томск, 2016. – 500 с.
278. Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Майкоп, 2017. – 595 с.
279. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире: 1914–2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15. СПб., 2015. – 552 с.
280. Цыремпилов Н.В. Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII – начала XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2015. – 431 с.
281. Цимбаева Е.Н. Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014. – 440 с.
282. Чвикалов А.И. Учреждения общественного самоуправления (земское и городское) в губерниях Центрального Черноземья России во второй

- половине XIX – начале XX в.: организационный и социальный аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2017. – 702 с.
283. Черникова Т.В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 941 с.
284. Чернов О.А. Дипломатический корпус Российской империи конца XIX – начала XX вв.: опыт аналитической биографии: по материалам Н.В. Чарыкова: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Саратов, 2019. – 844 с.
285. Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. – 535 с.
286. Чувардин Г.С. Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. – 656 с.
287. Чудова Т.И. Этнокультурные особенности системы питания коми (зырян) в XX – начале XXI в.: традиции и инновации: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2019. – 477 с.
288. Шавлаева Т.М. Из истории развития культуры хозяйственной деятельности чеченского народа: XIX – начало XX вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2017. – 352 с.
289. Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2016. – 519 с.
290. Шайпак Л.А. Борьба политических партий России за армию в начале XX века (на материалах Среднего Поволжья): диссертация на

- соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. Чебоксары, 2016. – 532 с.
291. Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 24.00.01. Саратов, 2015. – 445 с.
292. Шевцов В.В. Формирование и развитие губернской официальной прессы Сибири во второй половине XIX в. – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск, 2014. – 582 с.
293. Шибаев М.А. Историко-кодикологическое исследование рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.09. СПб., 2017. – 466 с.
294. Шилов Н.В. Постсоветский этнополитический транзит: модель Мордовии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. М., 2018. – 449 с.
295. Шилова-Варьяш И.И. Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской Короны в XIV в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2017. – 560 с.
296. Шишкин В.В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Санкт-Петербург, 2019. – 626 с.
297. Шок Н.П. Античная традиция и раннехристианское мировоззрение в теории и практике медицины Римской империи I–III вв.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.10. Томск, 2014. – 604 с.
298. Шедрина Ю.В. Становление и развитие гарантий обеспечения независимости судей в России во второй половине XIX в. - начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2015. – 536 с.

299. Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти. 2000–2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2015. – 490 с.
300. Юрасов М.К. Венгрия и русские княжества в XII веке: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. – 627 с.
301. Юрганова И.И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность : XVII – нач. XX вв. : диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2017. – 459 с.
302. Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: проблемы становления, развития и основные результаты: 1921–1961 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.10. М., 2016. – 571 с.
303. Ярославцева Т.А. Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России: 1917–1993 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. – 590 с.
304. Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Белгород, 2016. – 669 с.
305. Яхутль Ю.А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг.: на примере Кубани и Дона: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Краснодар, 2020. – 580 с.

Отзывы ведущих организаций

1. Отзыв, составленный сотрудниками ИВ РАН (г. Москва) к. и. н. *Виталием Владимировичем Прудниковым*, к. и. н. *Дмитрием Михайловичем Тимохиным*, к. и. н. *Тишиным Владимиром Владимировичем*. Электронный ресурс. Режим доступа (свободный):

[http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/misc/Zaporozhets_VM_review_thesis_Prudnikov_et_alii.pdf] (Дата обращения: 31.03.23).

Отзывы оппонентов

1. А.Н. Комаров. Отзыв на диссертацию И.А. Сокова. Электронный ресурс. Режим доступа (свободный):
[https://volsu.ru/upload/iblock/ca9/%D0%BE%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2_%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf?ysclid=lioyhzvnnf681078988]. (Дата обращения: 4.04.23).
2. Саватеев А.Д. Отзыв на диссертацию Б.В. Долгова. Электронный ресурс. Режим доступа (свободный):
[[Отзыв_официального_оппонента_d.i.n._Savateeva_A.D._na_dissertaciyu_Dolgova_B.V..pdf \(ivran.ru\)](#)] (Дата обращения: 10.03.23).
3. А.В. Федин. Отзыв на диссертацию И.А. Сокова. Электронный ресурс. Режим доступа (свободный):
[https://volsu.ru/upload/iblock/01a/%D0%BE%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2_%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0.pdf?ysclid=lioyfncz65980555150] (Дата обращения: 4.04.23).

Справочно-информационные издания

1. Большая Российская энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа (свободный): <https://bigenc.ru/sociology/text/1866775?> (Дата обращения: 31.01.22).
2. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002.

3. Россия в цифрах. 2018: Крат.стат.сб. Росстат- М., Р76 2018. – 522 с.
4. Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА–М, 2007.
5. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
6. Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. - Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2010.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. Том XL, СПб, 1904. – 487 с.
8. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под редакцией Г.А. Бордюгова. М., АИРО-XX, 1996. – 464 с.
9. Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя. Под редакцией Г.А. Бордюгова. М., АИРО-XX, 2003. – 560 с.
10. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с. ISBN 978-5-91022-176-9.
11. Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
12. Индикаторы науки: 2021: статистический сборник. Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 352 с.
13. Заболотный Е.Б. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века: Учебное пособие для студентов специальности 020700 "История". Е.Б. Заболотный. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2004. – 208 с. – ISBN 5-88081-386-X.
14. Наука России в 10 цифрах: как изменилась отечественная академия за 10 лет [Электронный ресурс] Режим доступа (свободный): <https://iq.hse.ru/news/440848258.html> (Дата обращения: 24.11.2021).
15. Опрос ВЦИОМ «Система образования в России (1991–2016)» Электронный ресурс. Режим доступа (свободный):

[<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sistema-obrazovaniya-v-rossii-1991-2016>] (Дата обращения: 31.01.2023).

16. Опрос ВЦИОМ «Образование в России: востребованность, доступность, качество». Электронный ресурс. Режим доступа (свободный): [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo>] (Дата обращения: 31.01.2023).
17. Опрос ФОМ «О качестве российского высшего образования» Электронный ресурс. Режим доступа (свободный): [<https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436>] (Дата обращения: 31.01.2023).
18. Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. П.Ю. Уваров, И.И. Курилла, В.В. Тихонов [и др.] Российская история. 2013. – № 1.

Научно-исследовательская литература

1. Алеврас Н.Н. Диссертационная культура российских историков второй половины XIX — начала XX в.: поиск национальных особенностей. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина. Национальный /социальный характер: археология идей и современное наследство, Нижний Новгород, 30 сентября – 02 октября 2010 года. Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории, Нижегородский госуниверситет, Нижегородский госпедуниверситет. Нижний Новгород: Институт всеобщей истории РАН, 2010. – С. 266–268.
2. Алеврас Н.Н. Диссертационная культура как историографический концепт. Уральский исторический вестник. 2014. – № 4(45). – С. 111–120.
3. Алеврас Н.Н. Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX —

начало XX в.). Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. – С. 59–62.

4. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина Диссертационная культура как российская научная традиция сообщества ученых-историков XIX — первой половины XX века: сложности рецепции и перехода // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М., 2022. С.293-322.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
6. Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. – № 1(62). – С. 63–70.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – 258 с.
8. Берк П. Что такое культуральная история? М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 240 с.
9. Бессмертный Ю.Л. Что за Казус? Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 1996. Вып. 1. Под. ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. М., 1997. – 320 с. С. 29–40.
10. Бобкова, М.С. Информационные лабиринты истории / Люди и тексты. Исторический альманах. № 5, 2014. С. 18–27.
11. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 224 с.
12. Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. — М.: МГУ, 1986. – 187 с.

13. Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований. Электронный ресурс. Режим доступа свободный: [<https://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/html/chaos.htm>] (Дата обращения: 31.01.2023).
14. Бродель Ф. Очерки истории. М.: Академический проект, 2019
15. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002.
16. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 3. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2002.
17. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
18. Бурдьё П. Homo academicus. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 461 с.
19. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
20. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
21. Воробьева О.В. Стандарты профессиональной деятельности в российских диссертационных исследованиях по истории 1995-2015 гг. Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 года. – Владивосток: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 200–205.
22. Воробьева О.В. Эпистемологические основания профессиональной деятельности в российских диссертационных исследованиях по истории 1995–2015. Омские научные чтения - 2018: Материалы

Второй Всероссийской научной конференции, Омск, 10–15 декабря 2018 года. Ответственный редактор Т.Ф. Ящук. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. – С. 462–464.

23. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 405 с.
24. Гавинелли, С. От болландистов до Муратори: история как евангелизация. Религиозное образование в России и Европе в XVIII веке. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2012. – С. 16.
25. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–209.
26. Гришина Н.В. "Работа... не является марксистской...", или Формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина). Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. – № 3(3).
27. Гришина Н.В. "...Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке": контуры диссертационной системы в 1920-е гг. Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX - середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года / Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. – С. 88–98.

28. Груздинский А.О. Проектно-ориентированный университет. Профессиональная предпринимательская организация ВУЗа. Нижний Новгород, Издательство ННГУ, 2004. – 366 с.
29. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. – 328 с.
30. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе. М.А. Гусаковский, Л.А. Яценко, С.В. Костюкевич и др.; под ред. М.А. Гусаковского. Мн.: БГУ, 2004. – 279 с.
31. Дёмин И.В. Семиотика истории Ю.М. Лотмана: между реальностью и конструктивизмом. История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 17–18 ноября 2017 года. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – С. 102–115.
32. Дробышевский В.С., Калинин А.Ф. Введение в юридическую антропологию: Проблемы методологии права. Ч. 1. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2004. – 135 с.
33. Дюверже М. Политические партии. М., Академический Проспект, 2000. 560 с.
34. Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии. Французский ежегодник, 2001. М.: УРСС, 2001.
35. Загидуллина М.В. Тематический анализ докторских диссертаций по специальности 10.01.10 - журналистика (обзор диссертаций 1992–2009 годов). Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. – Т. 2. – № 6. – С. 83–90.
36. Ильенков Э.В. Логическое и историческое. Вопросы диалектического материализма. Элементы диалектики. М., 1960. – с. 310–343.
37. Ильина К.А. Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX века. Диссертация по истории в контексте Российской научной

культуры XIX — середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 36–49.

38. Ильина К.А. Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А. И. Чивилева. Диалог со временем. 2016. – № 57. – С. 169–187.
39. Ильина К.А. "Никто не может быть... профессором, не имея степени доктора": дискуссии о докторской диссертации Андрея Угянского. Труды Кольского научного центра РАН. 2021. – Т. 12. – № 4(21). – С. 73–80.
40. Ильина К.А., Галиуллина Р.Х. Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. – № 4. – С. 15–24.
41. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., Эксмо, 2008. – 864 с.
42. Келле В.Ж. Ковальзон М.Я. Теория и история: проблемы теории исторического процесса. М., Политиздат, 1981. – 290 с.
43. Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 240 с.
44. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. – 486 с.
45. Козлова Л.А. "Без защиты диссертации.": статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы. Социологический журнал. 2001. – № 2. – С. 145–158.

46. Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 248 с.
47. Коротаев А.В. и др. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 345 с.
48. Крадин Н.Н. и др. Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография. Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. – 368 с.
49. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
50. Лахман Р. Что такое историческая социология? - М.: Издательский дом Дело, 2016. – 231 с.
51. Леонтьева О.Б. Современные исследовательские стратегии в отечественной историографии. Электронный научно-образовательный журнал "История". 2015. – № 9(42).
52. Леонтьева О.Б. Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории. Историки в поисках новых перспектив. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Аквилон", 2019. – С. 159–205.
53. Леонтьева О.Б. Методологические повороты рубежа XX–XXI вв. В практике современных диссертационных исследований по Отечественной истории. Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года. Научный редактор Н.А. Матвеева. Отв. редактор Т.П. Сухотерина. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 166–169.
54. Леонтьева О.Б. Профессиональная рефлексия историка и канон научно-квалификационных исследований в современной Российской

- науке. Вестник Пермского университета. История. 2020. – № 3(50). – С. 67–75.
55. Малкей М. Наука и социология знания. Пер. с англ. А. Л. Великовича. М.: Прогресс, 1983. — 253 с.
56. Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. Новая Локальная История. Выпуск 1. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003. – С. 6–22.
57. Метель О.В. Организация системы подготовки научных кадров в Коммунистической академии (на примере общественных наук). Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX — середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 98–109.
58. Мёрдок Дж. П. Социальная структура. Москва: ОГИ, 2003. — 606 с.
59. Мирзеханов В.С. История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена / Новая и новейшая история. – 2020. – № 5. – С. 7–27.
60. Мировщикова А.А. Докторская степень без защиты: случай С.Я. Лурье в 1934 г. Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX — середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года. Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск, 2016. – С. 110–119.

61. Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.
62. Огнев Д.А. Тематика диссертаций по отечественной истории, защищённых в Томском государственном университете в 2012–2017 годах. Гуманитарный вектор. 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 178–186.
63. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. – 381 с.
64. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.
65. Поляков О.Ю., Полякова О.А., Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 162 с.
66. Попов Е.А. Современное состояние философской науки в диссертациях. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. – № 5. – С. 136–145.
67. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980–2005 гг: Библиометрический анализ – Deutschland: LAP LAMBERT, 2011. – 480 с.
68. Гумберт Романский. О проповеди креста. издание подготовлено В.Л. Портных; перевод исправлен и доработан И. А. Реморовым. СПб.: Алетейя, 2016. – 209 с.
69. Репина Л. П. От "истории женщин" к социокультурной истории: гендерные исследования и новая картина европейского прошлого (обзор). Культура и общество в Средние века - Раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований: сборник аналитических и реферативных обзоров. М.:

Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1998.
– С. 171–209.

70. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМИ», Изд. центр «Academia», 1995. – 160 с.
71. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 304 с.
72. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. – 313 с.
73. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. послесл. К. А. Крылова, пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006. – 639 с.
74. Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И. М. Савельевой. А. Н. Дмитриев и др.; отв. ред. А. Н. Дмитриев. Высш. шк. экономики-нац. исслед. ун-т, Ин-т гуманитарных ист.-теоретических исслед. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 551 с.
75. Сашанов В.В. "Так бывало в прежние времена...": Е.А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ АН СССР в 1946 г. *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. – № 2. – С. 172–176.
76. Сетов Р.А. Конфликт и кризис: категориальные комплексы в теории международных отношений. Введение в теорию международных отношений: Учеб. Пособие. Отв. ред. А. С. Маныкин. М., 2001. С. 178–214.
77. Сетов Р.А. Международный конфликт и кризис: понятийный аппарат и аналитические позиции. Основы общей теории международных

- отношений: Учеб. Пособие. Под ред. А. С. Манькина. М., 2009. С. 453–485.
78. Скворцов А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным. Научный диалог. 2019. – № 2. – С. 296–310.
79. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей. Мотивы, намерения и интерпретация текстов. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., Новое литературное обозрение, 2018. – 632 с. С. 53–141.
80. Сухова Н.Ю. Первые православные доктора богословия в России (1814–1869) / *Alma Mater* (Вестник высшей школы). – 2009. – № 11. – С. 56–62.
81. Сухова Н.Ю. "Положение о производстве в ученые степени" в российской духовной школе / *Высшее образование в России*. – 2010. – № 4. – С. 135–142.
82. Сухова Н.Ю. Диссертационные диспуты как форма научной работы в православных духовных академиях России в 1869–1884 гг / *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. – 2010. – № 3(36). – С. 21–35.
83. Сухова Н.Ю. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. – 376 с.
84. Сухова Н.Ю. Научно-богословская аттестация в период гонений 1920-1930-х гг. и присвоение ученой степени доктора богословия митрополиту Сергию (Страгородскому) / *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. – 2009. – № 3(32). – С. 99–115.

85. Сталин И.В. «О некоторых вопросах истории большевизма». Вопросы Ленинизма. Издание 11. М., Государственное издательство политической литературы, 1952. – 652 с. С. 384–395.
86. Тойнби А.Дж. Постигание истории М.: Академический проект, 2019. – 802 с.
87. Уколова, В. И. Тематика докторских диссертаций по всеобщей истории в 2000 и 2001 гг / В. И. Уколова // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 129–138.
88. Уколова, В. И. О тематике докторских диссертаций по всеобщей истории в 2002–2003 годах / В. И. Уколова // Новая и новейшая история. – 2005. – № 3. – С. 219–229.
89. Фромм Э. Бегство от свободы. М., Прогресс, 1990, 269 с.
90. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996. – 448 с.
91. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
92. Хачатурян, В. М. Диалог с архаикой. Человек. 2006. – № 3. – С. 48–61.
93. Хобсбаум Э. Бандиты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. – 224 с.
94. Хорошенкова А.В. Состояние профессорско-преподавательского состава вузов СССР после Великой отечественной войны. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. – № 4. – С. 561–570.
95. Хорошенкова А.В. Исследования по истории СССР в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в.: тенденции и противоречия. Вестник Томского государственного университета. 2014. – № 388. – С. 155–160.
96. Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.

Адыгейский государственный университет, Московский государственный педагогический университет. М.: ООО "Издательство Прометей", 2010. – 702 с.

97. Шафранов-Куцев Г.Ф. Университет в региональном сообществе. М.: Высш. шк., 2003. – 223 с.
98. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006. С. 275–281, 293–300.
99. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. – 366 с.
100. Эриксон, Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996. – 560 с.
101. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 765 с.
102. A. Krymskaya. A Bibliometric Analysis of Dissertations on the History of International Relations (2000–2019). Scientific and Technical Information Processing, 2022.
103. A. Mazanik. Research in urban history: new research trends in doctoral dissertations in Russia since 2000. Cambridge University Press, 2015.
104. B. McDowell. Historical Research. A Guide for Writers of Dissertations, Theses, Articles and Books. L, Routledge, 2002.
105. C.M. Golde, G.E. Walker (editors). Envisioning the Future of Doctoral Education: Preparing Stewards of the Discipline - Carnegie Essays on the Doctorate. John Wiley & Sons, 2006.
106. D. Saunders. Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia / The Slavonic and East European Review Vol. 60, No. 1 (Jan., 1982), pp. 44–62.
107. D. Saunders. The Political Ideas of Russian Historians. The Historical Journal. Volume 27 Issue 3. 1984. Pp. 757–771.

108. E. Hobsbawm. *The Invention of Tradition*. - Cambridge University Press, 2012.
109. E.A. Goedeken, J-P. V. M. Herubel. *Dissertations in Military History, 1973-1988: A Survey and Analysis*. *The Journal of Military History*. Vol. 56, No. 4 (Oct., 1992), pp. 651-657
110. F. Barth Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. ed. by F. Barth. Bergen, Boston, 1969. Pp. 9–38.
111. Froger J. *La critique des textes et son automatisisation*. Paris, 1968.
112. J. M. Stawicki. *Evolving Our Heroes: An Analysis of Founders and “Founding Fathers” in American History Dissertations*. – Bowling Green State University, 2019.
113. J. P. V. M. Hérubel *Utilizing Journal Dissertation Listings for Bibliometric Analysis: French History Dissertations 1976–1990*. *Behavioral & Social Sciences Librarian*. 2006. T. 25. №. 1. C. 123-134.
114. K. Partti. *Taking the Language of the Past Seriously. The Linguistic Turns in Finnish and Swedish History Dissertations, 1970–2010*. JYVÄSKYLÄ 2020
115. L. Henry. *Population: analysis and models*. L: Edward Arnold, 1976
116. M. Al-Douski. *Historical Trends in Writing University Dissertations in History Dept. (Modern and Current History as a Model)*. *Adab Al-Rafidayn*, 39(54), pp. 377-398
117. M. Suslov, I. Kotkina. *Civilizational discourses in doctoral dissertations in post-Soviet Russia. / Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. L.: Routledge, 2020. P. 164–186.
118. R. L. Tinsley, H. Zohn Translation: *American Doctoral Dissertations, 1970-1974* // *The Modern Language Journal*. 1977. T. 61. №. 3. C. 101-109.
119. S. Eisenstadt *Revolutions and the Transformation of Societies*. New York, 1978.
120. S. Lynd. *Doing History from the Bottom Up*. Haymarket Books, 2014.

121. T. Bender. *The Education of Historians for Twenty-first Century*. University of Illinois Press, 2004.
122. T. Sanders. *The past in the service of the future: Russian historians and Russian society, 1880-1930*. Thesis. Stanford University, 1989. 176 p.
123. T. Sanders. *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. L.: Routledge, 1997. 521 p.
124. H. Quentin *Essais de critique textuelle*. Paris, 1926. P. 41-60.